

Приятного чтения!

Свет В Океане

М. Л. Седман

- [М.Л. Седман](#)
- [Часть I](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Часть II](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Часть III](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [От автора](#)

М.Л. Седман
Свет В Океане

Памяти родителей посвящается

Часть I

27 апреля 1926 года

Когда случилось чудо, Изабель стояла на коленях на краю утеса возле небольшого креста, сделанного Томом из прибитой к берегу доски. По чистому апрельскому небу плыло белое облако, и его отражение скользило по зеркальной глади океана. Женщина полила посаженный куст розмарина и слегка утрамбовала вокруг него землю. — ...и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого, — прошептала она.

Ей вдруг почудился крик младенца, но, решив, что это проделки воображения, она перевела взгляд на стадо китов, направлявшихся к теплым водам, где беременным самкам предстояло разрешиться от бремени. На водной глади то и дело появлялись их хвостовые плавники, похожие на иглы, вышивавшие гобелен океана. Снова послышался крик, на этот раз громче — его донес порыв свежего утреннего ветра. Но этого не может быть!

С этой стороны острова до самой Африки простирались бескрайние водные просторы. Здесь смыкались два великих океана — Индийский и Южный [1], образуя гигантский ковер, огибавший крошечный скалистый остров. В дни, похожие на этот, казалось, что отливавшая синевой океанская гладь была твердой и по ней можно запросто прошагать до самого Мадагаскара. Восточную часть острова от Австралии разделяли сотни миль, и он недовольно оглядывался назад, не в силах разорвать с ней связи, поскольку являлся вершиной самого высокого пика горной гряды, пролежавшей по дну океана. Очертания острова походили на разинутую пасть с хищно торчащими зубами, готовую поглотить беззащитные суда, спешившие скорее оказаться в безопасности тихих бухт материка.

Будто заглаживая невольную вину, островок, носивший имя Януса, дал приют маяку, чей свет предупреждал об опасности за тридцать миль. Каждую ночь в воздухе слышался ровный гул вращающихся линз, равнодушных к скалам и не обращавших внимания на волны: в случае бедствия здесь можно было найти приют.

Снова послышался плач. Вдалеке скрипнула дверь маяка, и на галерее появилась высокая фигура — это был Том с биноклем в руках.

— Иззи, там лодка! — закричал он и показал рукой. — Там лодка на берегу!

Том выбежал из галереи, но вскоре появился снова, уже внизу.

— Похоже, в ней кто-то есть! — крикнул он. Изабель поспешила навстречу, и уже вдвоем, держась за руки, они бросились вниз по утопанной тропинке к маленькому пляжу.

— Тут и правда кто-то есть! — сообщил Том. — Господи! Да это мужчина, но...

Человек, распластавшийся на сиденье, не шевелился, но плач по-прежнему доносился откуда-то снизу. Том подскочил к ялику и, подвинув мужчину, нагнулся посмотреть. Когда он выпрямился, в руках у него был сверток: обернутый в мягкий шерстяной женский жакет младенец.

— С ума сойти! — воскликнул он. — Черт меня подери, Иззи! Да это...

— Ребенок! Боже милостивый! Господи, Том! Том! Дай же его скорее сюда!

Том передал ей сверток и осмотрел мужчину — пульса у него не было, — после чего перевел взгляд на Изабель, которая рассматривала крошечное создание.

— Он умер, Изз. Что с ребенком?

— Похоже, с ним все в порядке. Ни царапин, ни ушибов. Какой же он хорошенький! — сказала она, прижимая его к себе. — Ну же, ну, теперь все хорошо, малыш, теперь все позади. Какая же ты крохотуля!

Том стоял не шевелясь и не сводил взгляда с тела мужчины. Несколько раз он крепко зажмурил глаза, чтобы убедиться, что это происходит наяву и ему ничего не привиделось. На руках у Изабель ребенок перестал плакать и лишь изредка судорожно всхлипывал.

— На теле вроде нет никаких ран, и больным он тоже не выглядит. Наверняка умер недавно... даже не верится... — Том помолчал, размышляя. — Отнеси ребенка в дом, Изз, а я чем-нибудь накрою тело.

— Но, Том...

— Притащить его наверх вряд ли получится, так что лучше оставить здесь, пока не подоспееет помощь. А прикрыть тело можно парусиной, что лежит в сарае. — Он казался совершенно спокойным, но почувствовал, как от оживших призраков прошлого повеяло холодом и по коже пробежали мурашки.

Остров занимал площадь примерно в одну квадратную милю. На нем было достаточно травы, чтобы прокормить несколько овец, коз и кур, и можно было даже развести простенький огород. Из деревьев росли только две высокие сосны, посаженные строителями маяка из Пойнт-Партагеза в 1889 году, то есть больше тридцати лет назад. Старые могилы напоминали о кораблекрушении, случившемся задолго до этого, когда судно «Гордость Бирмингема» напоролось на коварные рифы среди бела дня. На таком же судне был доставлен из Англии и сам маяк, изготовленный фирмой «Чанс бразерз» по последнему слову техники и с гарантией, что его можно установить где угодно, даже в самых суровых краях и труднодоступных местах. Течения вокруг острова пригоняли, будто засасывая в воронку, невообразимую смесь всего и вся. Среди обломков кораблекрушений, выброшенных на берег, встречались и доски, и деревянные коробки из-под чая, и китовый ус. И посреди всего этого высилась стройная башня маяка, к которой жались остальные постройки, будто пытаясь укрыться от пронизывающих ветров.

Изабель, устроившись за старым столом на кухне, сидела, прижимая малышку к груди. Прежде чем войти, Том неторопливо вытер на крыльце ноги, потом подошел к жене и положил ей на плечо руку.

— Я прикрыл беднягу парусиной. Как малыш?

— Это девочка, — поправила Изабель улыбаясь. — Я купала ее. Похоже, с ней все в порядке.

Ребенок уставился на него, не переставая сосать из бутылочки.

— Интересно, что она обо всем этом думает? — поинтересовался Том.

— Я дала ей молока, и теперь мы пьем. Верно, маленькая? — заворковала Изабель, переадресуя вопрос ребенку. — Эта девочка просто прелесть, Том, — продолжила она, целуя кроху. — Один Господь знает, что с ней произошло.

Том достал из буфета бутылку бренди, плеснул немного в стакан и залпом выпил. Потом сел рядом с женой и наблюдал, с каким восторгом она разглядывала сокровище у себя в руках. Ребенок не спускал с нее глаз, будто боялся, что Изабель исчезнет, если посмотреть в сторону.

– Ах ты, маленькая, такая крошечная и несчастная, – причитала Изабель, а малютка пыталась уткнуться носом ей в грудь. Том слышал, как голос жены задрожал, и они оба невольно подумали о своей недавней потере.

– Ты ей нравишься, – сказал он. – Если бы только... – Заметив на ее лице боль, он быстро добавил: – Я хотел сказать... я совсем не это имел в виду... Просто ты была бы замечательной матерью.

Он нежно погладил ее по щеке.

– Я знаю, милый, – произнесла она, посмотрев на Тома. – Я знаю, что ты имел в виду. Я чувствую то же самое.

Он обнял жену с ребенком на руках, и она уловила запах бренди.

– Том, как чудесно, что мы нашли ее вовремя!

Том поцеловал ее и коснулся губами лба малютки. Они долго не шевелились, а потом ребенок заерзал и вытащил кулачок из пушистого желтого одеяла.

– Ладно, – сказал Том, поднимаясь и расправляя плечи. – Пойду сообщу, что прибило ялик, и пусть пришлют судно забрать тело. И маленькую мисс.

– Подожди, – остановила его Изабель, перебирая пальчики малютки. – Я хочу сказать, что никакой спешки тут нет. Покойнику уже все равно, а малышка и так наплавалась достаточно. Не надо ее сейчас тревожить. Пусть хоть немного придет в себя.

– Им и так потребуется время, чтобы добраться до острова. С ней все будет в порядке. Тебе даже удалось ее успокоить, такую кроху.

– Давай немного подождем. Все равно это ничего не изменит.

– Я должен сделать запись в журнале. Ты же знаешь, что о таких вещах следует докладывать незамедлительно, – напомнил Том. В его обязанности входило регистрировать все более или менее значительные события, происходившие на маяке и вокруг него, начиная с проплывавших мимо судов и заканчивая проблемами с механизмом.

– Сообщишь утром, ладно?

– А если эта лодка с судна?

– Это ялик, а не спасательная шлюпка, – возразила Изабель.

– А вдруг где-то на берегу ее мать сходит с ума от беспокойства? Представь себя на ее месте.

– Ты же видел жакет. Скорее всего мать упала за борт и утонула.

– Милая, мы понятия не имеем, что с ее матерью. И кто этот мужчина.

– Но такое объяснение напрашивается само собой, разве нет? Младенцы не сбегают от родителей.

– Иззи, мы не знаем, что случилось. Мы ничего не знаем.

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы младенцы уплывали от матерей? – Она еще крепче прижала малютку к груди.

– Иззи, это не шутки. Тот мужчина мертв.

– А девочка жива! Пожалей ее, Том.

В голосе жены звучала такая мольба, что Том не решился настоять на своем. Может, ей и правда нужно просто побыть с ребенком чуть дольше. Неужели он откажет Изабель в такой малости после всего, что ей пришлось пережить? В наступившей тишине она не сводила с него умоляющего взгляда.

– Ладно, если уж так необходимо... – неохотно протянул он. – Думаю, до утра это может подождать. Но утром – обязательно! Как только выключу маяк.

Изабель поцеловала Тома и сжала его руку.

– Мне надо вернуться на маяк. Я так и не поменял пароотводную трубку, – сказал он.

Шагая по тропинке, он слышал, как Изабель принялась напевать песенку про девушку, просившую ветер дуть с юга, чтобы к ней скорее вернулся суженый. Хотя мелодия была вовсе не грустной, но улучшить ему настроение не смогла. Поднимаясь по ступенькам вверх, он никак не мог отделаться от ощущения совершенной ошибки.

Глава 1

16 декабря 1918 года

– Да, я понимаю, – подтвердил Том Шербурн. Он сидел в скромно обставленном кабинете, где было так же душно, как и на улице. По стеклу барабанили капли летнего сиднейского дождя, заставлявшего прохожих ускорять шаг. – Я не шучу, когда говорю, что жизнь там не сахар. – Мужчина, сидевший за столом напротив, кивнул для убедительности головой. – И совсем не похожа на развлекательную прогулку. Байрон-Бей – не самое плохое место в ведении Маячной службы, но я хочу быть уверенным, что ты понимаешь, как там будет. – Утрамбовав табак в трубке большим пальцем, он раскурил ее.

Из заполненной Томом анкеты вырисовывалась типичная для тех лет биография: родился 28 сентября 1893 года, воевал на фронте. Владеет МСС – Международным сводом сигналов – и азбукой Морзе, физически здоров и крепок, уволен с военной службы с отличной аттестацией. Согласно инструкции, предпочтение при приеме на работу следовало отдавать бывшим фронтовикам.

– Вряд ли... – Том запнулся, но все-таки сказал: – При всем уважении, мистер Кафлэн, там вряд ли будет труднее, чем на Западном фронте.

Мужчина полистал увольнительные документы и поднял глаза на Тома, будто хотел прочесть что-то по его лицу.

– Нет, сынок, не труднее. В этом, думаю, ты прав, – согласился он и принялся вводить в курс дела: – До места назначения добираться за свой счет. Работа вахтовая, поэтому выходных тебе не положено. Постоянные сотрудники имеют право на месячный отпуск по истечении трех лет службы. – Он достал толстую ручку и подписался на формуляре, после чего, прижав печать к штемпельной подушке, поставил ее в трех разных местах. – Добро пожаловать в Маячную службу Содружества.

На бланке блестела дата, выведенная еще не успевшими высохнуть чернилами: 16 декабря 1918 года.

За шесть месяцев пребывания в Байрон-Бей у побережья Нового Южного Уэльса, где жили еще два смотрителя с семьями, Том постиг все нехитрые премудрости профессии, после чего отправился на смену на остров Маатсукур к югу от Тасмании, где почти всегда лил дождь, а штормы были такой силы, что сдували кур в море. Работа смотрителем маяка оставляла Тому Шербурну много времени для раздумий о войне. Он вспоминал лица товарищей, подставлявших плечо и не раз спасавших ему

жизнь, вспоминал лица умиравших, чьи прощальные слова было не разобрать, но он все равно согласно кивал, слушая их.

Тома миновала судьба тех, кому снаряды рвали сухожилия на ногах или вспарывали живот, откуда вываливались кишки, похожие на ком скользких угрей. Его легкие и мозг не были превращены в кисель отравляющим газом. Но, как и у любого человека, прошедшего горнило войны, она оставила в душе незаживающие раны, накрывая тенью черного облака всю последующую жизнь.

Он старался не думать о ней, зная, как много людей так и не смогли взять себя в руки и превратили свое существование в постоянный кошмар. Он старался отвлечься от мучительных переживаний, природу которых невозможно описать словами. Когда ему снились те годы, он себе представлялся мальчиком лет восьми с залепанными кровью руками. Этот маленький мальчик противостоял взрослым дядям с винтовками и штыками и переживал, что никак не мог подтянуть сползшие носки, в которых ходил в школу: для этого надо было выпустить из рук винтовку, а она тяжелая и все время норовила выскользнуть из рук. И еще он никак не мог найти свою маму.

Потом он просыпался, и кругом только ветер, волны и маяк с хитроумным механизмом, поддерживавшим огонь и вращавшим линзы. И он снова оглядывался назад.

Если бы удалось укрыться от людей и воспоминаний, время бы наверняка излечило все раны.

Сидней, где прошло детство Тома, разделяли от Януса тысячи миль. И маяк, располагавшийся на острове, был последним напоминанием об Австралии, которое видели новобранцы с борта военного транспорта, увозившего их в Египет в 1915 году. После отплытия из Албани в морском воздухе еще долго стоял запах эвкалипта, а когда он исчез, Том вдруг с болью ощутил потерю чего-то важного, о существовании которого он раньше даже не подозревал. А спустя много часов появился маяк – самый отдаленный кусочек родины. И свет его луча, похожий на прощальный поцелуй, запечатлелся в памяти на долгие военные годы. Когда в июне 1920 года Том узнал об открывшейся там вакансии смотрителя, он расценил это как личное приглашение старого знакомого.

Остров Янус, оседлавший континентальный шельф, считался одним из самых непривлекательных мест работы во всей Маячной службе. Хотя из-за тяжелых условий за работу там и платили по самой высокой ставке, но бывалые смотрители уверяли, что овчинка выделки не стоит, поскольку эти деньги никак не окупали трудностей службы. Тому предстояло заменить смотрителя по имени Тримбл Докерти, который встревожил начальство сообщением, что его жена посылает проходящим судам сигналы флажками МСС. Начальство посчитало необходимым принять меры исходя из следующего. Во-первых, несколько лет назад заместитель директора Маячной службы издал специальный приказ, запрещающий передавать с Януса сигналы флагами, поскольку суда, пытаясь их разобрать, могли подойти к острову на опасно близкое расстояние. И во-вторых, жены Тримбла, о которой шла речь, к тому времени уже не было в живых.

По этому поводу была затеяна оживленная переписка между Фримантлом и Сиднеем. Заместитель директора во Фримантле, ставя в известность о событиях головной офис, делал упор на безупречность многолетней службы Докерти. Однако начальство в Сиднее интересовало лишь неукоснительное соблюдение принятых правил и исполнение сметы. Найденный компромисс предусматривал предоставление Докерти шестимесячного отпуска на лечение, а на этот период его должен был подменить временный смотритель.

– Обычно мы не посылаем на Янус холостяков. Это очень далекая точка, и жена с семьей там нужны не только чтобы скрасить досуг, но и помочь по хозяйству, – сообщил Тому окружной инспектор Маячной службы. – Но учитывая, что вы туда отправляетесь на подмену... В общем, через два дня вы должны отбыть в Партагез. – С этими словами он подписал бумаги о командировании Тома на остров Янус на полгода.

Собирать ему было особо нечего, да и прощаться не с кем. Через два дня Том поднялся на борт парохода «Прометей» с вещевым мешком, в котором уместился весь его нехитрый скарб. Это судно курсировало вдоль южного побережья Австралии, заходя в портовые города между Сиднеем и Пертом. Несколько кают для пассажиров первого класса располагались на верхней палубе ближе к носу. Том плыл третьим классом, и его соседом по каюте оказался старый моряк.

– Я ходил по этому маршруту целых полсотни лет, так что у них духу не хватит брать с меня деньги за проезд. Обойдутся! – жизнерадостно поведал моряк и переключил внимание на большую бутылку крепчайшего рома, с которой коротал время. Чтобы поменьше дышать парами алкоголя, дневные часы Том обычно проводил на палубе. А вечерами в трюме играл в карты.

Отличить фронтовиков от тех, кто остался дома, никакого труда не представляло. И те и другие безошибочно это чувствовали и сторонились друг друга, предпочитая общество себе подобных. Пребывание в трюме оживило воспоминания о судах, которые везли новобранцев сначала на Ближний Восток, а потом во Францию. Оказавшись на борту, они сразу каким-то удивительным чутьем точно определяли, кто служил офицером, кто ходил в нижних чинах и кто где воевал.

Как и на военном транспорте, сразу стали думать, чем бы себя занять, чтобы развеять скуку морского путешествия. Решили остановиться на проверенном способе. Первый, кому удастся раздобыть сувенир в каюте первого класса, окажется победителем. Правда, сувенир был особенным: пара женских панталон. Призовой фонд удваивался, если панталоны будут не просто изъяты из каюты, а сняты с их обладательницы.

Зачинщик состязания – усатый здоровяк по имени Макгоуэн с желтыми от сигарет пальцами – сообщил, что узнал у стюарда, кто ехал первым классом. Выбор оказался невелик. Всего кают первого класса было десять. Адвокат с женой занимали каюту с широкой кроватью, было еще несколько пожилых пар и две старые девы (неплохой вариант). Но наибольший интерес представляла дочка какого-то толстосума, ехавшая в одиночестве.

– Думаю, что можно подняться по борту до окна каюты и залезть в нее, – объявил Макгоуэн. – Кто со мной?

Опасность предприятия не удивила Тома. После возвращения он слышал десятки подобных историй. Мужчины рисковали жизнью по глупой прихоти – на лошади, скачущей галопом, брали барьер в виде шлагбаума на железнодорожных переездах; заплывали в расщелины с единственной целью пощекотать себе нервы и выяснить, удастся ли им оттуда выбраться. Мужчины так привыкли испытывать судьбу, что теперь искали малейший предлог, лишь бы снова испытать былую остроту ощущений. Обычная жизнь им казалась слишком пресной. А может, они просто куражились.

На следующую ночь, проснувшись в холодном поту от очередного кошмара, Том решил прогуляться по судну, чтобы успокоиться. Время было два часа ночи. В это время суток можно гулять где захочется, и он решил подняться на верхнюю палубу. Глядя на лунную дорожку, он поднимался по ступенькам, держась за поручень, чтобы не оступиться при качке, и полной грудью вдыхал свежий морской воздух. На небе светились яркие россыпи звезд.

Заметив краем глаза, как в одной из кают мелькнул свет, он подумал, что и в первом классе кому-то не спится. И вдруг неожиданно ощутил знакомое чувство опасности. Тихо подобравшись к каюте, Том заглянул в окно и увидел мужчину и прижавшуюся к стене девушку, хотя ее никто не трогал. Мужчина наклонился к ней совсем близко, и на его лице заиграла ухмылка, которую Тому не раз доводилось видеть. Он узнал одного из участников пари, заключенного в трюме, и вспомнил о призовом фонде, который мог быть удвоен. Кретины! Том нажал на ручку, и дверь открылась.

— Оставь ее в покое! — сказал он спокойно, но решительно, входя в каюту.

Мужчина резко обернулся посмотреть, кто это, но, узнав Тома, улыбнулся:

— Вот черт! А я уж было решил, что это стюард. Можешь мне помочь, я как раз собирался...

— Я сказал — оставь ее в покое! Вон отсюда! Немедленно!

— Но я не закончил. Я как раз собирался устроить ей праздник. — От него пахло спиртным и табаком.

Том положил ему руку на плечо и сжал так сильно, что мужчина вскрикнул от боли. Он был на добрых шесть дюймов ниже Тома, но все же попытался ударить его кулаком. Том перехватил руку и вывернул ее.

— Имя и звание!

— Маккензи. Рядовой. CX 3277. — Он по привычке даже назвал свой армейский номер.

— Рядовой, ты извинишься перед молодой леди, вернешься в кубрик и не высунешь оттуда носа, пока мы не пришвартуемся.

Все ясно?

— Так точно, сэр. — Он повернулся к женщине: — Прошу прощения, мисс. Я не хотел ничего дурного.

Так и не оправившись от страха, она слабо кивнула.

— А теперь убирайся! — скомандовал Том, и мужчина, моментально протрезвев, выскользнул из каюты.

— С вами все в порядке? — спросил Том у женщины.

— Я... мне кажется, да.

— Он причинил вам боль?

— Он... — Она говорила так, будто отвечала на вопрос, которым сама задавалась. — Он до меня не успел даже дотронуться.

Том заглянул ей в лицо. Ее серые глаза начинали успокаиваться. Распущенные темные волосы спускались волнами до плеч, а кулачки еще нервно сжимали ворот ночной сорочки. Том снял с вешалки халат и накинул ей на плечи.

— Благодарю вас, — сказала она.

— Вы, должно быть, сильно перепугались. Боюсь, что некоторые из нас совсем одичали на войне.

Она промолчала.

— Больше он вас не потревожит. — Том поднял опрокинутый стул. — Решайте сами, стоит ли на него заявлять. Думаю, что он уже никогда не будет прежним.

В ее глазах стоял немой вопрос.

— Война меняет человека. В голове все путается, и человек перестает различать добро и зло. — Том повернулся чтобы уйти, но задержался и посмотрел на нее. — У вас есть полное право подать на него в суд, если пожелаете. Но ему, наверное, и так пришлось хлебнуть в жизни всякого. Как я и сказал, поступайте, как считаете правильным.

С этими словами он вышел из каюты.

Глава 2

Пойнт-Партагез получил свое название от французских первооткрывателей, которые нанесли на карту мыс на юго-западной оконечности австралийского континента задолго до начавшейся в 1826 году британской колонизации запада материка. Скваттеры двинулись на север от Албани и на юг от колонии Суон-Ривер, захватывая девственные леса на территории в сотни миль. Светлокожие люди вырубали высокие вековые деревья, прокладывали дороги и освобождали землю под пастбища. Караваны повозок, запряженных лошадьми, потянулись по узким дорогам, и земли, не знавшие до этого никакого насилия, теперь выжигались, распахивались, обмерялись и раздавались людям, прибывшим из другого полушария в поисках лучшей доли. Здесь судьба могла им уготовить и невероятные лишения, и смерть, и баснословное богатство.

Городок Партагез на стыке двух океанов образовался сам по себе, притягивая как магнитом жителей в это удобное место, где была пресная вода, плодородная почва и отличная бухта. Местный порт, конечно, не мог соперничать с Албани, но вполне годился для перевозки древесины, сандалового дерева и говядины. Постепенно поселение обрастало ремесленниками и торговцами, в городке открылась школа, появились разные церкви, много кирпичных и каменных домов и еще больше — деревянных. Заработали магазины, возвели здание ратуши, и даже открылось отделение фирмы Далгети по продаже товаров для колонистов и скупке их продукции. И еще открылось много питейных заведений. Очень много.

С самого основания поселения его жители считали, что все стоящие внимания события происходят за его пределами. Новости из внешнего мира напоминали капли дождя, которые с трудом просачивались сквозь густую крону деревьев: стоило кому-то что-нибудь узнать, как новость передавалась из уст в уста. Но ситуация чуть улучшилось в 1890 году, когда проложили телеграфную линию и в городке кое у кого даже появились телефоны. В 1899 году мужчины из Пойнт-Партагеза отправились в Трансвааль на англо-бурскую войну, и хотя с нее вернулись не все, но даже это не изменило мнения, что Партагез жил своей обособленной жизнью, в которой просто не могло произойти ни удивительно хороших, ни на редкость плохих событий.

В других городах все было иначе. Например, в Калгурли, который находился в сотнях миль в глубь материка, под коркой пустыни пролегали золотые жилы. Туда съезжались старатели, не имевшие ничего, кроме тачки и лотка, а уехать могли на легковом автомобиле, за который расплачивались золотым самородком размером с кошку. Не случайно в названиях улиц там то и дело встречалось слово «Крез». Мир нуждался в том, что имелось в Калгурли. А древесина и сандаловое дерево, которые мог предложить Партагез, были сущей мелочевкой, спрос на которую никогда не порождал бума и буйного расцвета.

Но в 1914 году все изменилось. Неожиданно выяснилось, что у Партагеза тоже имелось нечто, в чем отчаянно нуждался мир. Это были молодые мужчины, лесорубы и пахари, привычные к лишениям и тяжелому труду. Эти мужчины были отличным пушечным мясом для войны в другом полушарии.

1914 год запомнился торжественными проводами и запахом кожи на новеньких формах. Но год спустя жители Партагеза

вдруг стали ощущать, что события в мире уже не обходят стороной их городок: любимые и пышущие здоровьем мужья и сыновья не возвращались, но зато начали приходить телеграммы. Эти клочки бумаги часто выпадали из обессиленных рук и тут же подхватывались порывистым ветром. В них говорилось, что чудесных сыновей, которых они растили, купали, бранили и жалели... что их больше нет на свете. Партагез стал частью большого мира позже других, и присоединение сопровождалось мучительной болью.

Конечно, дети умирали и раньше. Никто не мог дать гарантии, что ребенок родится живым или что он проживет долго. Выживали только самые здоровые и везучие. Об этом красноречиво свидетельствовали записи в семейных Библиях, да и на кладбище было немало могил детей, погибших от укуса змеи, болезни или несчастного случая вроде неудачного падения с повозки. Эти дети восприняли материнские увещания «не шуметь» буквально, а их братья и сестры быстро привыкали накрывать на стол на одного человека меньше, как, впрочем, и к тому, что после очередных родов им придется потесниться. Как не все зерна пшеницы, брошенные в землю, сумеют прорасти, так и Господь отмеряет всем жизненный срок и прибирает к себе «лишних» согласно одному Ему ведомым соображениям.

Городское кладбище всегда честно фиксировало каждую смерть, и его надгробия, иногда покосившиеся и торчавшие из земли, как кривые и гнилые зубы, рассказывали, как кто-то утонул, кого-то придавило насмерть бревном, а кого-то убила инфлюэнца или даже удар молнии. Но с 1915 года все изменилось: мужчины со всей округи продолжали умирать десятками, а кладбище никак на это не реагировало.

Причина была проста: эти тела погибших лежали где-то в грязи на чужбине. Власти делали что могли: там, где позволяли условия и военная обстановка, рылись могилы. Если останки разорванных тел удавалось опознать, а для этого прилагались все силы, то погибших хоронили с военными почестями. Могилы фотографировались, и потом за два фунта один шиллинг и шесть пенсов семья могла приобрести официальный памятный снимок в рамке. Позже появлялись военные мемориалы, но они воздвигались не столько в знак скорби по павшим, сколько во славу победы, оплаченной их жизнями. Но люди считали, что такой победой жизни вряд ли стоило так уж гордиться.

В Партагезе семей, потерявших на фронте своих мужчин, было предостаточно. Причем никакого призыва на военную службу и мобилизации не было. Никто не заставлял их идти воевать.

Но особенно жестоко судьба обошлась с теми, кого считали «счастливыми», вернувшимися домой. Детей в честь их возвращения принаряжали, и даже собаке на ошейник повязывали бант, чтобы чувствовался общий праздник. Обычно именно собака первой замечала, что с хозяином что-то не так. И не потому, что у мужчины не хватало глаза или ноги: вернувшиеся были будто пропавшими без вести, хотя никуда и не пропадали. Взять хотя бы Билли Уишарта с мельницы Сэдлера. Трое детишек и чудесная жена, о которой можно только мечтать. После газовой атаки Билли не может даже толком держать ложку: она стучит о тарелку, как соломорезка, и разбрызгивает суп по всему столу. А руки трясутся так, что невозможно застегнуть пуговицы. А оставшись ночью с женой, он не раздевается, а сворачивается калачиком на кровати и плачет. Или взять Сэма Даусетта, которому удалось выжить в кровавой мясорубке при посадке на Галлиполи, но зато ему оторвало обе ноги и снесло пол-лица в битве при Буллекурте. Его овдовевшая мать не спит ночами, переживая, кто позаботится о ее мальчике, когда Господь призовет ее к себе. Во всей округе не найдется дурочки, которая согласится связать с ним свою судьбу. Такие люди похожи на дырки в швейцарском сыре, в которых ничего нет.

На лицах близких надолго застывало выражение как у сбитых с толку игроков, которым сообщили, что правила игры внезапно изменились. Они изо всех сил пытались радоваться самому факту, что их мужчины пострадали не зря и внесли свой вклад в чудесную победу добра над злом. Иногда им это удавалось, и они проглатывали крик злого отчаяния, который так и норовил оторваться, как принесенный в зобе птенцам корм.

Люди старались с пониманием отнестись к поведению ветеранов войны, которые увлекались выпивкой, затевали драки и не могли работать больше нескольких дней. Постепенно жизнь в городке вошла в привычное русло. Келли снова стал торговать бакалейными товарами. Старый Лен Брэдшо снова встал у прилавка своей мясной лавки, хотя его сын с нетерпением ждал, когда же отец наконец уступит ему место. Это было видно хотя бы по тому, как по-хозяйски он держался за прилавок, поворачиваясь достать свиную вырезку или голову. После гибели мужа в Галлиполи миссис Ингпен (у которой, похоже, не было обычного имени, хотя наедине сестра и называла ее Попси) взяла кузнечное дело в свои руки. Ее суровое лицо казалось высеченным из камня, а твердостью характера она ничуть не уступала железным гвоздям, которыми подковывали лошадей у нее в кузнице. На нее работали верзилы, от которых слышалось лишь уважительное: «Да, миссис Ингпен. Нет, миссис Ингпен. Все готово, миссис Ингпен», хотя любому из них она едва доставала до плеча.

Люди знали, кому можно отпускать в кредит, а кому нельзя, кому можно верить, что товар не подошел, и вернуть за него деньги, а кому веры не было. У Мушмора торговля мануфактурными товарами и галантереей шла особенно бойко перед Рождеством и Пасхой, а зимой повышался спрос на шерсть для вязания. Неплохо продавалось и женское нижнее белье. Терпеливо поправляя тех, кто неправильно произносил его фамилию, Ларри Мушмор неизменно проводил пальцем по тонким усикам. Он с изумлением наблюдал, как миссис Таркл все-таки открыла по соседству меховой салон, идея которого превратилась для нее в настоящее наваждение. Меховой салон? В Пойнт-Партагезе? Я вас умоляю! Через полгода салон прогорел, и Мушмор лишь кротко улыбался, выкупая складские остатки исключительно из добрососедского милосердия. Он перепродал их практически за ту же цену капитану парохода, отплывавшему в Канаду. По словам капитана, там спрос на меха был огромный.

Таким образом, к 1920 году Партагез превратился в типичный городок на западе Австралии, которым начинали гордиться его настырные и трудолюбивые жители. На покрытом травой пятачке возле центральной улицы возвели гранитный обелиск с именами не вернувшихся с войны добровольцев, которым больше не суждено взяться за плуг или валить лес. Некоторым из них едва стукнуло шестнадцать лет, и они никогда не продолжат учебу. И все же, вопреки всякому здравому смыслу, в городе продолжали их ждать. Постепенно город вернулся к прежней жизни, где судьбы обитателей тесно переплелись невидимыми для чужаков нитями, сотканными школой, работой и браками.

И остров Янус, связанный с материком только катером, приходившим четыре раза в год, походил на болтавшуюся пуговицу, которую вот-вот грозила оторвать Антарктика.

Длинный пирс был сооружен из того же эвкалипта, что привозили на железнодорожных платформах для последующей

морской перевозке. В день прибытия Тома широкая бухта, вокруг которой раскинулся город, отливала синевой и сверкала, как шлифованное стекло. Мужчины деловито сновали, разгружая судно и изредка перекликаясь друг с другом и свистя. На берегу тоже была толчея: лица людей выражали озабоченность, и все куда-то спешили, покидая порт пешком, на лошади или в легком экипаже.

Но в этой суете выделялась молодая девушка, кормившая хлебом чаек. Она бросала куски каждый раз в новое место и смеялась, видя, как птицы бросались за добычей, отпихивая друг друга и издавая пронзительные крики. Одна чайка умудрилась подхватить кусок хлеба на лету и тут же рванулась за следующим, чем вызвала у девушки новый приступ звонкого смеха.

Том вдруг сообразил, что даже не помнит, когда в последний раз слышал смех, лишенный грубости или горечи. На улице ярко светило зимнее солнце, и торопиться Тому было некуда. Через пару дней, встретившись с нужными чиновниками и подписав необходимые бумаги, он отплывет на Янус. Но сейчас еще не нужно вести вахтенный журнал, полировать призмы и заливать горячее в топливный бак. И рядом находилась девушка, которой было весело. И что, как не это, было лучшим подтверждением, что война наконец-то осталась в прошлом? Том устроился на скамейке возле пирса, подставил лицо ласковым лучам солнца и принялся наблюдать за девушкой, то и дело весело встряхивавшей волосами, будто забрасывая на ветру невод. Он следил за ее изящными пальчиками, казавшимися особенно тонкими на фоне яркого синего неба. Немного погодя до него дошло, что она очень миловидна. А еще чуть позже – что, наверное, даже прекрасна.

– Чему вы улыбаетесь? – неожиданно спросила девушка, застав Тома врасплох.

– Прошу меня извинить, – покраснел он.

– Никогда не извиняйтесь за улыбку! – воскликнула она, но в голосе прозвучала грусть. Однако ее лицо тут же прояснилось. – Вы приезжий!

– Верно.

– А я здесь живу всю свою жизнь. Дать вам хлеба?

– Нет, спасибо. Я не голоден.

– Да не вам же, глупый! Чтобы чаек кормить!

Она протянула ему большой ломоть. Год назад, может, даже еще вчера Том бы отказался и ушел. Но неожиданно ее теплота, открытость, улыбка и еще что-то, чему он не знал названия, заставили принять приглашение.

– Спорим, что ко мне слетится больше чаек, чем к вам? – предложила она.

– Это мы еще посмотрим.

– Начали! – крикнула девушка, и они стали бросать куски высоко вверх или под разными хитрыми углами, невольно пригибаясь, когда чайки с пронзительным криком пикировали за добычей или яростно колотили друг друга крыльями.

Когда весь хлеб закончился, Том, смеясь, спросил:

– И кто же победил?

– Ой! А посчитать-то я и забыла! – Девушка пожала плечами. – Пусть будет ничья!

– Согласен, – отозвался он, поднимая свой вещмешок. – Что ж, мне пора. И спасибо! Мне очень понравилось.

– Просто глупая игра, – улыбнулась она.

– Тогда спасибо за напоминание, что глупые игры могут доставлять удовольствие. – Закинув мешок на плечо, он повернулся, чтобы уйти. – Желаю вам всего доброго, мисс, – добавил он.

Том позвонил в дверь пансиона на Главной улице. Здесь всем распоряжалась миссис Мьюитт – плотная женщина лет шестидесяти, похожая на приземистую перечницу.

– В вашем письме говорилось, что вы холостяк и родом из восточных штатов, поэтому буду признательна, если вы будете помнить, что здесь Партагез, а не Сидней. У меня приличное христианское заведение, так что никакого курения и выпивки я тут не потерплю!

Том собрался поблагодарить ее и забрать ключ, но она продолжала крепко сжимать его в руке.

– И никаких ваших заграничных шуточек – со мной это не пройдет! Я меняю простыни после отъезда и надеюсь, что мне не придется отстирывать пятна. Думаю, что вы понимаете, о чем я. Двери запираются в десять, завтрак в шесть, и если опоздаете, то останетесь голодным. Чай в полшестого на тех же условиях. Обедаете на стороне.

– Премного благодарен, миссис Мьюитт, – отозвался Том, подавив улыбку, чтобы невзначай не нарушить какого-нибудь правила.

– Горячая вода обойдется в шиллинг в неделю. Сами решайте, нужно ли вам это. А на мой взгляд, в вашем возрасте холодная вода еще никому не вредила. – С этими словами она вручила ему ключ и, прихрамывая, скрылась в коридоре. Провожая ее взглядом, Том задумался, не было ли в ее жизни некоего мистера Мьюитта, которому мужчины обязаны столь доброжелательным отношением.

Оказавшись в маленькой комнатке, он распаковал вещмешок и аккуратно разложил на единственной полке мыло и бритвенные принадлежности. Убрав брюки и носки в ящик комода, он аккуратно повесил свой выходной костюм и галстук в узкий шкаф, после чего сунул в карман книгу и отправился знакомиться с городом.

Последним мероприятием, которым завершалось пребывание Тома Шербурна в Пойнт-Партагезе, был ужин с начальником порта и его женой. Капитан Перси Хэзлак отвечал за всех сотрудников порта и по традиции ужинал с каждым смотрителем маяка на Янусе перед отбытием последнего на остров. Умывшись и еще раз побрившись после обеда, Том смазал волосы бриллиантином и причесался, после чего пристегнул воротничок и облачился в выходной костюм. Поскольку небо затянуло тучами и с Антарктики подул пронизывающий ветер, Том решил на всякий случай надеть теплую куртку.

Так и не успев после Сиднея перестроиться на другой часовой пояс, он побоялся, что может опоздать, так как плохо знал город. Поэтому он решил выйти заранее, отчего пришел на ужин раньше назначенного времени. Начальник порта встретил его широкой улыбкой и представил свою жену, а когда Том извинился, что пришел слишком рано, она всплеснула руками:

– Я вас умоляю, мистер Шербурн! Это мы должны быть признательны, что вы почтили нас присутствием и принесли такие замечательные цветы! – Она с наслаждением вдохнула аромат поздних роз, которые Том по договоренности с миссис Мьюитт срезал в ее саду за отдельную плату. – Боже милостивый! Да вы ростом ничуть не уступаете маяку! – воскликнула она и

улыбнулась собственной шутке.

Капитан забрал его шляпу и куртку и пригласил пройти в гостиную.

– «Приходите ко мне в гости!» – мухе говорил паук» [2] , – с готовностью подхватила жена.

– Вот озорница! – довольно отозвался капитан, и было видно, что это их любимая шутка. Том понял, что вечер окажется долгим.

– Выпьете шерри? Или, может, предпочитаете портвейн?

– Пожалейте беднягу и дайте ему пива, миссис капитанша, – засмеялся Хэзлак и хлопнул Тома по плечу. – Давайте присядем, и вы мне о себе расскажете, молодой человек.

Тома спас звонок в дверь.

– Прошу прощения, – извинился капитан, и через мгновение Том услышал его голос в прихожей: – Сирил, Берта! Рад, что вы смогли прийти. Дайте мне ваши шляпы.

В гостиную вошла миссис Хэзлак с бутылкой пива и бокалами на серебряном подносе и пояснила:

– Мы решили пригласить несколько друзей, чтобы вы познакомились. Партагез – очень гостеприимный город.

Капитан ввел в гостиную довольно странную супружескую чету, состоявшую из тучного председателя Управления местных дорог Сирила Чиппера и его удивительно тощей жены Берты.

– А как вам наши местные дороги? – спросил Сирил сразу же после знакомства. – В сравнении с теми, что на востоке? Только попрошу ответить честно и без обиняков.

– Оставь молодого человека в покое, Сирил, – вмешалась его жена. Том с благодарностью на нее посмотрел, и в это время снова раздался звонок в дверь.

– Билл, Виолетта, рад вас видеть! – послышался голос капитана, открывшего входную дверь. – А вы, молодая леди, с каждым днем хорошеете все больше и больше. – Он ввел в гостиную представительного мужчину с седыми бакенбардами и его жену, дородную и раскрасневшуюся. – Это Билл Грейсмарк, его жена Виолетта и их дочь... – Он обернулся, но никого не увидел. – Куда она запропастилась? Не важно, их дочь тоже где-то здесь, и мы наверняка ее скоро увидим. Билл – директор школы нашего города.

– Рад познакомиться, – сказал Том, обмениваясь рукопожатием с мужчиной и вежливо кивая даме.

– Так вы считаете, что справитесь на Янусе? – поинтересовался Билл Грейсмарк.

– Это скоро выяснится, – ответил Том.

– Знаете, там довольно безрадостно.

– Мне говорили.

– И на Янусе нет никаких дорог! – вмешался Сирил Чиппер.

– Само собой, – согласился Том.

– Я не в восторге от мест, где нет дорог, – не унимался Чиппер, и в его голосе сквозило осуждение.

– Но основная трудность там вовсе не в отсутствии дорог, – поддержал его Грейсмарк.

– Папа, оставьте его в покое! – Том стоял спиной к двери и не видел, как в гостиную вошла дочь. – Только ваших запугиваний ему сейчас и не хватает.

– Ага! Я же говорил, что наша пропащая объявится! – воскликнул капитан Хэзлак. – Это Изабель Грейсмарк. Изабель, позволь тебе представить мистера Шербурна.

Том повернулся, их взгляды встретились, и они узнали друг друга. Он уже хотел сказать что-то про чаек, но она остановила его фразой:

– Рада с вами познакомиться, мистер Шербурн.

– Зовите меня Том, пожалуйста, – отозвался он, размышляя, что она, судя по всему, не должна была проводить время, подкармливая чаек хлебом на пирсе. Интересно, какие еще секреты скрывает ее игривая улыбка?

Вечер проходил довольно мило. Чета Хэзлаков рассказывала об истории городка и о том, как строился маяк при жизни отца капитана.

– Маяк исключительно важен для торговли! – заверял начальник порта. – Воды Южного океана очень коварны, не говоря уж о подводных хребтах. Безопасность перевозок – обязательное условие для бизнеса, и с этим согласны все!

– Конечно, для истинной безопасности перевозок нет ничего важнее хороших дорог. – Чиппер снова попытался перевести разговор на единственную тему, которая его занимала.

Том старался быть внимательным, но краем глаза следил за Изабель. Повернувшись так, чтобы ее лицо не было видно другим, она с самым серьезным видом передразнивала Сирила Чиппера, глубокомысленно кивая после каждого его высказывания. Спектакль продолжался, пока Том наконец, не в силах больше сдерживаться, не прыснул и тут же закашлялся, чтобы скрыть неловкость.

– С вами все в порядке, Том? – спросила жена капитана. – Я принесу вам воды.

Том, не поднимая глаз и продолжая кашлять, ответил:

– Спасибо, я пойду с вами. Сам не пойму, чем поперхнулся.

Пока Том поднимался, Изабель, сохраняя абсолютно невозмутимый вид, обратилась к Сирилу:

– Когда он вернется, мистер Чиппер, вам нужно обязательно ему рассказать, как мостят дороги древесиной эвкалипта. – Затем с невинной улыбкой повернулась к Тому: – Постарайтесь не задерживаться. Вы даже не представляете, как много интересного мистер Чиппер может поведать. – Том поймал взгляд Изабель, и уголки ее губ едва заметно лукаво дрогнули.

Когда вечер подошел к концу, все пожелали Тому благополучного пребывания на Янусе.

– Похоже, вы годитесь для этой работы, – заметил Хэзлак, и Билл Грейсмарк согласно кивнул.

– Спасибо за все. Я был очень рад со всеми познакомиться, – ответил Том, пожимая руки мужчинам и кивая женщинам. – А вам я особо признателен за исчерпывающие сведения о дорожном строительстве на западе Австралии, которые получил благодаря вашему настоянию, – тихо добавил он, обращаясь к Изабель. – Жаль, что из-за отъезда я так и останусь вашим должником.

На этом все разошлись.

Ральф Эддикотт любил повторять, что «Уинворд спирит», обслуживавший все маяки на этой части побережья, был старой, но надежной, как верный пес, посудиною. Старина Ральф служил на ней шкипером с незапамятных времен и считал, что у него лучшая в мире работа.

– Так, значит, ты и есть Том Шербурн! Добро пожаловать на мою прогулочную яхту! – пригласил он Тома на изъеденную солью палубу, обшитую крашеными досками, когда тот явился перед рассветом, чтобы впервые отправиться на Янус.

– Рад познакомиться, – пожал Том протянутую руку. Двигатель урчал на холостом ходу, и в воздухе стоял запах отработанного дизельного топлива. В каюте оказалось немногим теплее, чем за ее пределами, но здесь хотя бы не пробирали насквозь резкие порывы пронизывающего ветра.

Из люка в конце каюты высунулась голова, увенчанная копной рыжих курчавых волос.

– Все готово, Ральф. Можем отправляться, – сказал молодой человек.

– Блюи, это Том Шербурн, – представил Ральф.

– Привет, – отреагировал Блюи, вылезая из люка.

– Рад знакомству.

– Ну и колотун! Надеюсь, у тебя есть теплые подштанники. Если уж здесь так пробирает, то на Янусе во сто раз хуже! – сообщил Блюи, пытаясь согреть руки дыханием.

Пока Блюи показывал Тому судно, шкипер делал последние приготовления и, протерев куском тряпки заляпанный стакан, скомандовал:

– Отдать причальные концы!

Он прибавил обороты, и судно медленно и неохотно отошло от причала.

Том изучил карту на штурманском столе; несмотря на то что она была подробной, но даже на ней Янус выглядел всего лишь точкой на мелководье вдали от материка. Том перевел взгляд на бескрайние морские просторы, лежавшие по курсу, и ни разу не оглянулся на берег, будто боясь, что может передумать.

Шли часы, воды становились все глубже, их цвет менялся, а поверхность начинала казаться твердой. Время от времени Ральф показывал на парившего в небе морского орла или стаю дельфинов, увязавшихся за судном. Однажды на горизонте показалась труба парохода. Блюи несколько раз приносил из камбуза чай в эмалированных кружках со сколами. Ральф рассказывал Тому разные байки об ужасных штормах и трагедиях, случившихся на маяках в этой части побережья. Том поделился своими впечатлениями о жизни зрителей маяков в Байрон-Бей и на острове Маатсукер в тысячах миль на восток.

– Если ты смог выжить на Маатсукере, то, возможно, сумеешь и на Янусе, – заметил Ральф и, взглянув на часы, предложил: – Может, соснешь немного, пока есть такая возможность? Нам еще плыть и плыть.

Когда Том, отдохнув, снова появился в рубке, Блюи, понизив голос, что-то говорил Ральфу, а тот неодобрительно качал головой.

– Я всего лишь хочу узнать, правда ли это. Что плохого, если просто спросить? – донеслись до Тома слова Блюи.

– Спросить у меня что? – поинтересовался Том.

– Правда ли... – начал Блюи и посмотрел на Ральфа. Увидев, как тот недовольно скривился, он смутился и замолчал.

– Хотя я напрасно вмешиваюсь. Это не мое дело, – сказал Том и перевел взгляд на воду, которая стала темно-серой и начала волноваться.

– Я тогда был слишком молод, а прибавить возраст, чтобы взяли на фронт, мать запретила. И я слышал...

Том посмотрел на него, вопросительно приподняв брови.

– В общем, мне сказали, что тебя наградили Военным крестом и все такое, – выпалил он. – Об этом говорилось в увольнительных бумагах, которые ты подавал для Януса.

Том перевел взгляд на воду. Блюи смутился и явно расстроился.

– Просто я бы гордился тем, что пожал руку герою.

– Кусок латуни никого не превращает в героя. Многих ребят, которые действительно заслуживают наград, уже нет в живых.

Поверь, дело вовсе не в медалях, – ответил Том и, отвернувшись, принялся изучать карту.

– А вон и остров! – воскликнул Блюи и передал бинокль Тому.

– Дом, милый дом, аж на целых полгода! – хмыкнул Ральф.

Том навел окуляры на остров, вылезавший из морской пучины, будто какое-то чудовище. На его краю высился утес, от которого через весь остров тянулся пологий спуск.

– Старик Невилл обрадуется нашему приезду, – заметил Ральф. – Он вышел на пенсию, и ему не очень-то пришлось по душе ехать на срочную подмену Тримбла. Но зритель есть зритель... В Маячной службе не найдется человека, который оставит маяк без присмотра, какими бы ни были обстоятельства. Но должен тебя предупредить: Невилл Уитниш – не самый приятный в общении человек. Из него слова не вытянешь.

Пристань уходила в море на добрую сотню футов и была высокой и прочной, чтобы не оказаться затопленной приливами и выстоять в жестокие штормы. Ручные шестеренные тали были готовы к перевалке грузов на крутой подъем, где располагались служебные постройки. На берегу окончания швартовки ждал сурового вида мужчина лет шестидесяти с небольшим.

– Ральф, Блюи, – небрежно кивнул он морякам. – А это, стало быть, сменщик, – констатировал он.

– Том Шербурн. Рад познакомиться, – отозвался Том, протягивая руку.

Старик рассеянно на нее посмотрел, не сразу сообразив, что от него требуется, а потом дернул Тома за руку с такой силой, будто желал проверить, крепко ли она держится.

– Сюда, – сказал он и, не дожидаясь, пока Том заберет свои вещи, стал подниматься к постройкам. День был в самом разгаре, и после многочасовой качки Том не сразу освоился на твердой почве под ногами. Подхватив вещмешок, он устремился за смотрителем, а Ральф и Блюи стали готовиться к разгрузке.

– Дом смотрителя, – бросил Уитниш, когда они подошли к приземистому зданию с крышей из гофрированного железа. Возле складских построек, где хранилось оборудование, а также запасы продовольствия и горючего, стояли в ряд три бака с

дождевой водой. – Вещи можешь оставить в прихожей, время не терпит. – С этими словами он резко повернулся и зашагал к маяку. Несмотря на почтенный возраст, он двигался очень быстро.

Однако когда Уитниш рассказывал о маяке, в его голосе неожиданно зазвучали теплые нотки, с которыми обычно говорят о преданной собаке или о любимом кусте роз.

– Даже после стольких лет службы он держится молодцом! – сообщил он.

Белокаменная башня маяка, похожая на длинный брусок мела, ярко выделялась на серовато-голубом небе. Она стояла на самой высокой точке острова возле скалы и устремлялась ввысь на сто тридцать футов. Том поразились не только ее размерам – она превосходила все маяки, на которых ему уже довелось поработать, – но и стройности, и удивительному изяществу линий.

За зеленой дверью все было привычно. Крошечное помещение в пару больших шагов в поперечнике. Шаги по выкрашенному зеленой краской полу гулко отдавались, будто шальные пули ricochetили от круглых стен, покрытых белой известкой. Два маленьких шкафчика и миниатюрный стол с закругленными задними стенками, чтобы занимать меньше места, выпирали из стен как волдыри. Посередине располагался толстый металлический цилиндр, ухившийся в световую камеру. В нем находились грузы, приводившие в движение часовой механизм, который раньше вращал линзы светового устройства.

Ступеньки шириной не больше двух футов поднимались по спирали вдоль стены и вели на следующие уровни. Пятая по счету площадка находилась непосредственно под световой камерой – сердцем маяка, где располагался административный центр. На столе – вахтенные журналы, телеграфный аппарат для передачи сигналов при помощи азбуки Морзе, бинокль. Понятно, что установить кушетку для отдыха или какую-то мебель запрещалось, но зато там имелось деревянное кресло с прямой спинкой и отполированными до блеска подлокотниками от частого прикосновения огрубевших ладоней смотрителей разных поколений.

Том заметил, что корпусу барометра явно не повредит шлифовка, но тут он увидел весьма неожиданные предметы возле разложенных на столе морских карт. Это был моток шерсти с незаконченным шарфом и воткнутыми в него вязальными спицами.

– Старика Докерти, – пояснил Уитниш, кивая.

Том знал, что смотрители часто находят себе какое-нибудь занятие, помогающее скоротать время на дежурстве: вырезают по кости или раковинам, делают шахматные фигуры, вяжут.

Уитниш показал Тому вахтенные журналы и куда заносить данные о погоде, а потом повел в световую камеру уровнем выше. Она была полностью застеклена, и стенами служили только раскладки для остекления, державшие прозрачные панели. Снаружи световую камеру опоясывала металлическая галерея. От нее ненадежная с виду лесенка поднималась вверх и упиралась в узкий мостик, который венчался флюгером.

– Потрясающе! – искренне восхитился Том, охватывая взглядом гигантские – намного выше его – линзы на вращающемся пьедестале. Сияющая конструкция, похожая на хрустальный улей, была истинным сердцем Януса – светлым, чистым и молчаливым.

Губы старого смотрителя тронула едва заметная улыбка.

– Я знаю этот маяк с детства. Он и в самом деле красив!

На следующее утро Ральф прощался, стоя на пирсе.

– Что ж, нам пора в обратный путь. Привезти тебе в следующий раз газеты?

– За три месяца все новости устареют. Лучше я сэкономлю и куплю хорошую книгу, – ответил Том.

Ральф бросил прощальный взгляд на остров, будто хотел убедиться, что все в порядке.

– Ладно, тогда до встречи. Теперь уже пути назад нет, сынок.

– С этим не поспоришь, – согласился Том, удрученно хмыкая.

– Ты и сам не заметишь, как быстро пролетят три месяца. Если, конечно, не будешь об этом постоянно думать.

– Следи за маяком, и он тебя не подведет! – напутствовал Уитниш. – От тебя всего и нужно-то проявить терпение да здравомыслие.

– Постараюсь, – пообещал Том и повернулся к Блюи, готовому отдать причальный конец. – Увидимся через три месяца, Блюи?

– Обязательно!

Судно отошло, оставляя пенящийся след и с трудом преодолевая сопротивление встречного ветра. Постепенно оно становилось все меньше и меньше, пока окончательно не скрылось, будто вдавленное невидимым пальцем в серый горизонт.

Потом вдруг все замерло. Нет, это не наступила тишина – волны по-прежнему с ревом разбивались о скалы, в ушах свистел ветер и раздраженно стучала о косяк незапертая дверь в одной из подсобок.

Но в душе Том впервые за долгие годы ощутил покой.

Он подошел к краю обрыва и остановился. Звякнул колокольчик на шее у козы, закудахтали две курицы. И неожиданно эти самые обычные звуки обрели новый смысл: их источником были живые существа. Том преодолел сто восемьдесят четыре ступеньки до световой камеры и открыл дверь на галерею. Ветер обрушился на него с бешеной силой, вдавливая обратно в дверной проем, и Том, покачнувшись, с усилием шагнул вперед и вцепился в металлический поручень. С высоты в шестьсот футов вид на разбивающиеся о скалы волны оказывал гипнотическое воздействие. Белая пена, похожая на молоко, иногда расступалась, обнажая темную морскую пучину. С другой стороны острова цепь огромных валунов служила волнорезом, за которым водная гладь была спокойной и ровной. Том ощутил странное чувство, будто он парит в воздухе, но при этом остается на земле. Он медленно обогнул по узкой галерее всю башню маяка, впитывая величие открывшегося его взору вида. Казалось, его легким никогда не удастся набрать достаточно воздуха, взгляд никогда не сможет охватить безбрежные просторы, а слух – воспринять всю гамму звуков ревающего внизу океана. На мгновение он перестал себя ощущать.

Том сморгнул и встряхнул головой, прогоняя наваждение. Чтобы прийти в себя, он прислушался к сердцебиению, ощутил на ногах ботинки и железный настил галереи под собой. Выпрямившись в полный рост, он заметил разболтавшуюся петлю на двери, сосредоточил на ней внимание и решил начать именно с нее. Спасение было в работе. Нужно постоянно быть занятым чем-то очень практичным и приземленным, потому что иначе душа или разум могут взмыть, как воздушный шар, и улететь в неизвестность. Именно это помогло ему пережить четыре кровавых и безумных года: всегда знать, где лежит винтовка, даже

если задирать в окопе на десять минут; постоянно держать наготове противогаз; убедиться, что подчиненные точно поняли отданный приказ. На войне человек не думает о том, что будет через несколько месяцев или лет. На войне человек живет одним часом, может, иногда следующим. Все остальное не важно.

Том поднял бинокль и осмотрел остров: ему нужно увидеть коз, овец и сосчитать их. Всегда заниматься чем-то практическим. Натирать до блеска латунные детали, постоянно протирать стекла световой камеры маяка: сначала внешние, потом самих призм. Смазывать все трущиеся узлы, чтобы шестеренки ходили плавно, проверять уровень ртути для уменьшения трения линз. Он составлял список дел, будто мысленно вырубал ступеньки, по которым мог выбраться в мир, где останется самим собой.

В ту ночь он включил маяк с тщанием и осторожностью жреца, заживавшего свет на Александрийском маяке тысячи лет назад. Он поднялся по миниатюрной металлической лестнице, которая вела к платформе вокруг светового устройства, и забрался внутрь. Заправив мазутом топливный бак, он зажег под ним огонь, чтобы разогретые пары поднялись до калильной сетки газового фонаря. Потом поднес к сетке горящую спичку, и пары превратились в яркий свет. Спустившись вниз, Том завел двигатель. Все устройство пришло в движение и начало вращаться, выдавая через равные интервалы вспышки света продолжительностью в пять секунд. Том взял ручку и записал в большом журнале в кожаном переплете: «Включил в 17.05. Ветер порывистый, сев./сев. – зап. 15 узлов. Пасмурно. Волнение на море 6 баллов». Затем добавил свои инициалы: «Т.Ш.» Эти строчки появились в книге через несколько часов после последней записи Уитниша, а его отметки – через несколько часов после последней записи Докерти. Том стал звеном непрерывной цепочки смотрителей, охранявших свет. Удостоверившись, что все в порядке, Том вернулся в дом. От усталости ему смертельно хотелось спать, но он понимал, что без еды не сможет работать. В кладовке возле кухни батареи мясных консервов, банок с горошком и консервированными грушами соседствовали на полках вперемежку с сардинами, сахаром и огромной банкой мятных конфет, которые обожала покойная миссис Докерти. Первый ужин Тома состоял из большого ломтя испеченной в золе пресной лепешки, оставшейся после Уитниша, куска сыра и сморщенного яблока.

На кухонном столе пламя на фитиле масляной лампы время от времени подергивалось. Под рокот разбивающихся о скалы волн ветер продолжал свою нескончаемую войну с окнами. Том с содроганием подумал, что в радиусе почти ста миль никаких людей, кроме него, не было. На скалах находили приют чайки, умудряясь устроить там гнезда в тихих водах, защищенных рифами, чувствовали себя в безопасности стаи рыб. Все живые существа нуждались в убежище. Том отнес лампу в спальню. На стене заплескалась огромная плоская тень, повторяя все его движения, пока он стягивал ботинки и раздевался. Волосы пропитались солью и стали жесткими, а кожа огрубела от ветра. Откинув одеяло, он залез в кровать и провалился в сон под мерный рокот волн и завывание ветра. А маяк всю ночь нес караул, разрезая ночную мглу похожим на меч лучом.

Глава 4

Каждое утро на рассвете Том выключал маяк и отправлялся обследовать очередной участок своих новых владений, после чего приступал к повседневным делам.

Северную часть острова занимал высокий гранитный утес, стойко встречавший полчища волн, насылаемых никогда не знающим покоя океаном. К югу поверхность острова полого спускалась и плавно переходила в воду, где образовывала мелкую лагуну. Возле маленького пляжа было установлено водяное колесо, подававшее наверх к дому пресную воду из родника. Каким-то необъяснимым образом пресная вода по естественным каналам в океанском дне проникала сюда и даже дальше с самого материка и выходила на поверхность родниками. Когда в восемнадцатом веке это явление описали французы, все сочли его выдумкой. Однако даже в открытом океане встречались места, где вода почему-то была пресной – поистине настоящее чудо, которое демонстрировала природа.

Постепенно жизнь вошла в определенное русло, и дни потекли по заведенному порядку. Регламент предписывал каждое воскресенье поднимать флаг, и Том начинал выходной день именно с этого. Флаг полагалось поднимать и в случае прохождения мимо маяка военного корабля, что Том выполнял с удовольствием. Он знал, что немало смотрителей считали подобное салютование излишним и исполняли предписание без всякого энтузиазма, но для него эта процедура была наполнена особым смыслом. Только цивилизация могла позволить себе роскошь делать нечто, лишнее какого бы то ни было практического смысла.

Том занимался приведением в порядок всего и вся, что пришло в запустение из-за проблем со здоровьем у Тримбла Докерти. Самым важным участком, конечно, был маяк. Нужно следить, чтобы раскладки по стеклу были всегда надежно замазаны шпаклевкой. Перекосившийся от непогоды ящик письменного стола Том выровнял, а трещинки аккуратно зашкурил. Он покрасил зеленой краской облупившиеся или стертые места на ступеньках – бригада маляров приедет красить всю станцию заново еще очень и очень не скоро.

Маячный излучатель сверкал как новенький: стекла прозрачные, латунь начищена, линзы на плавающей поверхности ртути вращались легко, будто чайки, парящие на воздушном потоке. Время от времени Том спускался к скалам, где ловил рыбу или прогуливался к песочному пляжу лагуны. Он подружился с парой черных ящериц, живущих в сарае для дров, и иногда подкармливал их остатками пищи. Запасы еды Том расходовал рационально – он сможет их пополнить только через несколько месяцев, когда приедет катер.

Работа смотрителей тяжела и отнимает много сил. В отличие от моряков, у них нет профсоюза, и они не устраивают забастовок, требуя повысить зарплату или улучшить условия труда. Их дни заполнены заботами, они могут заболеть, их тревожит надвигающийся шторм и расстраивает град, побивший на огороде весь урожай. Но они знают, зачем там находятся и в чем заключается смысл их жизни. Маяк должен светить, несмотря ни на что. Только и всего.

Раскрасневшееся, как у Санта-Клауса, усатое лицо растянулось в широкой улыбке. – Как дела, Том Шербурн? Жизнь продолжается? – Не дожидаясь ответа, Ральф бросил ему толстый канат, чтобы обмотать вокруг швартовой тумбы.

После трех месяцев одиночества Том показался шкиперу вполне здоровым и ничем не отличался от других смотрителей. Том ждал катер, чтобы пополнить запасы всего необходимого для работы на маяке, и даже не думал о продовольствии. Он напрочь забыл о существовании почты и сильно удивился, когда в конце дня Ральф вручил ему несколько конвертов.

— Чуть было не забыл, — извиняющимся тоном пояснил он. Одно письмо было из Маячной службы, официально подтверждавшее его назначение и условия найма. Второе письмо было из Министерства по делам ветеранов, в котором говорилось о льготах фронтовикам, в том числе пенсиях по инвалидности и возможности получить ссуду на открытие своего дела. Ни то ни другое к нему не относилось. Письмо из «Банка Содружества» уведомляло, что на его вклад в пятьсот фунтов начислено четыре процента дохода. Последним Том вскрыл письмо, подписанное от руки. Он не мог представить, от кого оно может быть, и боялся, что некий доброхот решил сообщить ему новости об отце или брате. В письме говорилось:

Дорогой Том! Я решила написать, чтобы убедиться, что тебя не сдуло ветром в море и не приключилось чего-нибудь еще в этом роде. И что отсутствие дорог не очень сильно осложняет твою жизнь...

Том, не удержавшись, перевел взгляд на подпись: «С наилучшими пожеланиями, Изабель Грейсмарк».

В письме выражалась надежда, что ему там не очень одиноко, и приглашение обязательно зайти, когда закончится командировка. Изабель украсила письмо маленьким рисунком, изображавшим смотрящего, беззаботно облокотившегося на маяк, а позади него из морской пучины вылезал огромный кит с разинутой пастью. Для большей ясности Изабель подписала иллюстрацию: «Постарайся до возвращения не стать его обедом».

Том невольно улыбнулся забавной непосредственности рисунка. Почему-то от письма в руке на душе стало теплее.

— Можешь немного подождать? — спросил он у Ральфа, собиравшего вещи к отплытию.

Он сел за письменный стол, достал бумагу и ручку, но вдруг сообразил, что не знает, о чем писать. Ему хотелось, чтобы она просто улыбнулась.

Дорогая Изабель! К счастью, меня не сдуло ветром и не унесло (еще дальше) в море. Китов я видел много раз, но ни один из них не попытался меня проглотить — наверное, я не такой вкусный.

У меня все в порядке, и с отсутствием дорог справляться пока удается. Полагаю, ты по-прежнему кормишь птиц и они не голодают. Через три месяца я возвращаюсь в Партагез, а куда меня отправят потом — одному Богу известно. Я надеюсь, что тогда мы и увидимся.

Как же подписать? — Заканчиваешь? — поинтересовался Ральф.

— Заканчиваю, — подтвердил смотрящий и подписал: «Том». После чего заклеил конверт, написал адрес и передал шкиперу. — Можешь бросить в почтовый ящик?

Ральф посмотрел на адрес и подмигнул:

— Доставлю лично. Я все равно буду на той улице.

Глава 5

По истечении шести месяцев Тому неожиданно снова пришлось воспользоваться гостеприимством миссис Мьюитт: вакансия смотрящего маяка на острове Янус перестала быть временной. Тримбл Докерти не только не поправил свое пошатнувшееся душевное здоровье, но окончательно лишился рассудка и бросился с высокого утеса в Албани. Судя по всему, он полагал, что прыгает в лодку, в которой сидела его обожаемая жена. Тома отозвали на континент, чтобы предложить занять вакансию, заполнить нужные бумаги и дать ему немного отдохнуть перед возвращением обратно. К этому времени он уже настолько хорошо себя зарекомендовал, что начальство во Фримантле даже и не рассматривало другой кандидатуры.

— Переоценить значение хорошей жены просто невозможно, — заметил капитан Хэзлак, когда беседа в его кабинете подошла к концу. — Мойра Докерти прожила со стариком Тримблом так долго, что могла сама управляться с маяком. Быть женой смотрящего могут только особенные женщины. Если встретишь такую, постарайся не упустить. Но и излишняя спешка тут тоже неуместна...

Возвращаясь в пансион миссис Мьюитт, Том размышлял о том, что после Докерти на маяке осталось его вязанье и нетронутая банка с конфетами его жены. Людей уже нет, а их след остался. И еще Том подумал, как же сильно, должно быть, страдал Тримбл, потеряв жену. И рассудка его лишила боль утраты, а вовсе не ужасы войны.

Через два дня после возвращения в Партагез Том сидел в гостиной Грейсмарков, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Родители оберегали свою дочь как зеницу ока, ни на секунду не упуская ее из внимания. Том изо всех сил пытался найти какие-то общие темы для разговора, и беседа вертелась вокруг погоды, вечно дувшего ветра и кузенов Грейсмарков в других городах Западной Австралии. Том был рад, что ему без труда удавалось избегать расспросов о себе. Провожая его до калитки, Изабель спросила: — Когда ты возвращаешься обратно?

— Через две недели.

— Тогда нам надо успеть как можно больше, — безапелляционно заявила она, будто подводя итог после долгой дискуссии.

— Уверена? — спросил Том, не зная, как на это следует отреагировать. У него было такое чувство, что решения принимались за него.

— Уверена! — подтвердила она и улыбнулась. Луч света скользнул по ее глазам, и Тому показалось, что он заглянул ей прямо в душу, где были только чистота и открытость, которые так ему нравились. — Приходи к нам завтра. А я приготовлю что-нибудь для пикника. Мы устроим его у бухты.

— А разве сначала я не должен получить разрешение у твоего отца? Или матери? — Том оценивающе наклонил голову. — Извини за нескромный вопрос. А сколько тебе лет?

— Для пикника вполне достаточно.

— А в обычных цифрах это сколько?

— Девятнадцать. Почти. Так что родителей я предупрежу сама, — заверила она и, помахав на прощание рукой, побежала к дому.

Том вернулся в пансион миссис Мьюитт в приподнятом настроении. Причины он и сам не понимал. Он совсем не знал эту девушку, за исключением двух вещей: она много улыбалась и с ней было легко.

На следующий день он подходил к дому Грейсмарков не столько нервничая, сколько удивляясь, что возвращается сюда так скоро. Дверь открыла миссис Грейсмарк и улыбнулась.

– Приятно, что вы такой пунктуальный, – сказала она, будто ставя галочку в одном ей ведомом списке.

– Армейская привычка... – пояснил Том.

Изабель появилась с корзинкой для пикника, которую вручила ему.

– Тебе поручается доставить все в сохранности, – сказала она и повернулась поцеловать мать в щеку. – Пока, мам. До встречи.

– Постарайся держаться в тени. Веснушки тебе совсем ни к чему, – напутствовала она дочь и строго посмотрела на Тома. – Желаю хорошо провести время. И возвращайтесь не поздно.

– Спасибо, миссис Грейсмарк. Обязательно.

Изабель показывала дорогу, и, пройдя несколько улиц, они оказались на берегу океана.

– А куда мы направляемся? – поинтересовался Том.

– Это сюрприз!

Они прошли по разбитой дороге, которая вела на мыс, окруженный густой порослью невысоких деревьев. Они совсем не были похожи на тех гигантов, что в изобилии встречались в лесу, который начинался примерно в миле от мыса, и отличались удивительной прочностью, позволявшей противостоять пропитанному солью порывистому ветру.

– Путь не очень близкий. Осилишь? – спросила она.

– Думаю, трость мне пока не понадобится, – засмеялся Том.

– Просто я подумала, что на острове ходить далеко не приходится, разве не так?

– Поверь, подниматься и спускаться по ступенькам маяка по несколько раз в день не так-то просто, и это обеспечивает хорошую физическую форму. – Он никак не мог привыкнуть к тому, как легко этой девушке удавалось перехватить инициативу.

По мере продвижения деревья росли все реже и рокот океана приближался.

– Наверное, после Сиднея Партагез кажется захудалым и скучным, – предположила Изабель.

– Я провел здесь слишком мало времени, чтобы судить.

– Может быть. А Сидней наверняка огромный, шумный и чудесный. Настоящий город!

– По сравнению с Лондоном – просто деревня.

Изабель смутилась.

– Ой, а я и не знала, что ты там был! Лондон – это действительно настоящий город! Может, когда-нибудь я туда съезжу.

– Мне кажется, здесь лучше. Каждый раз, когда я оказывался в Лондоне по увольнительной, там было пасмурно и мрачно. По мне, Партагез точно лучше.

– Мы подходим к самому красивому месту. Во всяком случае, я так считаю.

Между деревьями показался уходивший далеко в океан перешеек – голая скалистая полоска земли шириной в несколько сот ярдов, омываемая волнами с обеих сторон.

– А вот это и есть тот мыс, от которого и появилось название Пойнт-Партагез, – сообщила Изабель. – Мое любимое место вон там, где большие скалы.

Они прошли еще немного вперед.

– Оставь корзину здесь и ступай за мной, – сказала она и, не дожидаясь ответа, сбросила туфли и побежала к огромным валунам, лежавшим в воде.

Том догнал ее у самого края обрыва. Валуны образовывали круг, внутри которого волны пенились и растворялись в водовороте. Изабель легла на землю и склонила голову.

– Послушай, – сказала она. – Послушай, как шумят волны. Совсем как в пещере или в соборе.

Том наклонился вперед.

– Нужно обязательно лечь, – повторила она.

– Чтобы лучше слышать?

– Нет, чтобы не смыло волной. Здесь расщелина, и можно не заметить, как подойдет большая волна, и ты запросто можешь оказаться внизу прямо на камнях.

Том лег рядом. Звук ревущих и разбивающихся волн разносился по расщелине эхом.

– Похоже на Янус.

– А как там? Об острове рассказывают разное, но, кроме смотрителя и команды катера, там, по сути, никто не бывает. И еще год назад туда ездил доктор, когда целый пароход поместили на карантин из-за брюшного тифа.

– Остров... он ни на что не похож. Он сам по себе.

– Говорят, что он суровый. Из-за погоды.

– Всякое бывает.

Изабель поднялась.

– А тебе там не одиноко?

– Нет, там всегда много работы. Починить что-то или проверить.

Она наклонила голову, явно сомневаясь, но промолчала.

– А тебе там нравится?

– Да.

Изабель рассмеялась.

– Болтуном тебя точно не назовешь!

Том поднялся.

– Проголодалась? Время уже обеденное.

Он подал Изабель руку и помог встать. Ее маленькая ладошка была вся в песке, а рука оказалась удивительно мягкой и нежной.

Изабель угостила его бутербродами с ростбифом, имбирным пивом, а на десерт – фруктовым кексом и яблоками.

– А ты пишешь всем смотрителям, которые отправляются на Янус? – спросил Том.

– Всем! Вообще-то их не так много, – ответила Изабель. – Ты – первый новичок за многие-многие годы.

Покорившись, Том решился задать новый вопрос:

– А почему ты мне написала?

Она улыбнулась и отпила глоток имбирного пива.

– Думаешь, потому что с тобой весело кормить чаек? Или от нечего делать? Или потому что никогда раньше не отправляла писем на маяк? – Она смахнула со лба прядь волос и посмотрела на воду. – А тебе бы хотелось, чтобы я не писала?

– Ну... я не... в смысле... – Том вытер салфеткой руки. Просто удивительно, как легко ей удается выбить его из равновесия. Раньше за ним такого не наблюдалось.

В один из самых последних дней 1920 года Том и Изабель сидели на дальнем краю пристани. Легкий ветерок, гнавший рябь по воде, наигрывал одному ему ведомую мелодию, постукивая по бортам баркасов тихими всплесками волн и раскачивая снасти на мачтах. В воде отражались огни гавани, а в небе светились россыпи звезд. – Но я хочу знать все-все! – решительно заявила Изабель, болтая босыми ногами над водой. – И ни за что не поверю, что «больше рассказывать нечего». – Ей с неимоверным трудом удалось вытащить из него признание, что после частной школы он поступил в Сиднейский университет, где выучился на инженера. – Я могу тебе рассказать про себя кучу всего! Например, про бабушку и как она учила меня играть на пианино. Или что я помню о дедушке, хотя он умер, когда я была совсем маленькой. Или каково в нашем городе быть дочерью директора школы. Я могу рассказать тебе о своих братьях Хью и Элфи и как мы плавали на ялике и ловили рыбу в реке. – Она посмотрела на воду. – Я иногда скучаю по тем временам. – Намотав на палец локон, она задумалась и наконец сформулировала: – Это... как огромная галактика, которая ждет своего открытия. А я хочу открыть твою.

– Что ты еще хочешь знать?

– Ну, скажем, про твоих родных.

– У меня есть брат.

– А имя мне позволительно узнать? Или ты его забыл?

– Нет, не забыл. Сесил.

– А родители?

Том перевел взгляд на фонарь, горевший на мачте.

– Что – родители?

Изабель повернулась и заглянула ему в глаза.

– Интересно, что у тебя на душе?

– Моя мать умерла. А с отцом я не общаюсь.

С ее плеча соскользнула шаль, и Том поправил ее.

– Не замерзла? Может, проводить тебя домой?

– Почему ты не хочешь об этом разговаривать?

– Если для тебя это так важно, я, конечно, расскажу, но мне бы не хотелось. Иногда прошлое лучше не ворошить.

– Но семья не может оказаться в прошлом. Она всегда незримо присутствует рядом.

– Тем хуже.

Изабель выпрямилась.

– Ладно, не важно. Пора идти. Родители, наверное, волнуются, куда мы запропастились, – сказала она, и они неторопливо двинулись в обратный путь.

Той же ночью Том, лежа в постели, вспоминал свое детство, о котором так хотела узнать Изабель. Он никогда и ни с кем о нем не разговаривал. Бывает, что сломанный зуб дает о себе знать, только если его острого края случайно коснется язык. Так же и с этими воспоминаниями. В памяти всплыла картина, как в восьмилетнем возрасте он дергал отца за рукав и плакал: «Пожалуйста! Пусть она вернется! Ну, пожалуйста, папа! Я так ее люблю!» А отец лишь раздраженно стряхнул руку. «Никогда больше о ней не говори! Слышишь? Никогда!» Когда отец вышел из комнаты, Сесил, который был старше Тома на пять лет и намного выше, дал ему подзатыльник. «Я же предупреждал тебя, дурак! Говорил, что не надо!» И с этими словами тоже ушел, оставив маленького мальчика одного посреди гостиной. Том достал из кармана кружевной носовой платок, пропитанный духами матери, и приложил к щеке, стараясь не запачкать слезами. Ему хотелось просто ощутить прикосновение чего-то родного и такого нужного.

Том вспомнил пустой дом и поселившуюся в комнатах тишину, не похожую на ту, что была раньше. Вспомнил сверкающую чистотой кухню, пропахшую карболом благодаря неустанным стараниям сменявших друг друга домработниц. И ненавистный аромат стирального порошка, уничтожившего родной запах матери, когда домработница выстирала и накрахмалила платок, который случайно нашла у него в кармане шорт. Он облазил весь дом, обшарил все закоулки, пытаясь найти хоть что-нибудь, сохранившее частичку ее тепла и присутствия. Но даже в спальне пахло только полиролью и нафталином, как будто специально пытались стереть все следы ее пребывания. Стереть саму память о ней.

Изабель предприняла новую попытку расспросить Тома о семье, когда они сидели в чайной. – Я ничего не скрываю, – ответил Том. – Просто ворошить прошлое – глупое занятие.

– А с моей стороны это не праздное любопытство. Ты же прожил целую жизнь, а я ничего про тебя не знаю! Я просто хочу понять тебя. – Она помолчала, а потом тактично поинтересовалась: – Если мне непозволительно говорить о прошлом, то о будущем-то можно?

– О будущем вообще нельзя рассуждать серьезно, если на то пошло. Мы можем говорить только о своих желаниях и устремлениях. А это не одно и то же.

– Согласна. И чего же хочешь ты?

Том ответил не сразу.

– Наверное, просто жить. Меня это вполне устроит. – Он глубоко вздохнул и повернулся к ней. – А ты?

– А я мечтаю о многих вещах, причем обо всех сразу! – воскликнула она. – Хочу, чтобы была хорошая погода, когда мы пойдем на пикник воскресной школы. Мечтаю – только не смейся! – чтобы у меня был хороший муж и много детей. Чтобы когда-нибудь в окно нечаянно угодил мяч и разбил стекло, а из кухни доносился вкусный запах готовящейся подливы. Девочки будут петь рождественские песенки, а мальчишки – гонять в футбол... Не могу представить, как можно жить без детей. А ты можешь? –

Она помолчала. — Но это все в будущем. Не хочу быть, как Сара.

— Как кто?

— Моя подруга Сара Портер. Раньше она жила на нашей улице. Мы вместе играли в дочки-матери. Сара была чуть старше и всегда оказывалась матерью. А потом... — нахмурилась она, — в шестнадцать лет она оказалась в интересном положении. Родители отправили ее рожать в Перт, подальше от любопытных глаз. И заставили сдать малыша в сиротский приют. Они заверили, что его обязательно усыновят, но у малышки оказалась врожденная косолапость.

Потом она вышла замуж, и о ребенке все забыли. И вот однажды она попросила меня съездить с ней в Перт и тайно посетить приют. Он находился совсем рядом с настоящим домом для умалишенных. Господи, Том, ты даже не представляешь, что это за зрелище — толпа лишенных матери детишек! Они никому не нужны, и никто их не любит! Мужу Сара не могла признаться — он бы выгнал ее в ту же минуту. Он и сейчас ни о чем не догадывается. Ее ребенок был там, и она могла только на него посмотреть. Удивительно, но от слез не могла удержаться я, а не она. Одного взгляда на их несчастные маленькие лица было достаточно! Отправить детей в приют — это все равно что сразу в ад!

— Ребенку обязательно нужна мать, — сказал Том, думая в своем.

— Сара сейчас живет в Сиднее, — продолжала Изабель. — И больше мы с ней не виделись.

Эти две недели Том и Изабель виделись каждый день. Когда Билл Грейсмарк решил, что это выходит «за рамки приличий», и сказал об этом жене, она ответила: — Ну что ты, Билл! Жизнь так коротка! Она умная девочка и знает, что делает. К тому же ты отлично понимаешь, как трудно в наши дни найти парня, который был бы нормальным и не инвалидом. Так что не привередничай...

Партагез был городом маленьким, и она не сомневалась, что при малейшем намеке на нечто предосудительное ей немедленно доложат.

Том искренне себе удивлялся, с каким нетерпением он ждал встреч с Изабель. Ей удалось преодолеть воздвигнутую им стену между собой и окружающим миром. Ему нравились ее рассказы о жизни города и его истории. О том, что французы, выбирая название для селения на стыке двух океанов, остановились на слове «partageuse», потому что в переводе оно означало «охотно делящийся с другими» и еще «добрый, не жадный». Она рассказывала, как в детстве упала с дерева и сломала руку, как вместе с братьями нарисовала на козе миссис Мьюитт красные пятна и сказала ей, что та заболела корью. И еще, понизив голос и с долгими паузами, поведала, как братья погибли в битве при Сомме и как тяжело родители это переживали. Том вел себя достойно. Партагез был маленьким городом, а Изабель еще совсем юная. Вернувшись на маяк, он, возможно, больше никогда ее не увидит. Кое-кто на его месте наверняка воспользовался бы этим обстоятельством, но для Тома слово «честь» не было пустым звуком. Именно она помогла ему остаться собой и сохранить уважение к себе во время войны.

Изабель вряд ли смогла бы объяснить словами похожее на волнение новое чувство, которое охватывало ее каждый раз при виде Тома. В нем ощущалась некая таинственность, как будто за улыбкой он все время пытался скрыть, что его мысли постоянно витают где-то очень далеко. Ей хотелось достучаться до него. Война научила девушку ценить все, чем она дорожила: в этом мире нельзя откладывать важные вещи на потом, ибо «потом» может так и не наступить. Жизнь может запросто отобрать то, что особенно дорого, а вернуть уже не получится. Изабель не желала упускать свое счастье. И тем более уступать его другим.

В последний вечер перед возвращением Тома на Янус они гуляли по пляжу. Несмотря на то что было самое начало января, Тому казалось, что с момента его появления в Партагезе прошло не шесть месяцев, а уже много лет. Изабель смотрела на море — солнце спускалось с неба и погружалось в серые воды на самом краю земли.

— Я хотела попросить тебя кое о чем, Том, — сказала она.

— Давай. О чем?

— Ты мог бы меня поцеловать? — спросила она, не сбавляя шага.

Том решил, что из-за порыва ветра неправильно ее расслышал, тем более что она продолжала идти. Подумав, он пришел к выводу, что, наверное, она произнесла слово «тосковать».

— Конечно, я буду тосковать. Но ведь мы увидимся, когда я приеду в следующий раз?

Перехватив ее удивленный взгляд, он засомневался. Даже в сгущавшихся сумерках было видно, как сильно она покраснела.

— Я... извини, Изабель. Я не очень-то силен в словах... в таких ситуациях.

— Каких ситуациях? — пролепетала она, раздавленная неожиданной догадкой. Ну конечно! У него наверняка в каждом порту есть девчонка!

— Ну... при прощании. Понимаешь, я привык к одиночеству. Но и общество людей меня не тяготит. Просто трудно с одного переключаться на другое.

— Тогда я все для тебя упрощу. Я просто уйду! Прямо сейчас! — Она резко развернулась и зашагала обратно.

— Изабель! Изабель, подожди! — Он догнал ее и взял за руку. — Я не хочу, чтобы ты уходила. Уходила вот так! Да, признаюсь, я буду по тебе тосковать! Ты... мне с тобой хорошо!

— Тогда отвези меня на Янус!

— Что? Ты хочешь посмотреть на остров?

— Нет! Я хочу там жить!

Том засмеялся:

— Господи, ну и шутки!

— Я не шучу!

— Ты не можешь говорить серьезно, — не поверил Том, но что-то ему подсказывало, что она не шутит.

— Это почему?

— По тысяче причин, которые с ходу приходят в голову. Хотя бы потому, что на Янусе может находиться только жена смотрителя.

Она промолчала, и он для пущей убедительности кивнул головой.

— Так женись на мне!

Он сморгнул.

– Изз... да мы едва знакомы! Кроме того, мы даже ни разу не поцеловались, раз уж на то пошло!

– Наконец-то! – воскликнула она, будто решение было очевидным и не вызывало сомнений. Потом встала на цыпочки и наклонила его голову к себе. Прежде чем он успел сообразить, что происходит, она поцеловала его. Неловко, но страстно. Он отстранился.

– Ты играешь в опасные игры, Изабель. Не следует целовать первого встречного. Если, конечно, ты не собираешься за него замуж.

– А если собираюсь?!

Том посмотрел на нее и увидел, что маленький подбородок упрямо вздернут, а в глазах читался вызов. Если он переступит черту, то кто знает, чем все закончится? К черту! К черту выдержку! К черту благопристойность! Перед ним стоит чудесная девушка, которая умоляет себя поцеловать. Солнце село, отпуск закончился, и завтра в это время он окажется затерянным в бескрайних просторах океана.

Он наклонился и заглянул ей в глаза.

– Это делается вот так, – сказал он и нежно поцеловал ее. Время остановилось, и еще ни разу в жизни поцелуй не казался ему таким сладким.

Потом он отступил и смахнул с ее лба прядь волос.

– Давай я отведу тебя домой, пока нас не объявили в розыск.

Он обнял ее за плечо, и они медленно побрели по песку.

– Я не шутила насчет замужества, Том.

– Изз, у тебя, наверное, не все в порядке с головой, если ты хочешь за меня замуж. Работая смотрителем, я точно не разбогатею. И быть женой смотрителя – совсем не подарок судьбы.

– Я знаю, чего хочу, Том.

Он остановился.

– Послушай, Изабель, я не хочу показаться занудой, но ты... ты намного моложе меня! В этом году мне стукнет двадцать восемь. И, насколько я понимаю, твой опыт общения с парнями не очень-то богат. – Судя по ее поцелую, он был готов держать пари, что этот опыт отсутствовал вообще.

– И что с того?

– Просто увлечение легко принять за настоящее чувство. Подумай об этом. Готов поспорить на что угодно, что через год ты и не вспомнишь обо мне.

– Посмотрим, – ответила она и потянулась за поцелуем.

Глава 6

В ясные летние дни казалось, что Янус тянется из воды на цыпочках. Остров вообще всегда выглядел по-разному, например, низким или высоким, причем не только из-за приливов и отливов. Во время ливней с ураганами он становился совсем неразличимым, растворяясь в воздухе, как персонаж древнегреческих мифов. Или оказывался в облаке морского тумана, насыщенного тяжелыми кристаллами соли, поглощавшими свет. При лесных пожарах на материке насыщенный гарью дым мог добраться до острова, и тогда частички золы в воздухе окрашивали закаты в пурпур и золото и покрывали копотью линзы светового устройства. Вот почему на острове требовался самый сильный и яркий маяк.

С галереи открывался вид на целых сорок миль. У Тома до сих пор не укладывалось в голове, как в одной и той же жизни могут одновременно существовать и такие бескрайние просторы, и крошечные участки земли, за которые всего пару лет назад проливалось столько крови. И все для того, чтобы отбить у врага и назвать «своим» участок всего в несколько ярдов, а на следующий день снова его потерять. Наверное, той же одержимостью к обозначению объяснялось и решение картографов разделить единую водную массу на два океана, хотя определить, где их течения расходятся, не представлялось возможным. Деление. Обозначение. Поиски отличий. Какие-то вещи никогда не меняются.

Разговаривать на Янусе было не с кем и незачем. Том мог месяцами не слышать собственного голоса. Он знал, что некоторые смотрители нарочно пели песни: так обычно включали двигатели, чтобы убедиться, что они по-прежнему в рабочем состоянии. Но Тому нравилась тишина. Он слушал ветер. И замечал малейшие перемены в жизни острова. Иногда бриз приносил воспоминания о поцелуе Изабель: нежности ее кожи и податливости тела. И он думал о том времени, когда все это казалось невозможным. Сам факт ее существования действовал на него очищающе. А мысли уносили обратно в темное прошлое, наполненное кровавым месивом из тел и вывернутых конечностей. Найти в этом смысл – задача не из легких. Присутствовать при смерти и не оказаться раздавленным под ее тяжестью. Почему он до сих пор жив, непонятно и не поддавалось объяснению. И вдруг Том заметил, что по щекам текут слезы. Он плакал по тем, кого рядом поглотила смерть, а к нему интереса не проявила. Он плакал по тем, кого лишил жизни сам.

На маяке надо отчитываться за каждый прожитый день. В журнал записывались все события, и это подтверждало, что жизнь продолжается. Со временем призраки прошлого постепенно растворились в чистом воздухе уединенного острова, и Том отваживался перенестись мыслями в будущее, чего не мог себе позволить долгие годы. И в этом будущем была Изабель, такая неунывающая, искренняя и жадная до жизни. Он направился в сарай, а в ушах звучали слова капитана Хэзлака. Том нашел корень эвкалипта и отнес в мастерскую.

Янус 15 марта 1921 года

Дорогая Изабель! Надеюсь, у тебя все хорошо. У меня тоже все в порядке. Мне здесь нравится. Наверное, это странно, но так оно и есть. Тишина мне очень по душе. В Янусе есть что-то волшебное. Таких мест я никогда раньше не встречал.

Жаль, что ты не можешь увидеть, какие красивые здесь закаты и восходы. А звезды! На небе ночью становится от них так тесно, что оно начинает напоминать циферблат, на котором по кругу ходят созвездия. И знать, что они обязательно появятся, очень успокаивает, особенно если день выдался трудным и что-то не ладится. Во Франции мне это тоже помогало. Глядя на звезды, гораздо легче расставить все по своим местам, ведь они окружали Землю еще до появления на ней людей.

Они продолжают светить, что бы ни случилось. Мне кажется, что маяк – это осколок одной из звезд, упавший на землю. Он тоже

светит, несомненно ни на что. Летом, зимой, в шторм и хорошую погоду. Люди могут на него положиться.

Ну, довольно болтать попусту. Посылаю тебе с письмом маленькую шкатулку, которую вырезал для тебя. Надеюсь, ты найдешь ей применение. В ней можно хранить украшения, заколки, вообще всякую мелочь.

Наверное, сейчас ты уже изменила мнение о том, что мы тогда обсуждали, и я хочу сказать, что все в порядке. Ты чудесная девушка, и я с удовольствием вспоминаю время, которое мы провели вместе.

Катер приходит завтра, и я передам шкатулку с Ральфом.
Том.

Янус 15 июня 1921 года

Дорогая Изабель! Пишу второпях, поскольку ребята уже готовы отплыть. Ральф передал мне твое письмо. Спасибо, что прислала мне весточку. Рад, что шкатулка тебе понравилась.

Отдельное спасибо за фотографию. Ты на ней очень красивая, только не такая отчаянная, как в жизни. Я знаю, куда ее поставлю – на самом верху, у излучателя, чтобы ты могла смотреть в окно.

Нет, твой вопрос мне совсем не кажется странным. На войне я знал парней, которые успевали жениться за три дня увольнительной в Англии, а потом возвращались на фронт. Большинство из них думали, что долго все равно не проживут, наверное, их подруги тоже. Если повезет, я надеюсь протянуть дольше, так что подумай хорошенько и все взвесь. Я готов рискнуть, если ты согласишься. Я могу попросить внеочередной отпуск в конце декабря, так что у тебя будет время принять решение. Если ты передумаешь, я пойму. А если нет, обещаю, что всегда буду о тебе заботиться и очень постараюсь стать хорошим мужем.

С наилучшими пожеланиями,
Том.

Следующие шесть месяцев тянулись долго. Раньше ждать было нечего, и Том привык к мерному течению дней, сменявших один другой. Теперь была назначена дата свадьбы. Нужно было испросить разрешение на внеочередной отпуск и все подготовить. Каждый день он находил что-нибудь, требовавшее внимания: окно на кухне плохо закрывалось, кран был слишком тугим для женских рук. Что тут может понадобиться Изабель? С последним катером он заказал две банки краски, чтобы обновить стены, зеркало для туалетного столика, новые полотенца и скатерти, ноты для дряхлого пианино – сам он к нему не притрагивался, но знал, что Изабель любила играть. Поразмыслив, он добавил к списку новые простыни, две новые подушки и стеганое одеяло на гагачьем пуху. Когда наконец прибыл катер, чтобы отвезти Тома на материк, на пристани показался Невилл Уитниш, которому предстояло его подменить.

– Все в порядке?

– Надеюсь, – ответил Том.

После короткой инспекции Уитниш одобрительно заметил:

– Ты умеешь обращаться с маяком. Отдаю должное.

– Спасибо, – поблагодарил Том, искренне тронутый похвалой.

– Готов, парень? – спросил Ральф перед самым отплытием.

– Одному Богу известно, – отозвался Том.

– Золотые слова! – Ральф бросил взгляд на горизонт. – Отплываем, мой друг, чтобы доставить капитана Шербурна, кавалера боевых наград, к даме его сердца.

Для Ральфа катер был таким же живым существом, как маяк – для Уитниша, причем существом родным. «Удивительно, что может вызывать любовь мужчин», – подумал Том и перевел взгляд на башню. Когда он увидит ее в следующий раз, его жизнь кардинально изменится. Ему вдруг стало не по себе. Полюбит ли Изабель остров так, как он? Сумеет ли она понять его мир?

Глава 7

– Смотри. Поскольку мы находимся намного выше уровня моря, видны сначала отблески света, а не сам луч маяка, который еще за горизонтом и скрыт за выпуклой поверхностью воды.

Том стоял позади Изабель на верхней галерее маяка: он обнимал жену, положив подбородок ей на плечо. Январское солнце играло золотыми бликами на ее темных волосах. Шел 1922 год, и это был их второй день пребывания на Янусе. Сразу после свадьбы они съездили на несколько дней в Перт, а потом отправились на остров.

– Как будто заглядываешь в будущее! – отозвалась Изабель. – Можно предупредить корабль об опасности еще до того, как она появится.

– Чем выше маяк и больше линзы, тем дальше он светит. Этот маяк один из самых мощных.

– Я никогда в жизни еще не забиралась так высоко! Как будто научилась летать! – сказала она и еще раз обошла башню по кругу. – А как, ты сказал, называются вспышки? Там было такое особое слово...

– Характер. У каждого прибрежного маяка свой характер. На нашем – четыре вспышки на каждое двадцать первое вращение. Поэтому по вспышкам на протяжении пяти секунд каждое судно узнает, что это Янус, а не Лювин, не Брейкси или еще какое место.

– А откуда же они могут знать?

– На каждом судне есть список маяков, которые лежат по их курсу. Для любого шкипера время – деньги. И они постоянно подвержены искушению срезать угол мыса, чтобы скорее разгрузить судно и взять на борт новый груз. К тому же чем меньше судно находится в море, тем больше экономия на жалованье морякам. Маяки стоят, чтобы предостеречь шкиперов от безрассудства и остудить горячие головы.

Через стекло Изабель видела тяжелые черные ставни световой камеры.

– А это зачем? – поинтересовалась она.

– Для защиты! Линзам все равно, какой яркости свет усиливать. Если они способны превратить маленький огонек в ослепительную вспышку, представь, что случится, если днем, когда они не вращаются, начнут усиливать солнечный свет! На расстоянии десяти миль – еще ладно, а вот если десяти дюймов – совсем другое дело! Поэтому надо принимать меры

предосторожности, в том числе и для собственной безопасности. Без этих ставней я бы там днем изжарился заживо. Пошли, покажу, как все устроено.

Они вошли в световую камеру, и за ними гулко хлопнула железная дверь.

— Это линзы первого порядка, очень яркие.

Изабель зачарованно разглядывала переливающуюся радугу отраженных призмами лучей.

— Как же красиво!

— Толстое стекло в середине — это линза с рефлектором. На этом маяке четыре линзы, но их количество на разных маяках может отличаться. Источник света должен точно соответствовать высоте линз, чтобы те собрали свет в пучок.

— А эти круги из стекла вокруг линзы с рефлектором? — Линзу опоясывали стеклянные треугольники, похожие на кольца мишени.

— Первые восемь преломляют лучи, чтобы те уходили не на луну или вниз, где от них никакой пользы, а в море. Они как бы направляют лучи за угол. А вот кольца сверху и снизу металлического стрежня — видишь? Их четырнадцать, и по мере удаления от центра они становятся толще. Так вот, они отражают свет обратно, так что он собирается в один пучок, а не рассеивается в разных направлениях.

— Так что каждому лучу приходится отрабатывать свое существование, — подвела итог Изабель.

— Можно и так сказать. А вот и сам источник света, — продолжал Том, указывая на металлическую подставку, закрытую ячеистым кожухом в самом центре.

— На вид не очень впечатляет.

— Это сейчас. Но на самом деле это капильная сетка накаливания, где усиленный линзами свет от горения паров мазута светит так же ярко, как звезда. Я тебе покажу вечером.

— Наша собственная звезда! Как будто целый мир был создан специально для нас! С солнцем и океаном! А мы созданы друг для друга!

— Думаю, что в Маячной службе считают иначе. Что мы созданы для них.

— И никаких тебе соседей или родственников! — Она укусила его за мочку уха. — Только ты и я...

— И животные. На Янусе, к счастью, не водится змей. А на некоторых островах только они и живут. Есть пара пауков, которые могут укусить, так что бдительность лучше не терять. Еще... — Тому было трудно закончить знакомство с местной фауной, поскольку Изабель продолжала его целовать и нежно покусывать уши. Она залезла руками в карманы его брюк и шарила там, лишая его возможности не только говорить, но и вообще соображать. — Я говорю о серьезных вещах, Изз... — не сдавался он. — Нужно опасаться... — Он невольно застонал, почувствовав, что ее пальцы нащупали то, что искали.

— Меня! — хихикнула она. — Я самое опасное существо на этом острове!

— Не здесь, Изз. Не на маяке. Давай... — он с трудом перевел дыхание, — давай спустимся.

— Нет! Здесь! — засмеялась Изабель.

— Это государственная собственность!

— И что? Ты запишешь об этом в журнал?

Том неловко кашлянул.

— Технически... тут все очень хрупкое и стоит кучу денег, каких нам не заработать за всю жизнь. Мне бы не хотелось придумывать причину, как все сломалось. Давай лучше спустимся.

— А если я откажусь? — кокетливо спросила она.

— Тогда, похоже, у меня не остается выбора... — Он подхватил ее на руки и отнес вниз по сотням узких ступенек.

— Да здесь настоящий рай! — не в силах сдержать восторг, воскликнула Изабель, когда утром следующего дня увидела в окно гладкую поверхность бирюзового океана. Вопреки неутешительным предупреждениям Тома о превратностях погоды ветер объявил перемирие по случаю приезда новобрачных и солнце радовало удивительным теплом. Том отвел ее к лагуне — широкому бассейну тихой ультрамариновой воды глубиной не больше шести футов, где они искупались.

— Надеюсь, тебе здесь понравится. До отпуска на материке еще целых три года.

Она обняла его.

— Я там, где хочу быть. И с мужчиной, с которым хочу быть. А все остальное не имеет значения.

Том нежно кружил ее в воде.

— Иногда через трещины в скалах сюда заплывает рыба. Ее можно ловить сетью, а то и просто руками.

— А как называется эта лагуна?

— Никак.

— Все должно иметь свое название. Ты согласен?

— Ну, тогда назови сама.

Изабель на секунду задумалась.

— Нарекаю тебя Райской Лагуной! — Она плеснула пригоршней воды на скалы. — Это будет моим местом купания.

— Обычно здесь безопасно. Но все равно надо быть настороже. На всякий случай.

— Ты о чем? — рассеянно спросила Изабель, разгребая ладонями воду.

— Акулы здесь вряд ли появятся, разве что прилив окажется особенно высоким, или пройдет шторм, или еще что. Так что в этом плане, наверное, можно не беспокоиться...

— Наверное?!

— Но расслабляться все равно нельзя. Взять хотя бы морских ежей. Смотри, когда наступаешь на камни под водой, — ты можешь наколоться и получить инфекцию. А электрические скаты зарываются в песок у самого края воды. Стоит наступить на шип у них на хвосте, и неприятностей не миновать. Если скат взмоет вверх и нанесет удар возле сердца... — Он замолчал, видя, как Изабель изменилась в лице. — С тобой все в порядке, Изз?

— Ты так просто об этом говоришь, а на помощь нам прийти некому.

Том заключил ее в объятия и увлек на берег.

— Я буду оберегать тебя, милая. Не волнуйся, — сказал он с улыбкой. Он поцеловал ее в плечи и опустил голову на песок, чтобы

поцеловать в губы.

Помимо кучи теплых вещей на зиму Изабель привезла несколько платьев с цветочным рисунком, которые было легко стирать. В них она кормила кур, доила коз, занималась огородом и убиралась на кухне. Когда она сопровождала Тома в походах по острову, она надевала его старые брюки, закатывала штанины и накидывала одну из его рубашек без воротника, закрепляя все это сверху потертым кожаным ремнем. Ей нравилось чувствовать под ногами землю, и она ходила босиком и только в скалах надевала легкие парусиновые туфли на резиновой подошве, чтобы не поранить ноги. Она постигала свой новый мир и исследовала свои новые владения.

Однажды, вскоре после прибытия на остров, Изабель, опьяненная свободой, решила поэкспериментировать. – Как тебе мой новый вид? – спросила она, появившись на маяке с сэндвичами для Тома совершенно голой. – Мне кажется, в такой чудесный теплый день одежда не нужна.

Он приподнял бровь и улыбнулся:

– Мне нравится, но скоро тебе это надоест, Изз. – Он взял сэндвич и ласково потрепал ее по подбородку. – Любимая, чтобы выжить на удаленных маяках и не одичать, нужно соблюдать определенные правила – есть в положенное время, переворачивать листки календаря... – он засмеялся, – и не забывать про шмотки. Поверь мне, милая.

Покраснев, она вернулась в дом и, облачившись в кофту, нижнюю юбку, платье, кардиган и сапожки выше щиколотки, отправилась копать картошку с излишней в такой жаркий день энергией.

– А у тебя есть карта острова? – спросила Изабель Тома. – Боишься заблудиться? – улыбнулся он. – Ты уже здесь несколько недель. Если идти от берега в глубь острова, то обязательно доберешься до дома. Да и башня маяка – хороший ориентир.

– Мне нужна карта. Наверняка же она существует?

– Конечно! Есть подробная карта. Только я не понимаю, зачем она тебе. Тут же негде заблудиться!

– Сделай мне приятное, супруг мой! – сказала она и поцеловала его в щеку.

Некоторое время спустя Том появился на кухне со свернутой в рулон картой и церемонно вручил ее Изабель.

– Ваше желание для меня закон, миссис Шербурн.

– Благодарю вас, – в тон ему ответила Изабель. – Пока это все, можете быть свободны, сэр.

Том с озадаченной улыбкой потер подбородок.

– Что ты задумала?

– Не важно!

На протяжении нескольких дней Изабель каждое утро отправлялась на прогулки, а после обеда запиралась в спальне, хотя Том и так ее не беспокоил, занимаясь своими делами.

Однажды вечером она вытерла вымытую после ужина посуду, принесла свернутую в рулон карту и протянула Тому:

– Это для тебя!

– Спасибо, милая, – отозвался он, не отрываясь от потертого тома о морских узлах. – Я уберу ее завтра.

– Но это для тебя!

Том поднял глаза:

– Это же карта, верно?

Она озорно улыбнулась.

– Чтобы узнать, надо развернуть!

Том развернул рулон и увидел, что карта преобразилась. На ней появились короткие пояснения, цветные рисунки и стрелки. Его первой мыслью было, что карта является собственностью государства и теперь придется выплачивать кучу денег. Всюду виднелись новые названия.

– Ну и как тебе? – просияла Изабель. – Это неправильно, что у мест не было никаких названий! И я их придумала, видишь?

Бухты, скалы и равнины приобрели названия, нанесенные аккуратным мелким почерком: Бурные Воды, Вероломная Скала, Отмель Кораблекрушений, Мирная Бухта, Убежище Тома, Утес Иззи и еще много чего.

– Я никогда не разбивал остров на отдельные части. Для меня он всегда был просто островом, – сказал Том улыбаясь.

– Мир состоит из различий. И каждое место заслуживает своего названия. Как комнаты в доме.

Том о доме-то никогда не думал в категориях комнат. Для него он всегда являлся просто домом. И ему почему-то взгрустнулось, что остров оказался расчлененным на опасные и безопасные участки. Ему больше нравилось воспринимать его как единое целое. И еще его покорило, что в названиях встречалось имя «Том». Янус не принадлежал ему. Все как раз наоборот: это он принадлежал Янусу. Недаром туземцы, как он слышал, считают себя детьми тех мест, в которых живут. И обязанностью Тома было просто присматривать за островом.

Он перевел взгляд на жену, сияющую от удовольствия и гордости за проделанную работу. Наверное, ничего плохого в том, что ей хотелось дать всему свои названия, не было. Может, со временем она научится его понимать.

Когда Том получал приглашения на встречи однополчан, он всегда отвечал письмом. Желал всего самого наилучшего и посылал немного денег на проведение встреч. Но никогда их не посещал сам. Будучи смотрителем маяка, он и не смог бы присутствовать, даже если бы и захотел. Он знал, что есть немало людей, которые с удовольствием встретят знакомые лица и вспомнят старые времена. Но он к таким не относился. На войне Том потерял верных друзей, с которыми вместе выпивал, сражался бок о бок и переносил все тяготы военной службы. Друзей, которых он понимал без слов, будто они были частью его самого. Он вспоминал разные жаргонные словечки, которыми они называли мины и снаряды, свои скудные продовольственные пайки и ранения, означавшие отправление в Англию на лечение. Интересно, многие ли помнили сейчас этот тайный язык?

Иногда, посреди ночи, он вдруг просыпался от ужасной мысли, что Изабель тоже больше нет, и с облегчением видел ее спящей рядом. Чтобы убедиться окончательно, что она жива, он долго смотрел, как она дышала. А потом утыкался ей носом в спину, чтобы почувствовать мягкость теплой кожи и ровное дыхание. Это самое большое чудо, какое только могло быть.

– Может, все плохое, что случалось в моей жизни, было просто испытанием, чтобы проверить, достоин ли я тебя, Изз?

Они лежали на разостланном на траве одеяле. Изабель находилась на острове уже три месяца. Наступил апрель, ночь была теплой, а небо усеяно звездами. Она лежала, закрыв глаза и положив голову на руку Тома, а он нежно водил пальцем по ее шее.

– Ты – моя вторая половина неба! – сказал он.

– А я и не знала, что ты такой романтичный.

– Это не я придумал. Где-то прочитал. Может, в стихотворении на латыни, а может, в каком-то древнегреческом мифе. Что-то в этом роде.

– Понятно, чему вас учили в элитной школе! – шутливо поддразнила она.

Чтобы отметить день рождения Изабель, Том сам приготовил завтрак и ужин и с удовольствием наблюдал, как его жена распаковала подарок: граммофон, который по его просьбе тайно доставили Ральф и Блюи. Он был призван хоть как-то компенсировать невозможность играть на пианино, которое оказалось вконец расстроенным, ведь долгие годы к нему никто не прикасался. Весь день Изабель слушала Шопена и Брамса, а теперь ночной воздух наполняли звуки «Мессии» Генделя, доносившиеся с маяка. Они установили граммофон в его башне, используя ее как естественную акустическую камеру для придания звуку объема.

– Мне очень нравится, как ты это делаешь, – заметил Том, глядя, как она машинально наматывает на указательный палец прядь волос и отпускает, позволяя волосам распрямиться как пружине.

– Мама говорит, что это дурная привычка, – смутилась она. – Наверное, она у меня врожденная. Я даже не замечаю, что делаю это.

Том взял прядь ее волос и, намотав на палец, отпустил: прядь раскрутилась в полоску, похожую на вымпел на ветру.

– Расскажи мне еще что-нибудь, – попросила Изабель.

Том немного подумал.

– Ты знаешь, что январь получил свое название от бога Януса? Того самого, что дал имя нашему острову. Это двуликий бог, и оба его лица обращены в разные стороны. Довольно неприятная физиономия.

– А он бог чего?

– Дверей. Всегда смотрит в противоположные стороны и потому видит разное. Январь начинает новый год и оглядывается на прожитый. Видит будущее и прошлое. И остров смотрит сразу на два разных океана: один простирается до Южного полюса, а другой – до экватора.

– Я это знала, – сказала она и шутливо ущипнула его за нос. – Просто мне очень нравится слушать, как ты рассказываешь. Расскажи мне о звездах. И покажи еще раз, где находится Центавр.

Том поцеловал ее кончики пальцев и поднял руку, показывая созвездие:

– Вот там.

– Это твое любимое созвездие?

– Ты – моя любимая. Лучше всех созвездий, вместе взятых.

Он наклонился и поцеловал живот Изабель.

– Точнее, ты и это. А может, там близнецы? Или даже тройня?

Голова Тома приподнималась и опускалась вместе с ее дыханием.

– Ты что-нибудь слышишь? С тобой разговаривают? – спросила она.

– Да, и говорят, что надо отнести мамочку в кровать, пока не стало совсем холодно. – Он поднял жену на руки и отнес в дом под слова оратории, доносившейся из башни маяка: «Ибо дитя для нас родилось». [3]

Изабель с гордостью написала матери об ожидающемся прибавлении семейства. – Мне ужасно хочется, чтобы они поскорее узнали об этом! Если б только я могла к ним добраться вплавь, точно бы прыгнула в воду! Ждать катера выше моих сил! – Она поцеловала Тома и спросила: – А твоему отцу не надо сообщить? Или брату?

Том поднялся и стал вытирать вымытую посуду.

– Не надо, – коротко ответил он.

Изабель, видя, как он смутился, не стала настаивать и осторожно забрала у него полотенце.

– Я сама. У тебя и так хватает забот.

Том дотронулся до ее плеча.

– Пойду займусь твоим креслом, – сообщил он и с натянутой улыбкой вышел из кухни.

В сарае Том оглядел детали кресла-качалки, которое мастерил для Изабель. Он пытался восстановить в памяти, как выглядело кресло, в котором мать читала ему сказки. Он помнил то ощущение, когда она держала его на руках, и задумался, сумеет ли их ребенок сохранить память о прикосновении Изабель на долгие годы своей жизни. Материнство вообще непостижимая вещь! Размышляя о жизненном пути своей матери, он удивлялся смелости женщин, решавшихся на роды. Но Изабель не видела в этом ничего необыкновенного.

– Это же так естественно, Том. Чего тут бояться?

Тому удалось выяснить, где жила его мать, когда ему исполнился двадцать один год и он оканчивал университет. Наконец-то он стал взрослым и сам распоряжался своей жизнью. Адрес, который ему сообщил частный детектив, находился в меблированных комнатах в Дарлингхерсте. Охваченный надеждой и страхом, он стоял на пороге пансиона, снова чувствуя себя восьмилетним ребенком. Из-за закрытых дверей длинного коридора доносились звуки, красноречиво свидетельствовавшие о неблагополучной жизни здешних обитателей. Сдавленные мужские всхлипывания перекрыл крик женщины: «Так больше жить нельзя!» – и раздавшийся затем крик ребенка. Где-то дальше слышался характерный скрип кровати, там, судя по всему, женщина зарабатывала себе на жизнь.

Том сверился с карандашными записями на бумажке, которую сжимал в ладони. Точно, вот нужная дверь! В памяти всплыл успокаивающий материнский голос: «Не надо плакать, мой маленький Томас. Давай-ка мы вместе забинтуем царапинку!»

Ему никто не ответил, и он, постучав еще раз, неуверенно повернул ручку. Дверь оказалась незапертой, и Том вошел. В комнате он сразу ощутил такой знакомый с детства родной запах, который, правда, перебивал стойкий «аромат» табака и дешевой выпивки. В полутемном помещении бросалась в глаза неубранная постель и видавшее виды кресло. Все в коричневых тонах. На оконном стекле трещина, а одинокая роза в вазе давно завяла.

– Ищете Элли Шербурн? – Голос принадлежал жилистому лысеющему мужчине, появившемуся в дверях.

Он никак не ожидал услышать ее имя. И потом – «Элли». В его представлении мать никогда не ассоциировалась с именем «Элли».

– Да, миссис Шербурн. Когда она вернется?

Мужчина хмыкнул:

– Она не вернется. А жаль, она задолжала мне за месяц.

В жизни все оказалось совсем не так, как он рассчитывал. Он же так долго мечтал о встрече с матерью! Сердце Тома учащенно забилось.

– А у вас есть адрес, куда она переехала?

– Там нет адреса. Она умерла три недели назад. Я как раз зашел убрать оставшиеся вещи.

Том ожидал чего угодно, но только не этого. Он замер на месте, не в силах пошевелиться.

– Хотите сюда вселиться? – поинтересовался мужчина.

Том помедлил и достал из бумажника пять фунтов стерлингов.

– Это за ее проживание, – тихо произнес он и вышел в коридор, глотая слезы.

Там перед самой войной, на тихой улочке на окраине Сиднея, оборвалась нить надежды, которой Том жил так долго. Через месяц он записался добровольцем на фронт, указав в документах ближайшей родственницей мать и ее адрес в меблированных комнатах. Вербовщикам было все равно.

Том провел рукой по деревянной планке, которую выточил, и попытался представить, что написал бы в письме матери, будь она жива, и как бы сообщил о ребенке. Он взял новую доску и отмерил рулеткой нужное расстояние.

– Заведей [4], – сказала Изабель, стараясь сохранить серьезное выражение лица, и только уголки губ слегка подергивались.

– Что? – переспросил он, перестав потирать ногу.

– Заведей, – повторила она, опуская голову в книгу, чтобы не встретиться с ним взглядом.

– Ты серьезно? Что это еще за имя...

На ее лице появилось обиженное выражение.

– Так звали моего двоюродного дедушку. Заведей Занзибар Грейсмарк.

Том изумленно на нее уставился, и она продолжила:

– Я обещала бабушке перед ее кончиной назвать своего сына, если он у меня будет, именем ее брата. Я не могу взять свое обещание обратно.

– Вообще-то я думал о нормальном имени.

– Ты хочешь сказать, что у моего двоюродного дедушки было ненормальное имя? – Изабель, не выдержав, расхохоталась: – Купился! Купился с потрохами!

– Ах ты, хитрюга! Ты об этом еще пожалеешь!

– Нет, перестань! Хватит!

– Никакой пощады!

Он щекотал ее в живот и шею.

– Сдаюсь!

– Слишком поздно!

Они лежали на траве, за которой начиналась Отмель Кораблекрушений. День клонился к вечеру, и мягкие лучи солнца окрашивали белый песок в золото.

Неожиданно Том замер.

– Что случилось? – спросила Изабель, выглядывая из-под длинных прядей волос, закрывавших лицо.

Он откинул ей пряди назад и долго смотрел, не говоря ни слова.

– Том? – Она провела рукой по его щеке.

– У меня никак в голове не укладывается. Еще три месяца назад были только мы с тобой, а теперь еще есть вот эта новая жизнь. Которая появилась из ниоткуда. И похожа она на...

– Ребенка.

– Да, на ребенка, но дело не в этом, Изз. Раньше, еще до твоего приезда, я часто размышлял на маяке, что такое жизнь. В смысле по сравнению со смертью... – Он смутился. – Я болтаю глупости. Больше не буду.

Изабель устроилась поудобнее и подложила кулак под подбородок.

– Ты редко о чем-то рассказываешь, Том. Прошу тебя, продолжай.

– Я не знаю, как это выразить. Откуда взялась жизнь?

– А это важно?

– Важно? – переспросил он.

– Это таинство, которого нам не дано понять.

– Бывают минуты, когда мне ужасно хочется узнать ответ. Это правда! В последний раз, когда рядом со мной погиб человек, мне очень хотелось спросить у него, куда он отправился. Вот только что он был рядом, совершенно здоровый и нормальный, а потом в него угодило несколько кусочков свинца, от которых невозможно увернуться, и теперь он уже в другом месте. Как это возможно?

Изабель подтянула к себе колени и, обняв их одной рукой, другой оперлась о землю.

– Как ты думаешь, люди помнят эту жизнь, когда уходят? Вот мои бабушка и дедушка – они там по-прежнему вместе?

– Понятия не имею.

Она вдруг встревожилась:

– А когда мы умрем, Том, Бог ведь нас не разлучит? Он позволит нам быть вместе?

Том обнял ее.

– Ну вот, видишь, чем все кончилось? Зря я затеял этот глупый разговор! Слушай, мы же выбирали имена! И я пытался спасти бедного мальчугана от жизни под именем Заведей какой-то там Занзибар. А что с женскими именами?

– Элис, Амелия, Аннабель, Ариадна...

Том поднял бровь.

– Ну вот опять! «Ариадна»! Жизнь на маяке и так несладка, так что давай не будем усугублять это именем, над которым все будут смеяться.

– Осталось еще каких-то пара сотен страниц, – заметила Изабель, улыбаясь.

– Так давай не будем отвлекаться!

В тот же вечер, выйдя на галерею на маяке, Том снова задумался над мучившим его вопросом. Где находилась душа их ребенка раньше? И куда отправится потом? Где оказались души парней, с которыми он месил на фронте грязь и делил все беды и радости?

Вот он, живой и здоровый, находился сейчас здесь с чудесной женой в придачу, и какая-то душа решила к ним присоединиться. И из ниоткуда появится ребенок. Над ним так долго висела смерть, что такой подарок судьбы казался просто невероятным. Он вернулся в помещение и посмотрел на фотографию жены, висевшую на стене. Загадка! Иначе и не скажешь!

Другим подарком, заказанным Томом и доставленным на катере, было «Руководство по уходу за детьми для австралийских матерей» доктора Сэмюэля Гриффитса. Изабель изучала его все свободное время.

Она постоянно забрасывала его вопросами:

– А ты знаешь, что коленки у младенцев не из кости? – Или: – А ты знаешь, в каком возрасте младенцы начинают есть с ложки?

– Понятия не имею, Изз.

– Угадай!

– Ну откуда мне знать?

– С тобой совсем неинтересно! – пожаловалась она и снова уткнулась в книгу.

За несколько недель она так зачитала книгу, что страницы поистрепались и даже перепачкались от постоянного чтения на траве.

– Тебе же предстоят роды, а не экзамен!

– Я просто хочу все делать правильно! Я же не могу постучаться в соседнюю дверь и спросить у мамы, верно?

– Какая же ты глупышка! – засмеялся Том.

– А что? Что здесь смешного?

– Ничего. Абсолютно ничего. Даже если бы я мог, я бы ничего не стал в тебе менять!

Она улыбнулась и поцеловала его.

– Из тебя выйдет просто замечательный папа! Я это точно знаю!

Но в ее глазах промелькнул вопрос.

– Что? – решил ей помочь Том.

– Ничего.

– И все же?

– Твой отец. Почему ты никогда о нем не говоришь?

– Мы не ладили.

– Но какой он был?

Том задумался. Как описать отца в двух словах? Как описать его взгляд, никого и никогда не пускавший в свой внутренний мир?

– Он был из тех, кто всегда прав. И не важно, о чем шла речь. Он жил по своим, не подвергавшимся сомнению правилам и оставался им верен, невзирая ни на что. – Том вспомнил высокую фигуру отца, в тени которой прошло все его детство. Такой же холодной и бесчувственной, как могила.

– Он был строгим?

Том горько усмехнулся.

– «Строгим» – не то слово! – Он потер подбородок, стараясь подобрать правильные слова. – Может, он хотел воспитать из сыновей достойных мужчин. Он порол нас за любую провинность. Во всяком случае, меня. Сесил всегда сваливал вину на меня и отделывался легким испугом. – Том снова усмехнулся. – Хотя должен признать: в армии такое воспитание здорово пригодились. Никогда не знаешь, что в жизни пойдет на пользу! – Он снова стал серьезным. – И еще один плюс: на фронте было не так страшно, зная, что похоронка на тебя никому не разобьет сердце.

– Господи, Том! Как можно говорить такое?!

Он прижал ее голову к груди и молча погладил по волосам.

Бывали дни, когда океан становился не похож сам на себя. Он терял синеву и превращался в свирепого дикого монстра, породить который могли только боги. Он с яростью обрушивался на остров, отгрызая от скал целые куски и накрывая облаком брызг всю башню маяка. Его рев казался рыком лютого зверя, чья злоба не знала границ. Именно в такие дни маяк нужен больше всего. В самые свирепые штормы Том находился на маяке всю ночь, греясь возле керосиновой печки и балуя себя горячим сладким чаем из термоса. Он думал о тех бедолагах, которые сейчас на судах в море, и благодарил Бога, что сам в безопасности. Он вглядывался в ревущую пучину в поисках сигналов бедствия и держал наготове ялик, хотя в такую непогоду какой от него толк?

В ту майскую ночь Том сидел с блокнотом и карандашом и прикидывал расходы. Его ежегодное жалованье составляло триста двадцать семь фунтов стерлингов. Сколько стоили детские ботинки? По словам Ральфа, дети вырастают из них очень быстро. Потом одежда. И учебники. Конечно, если он останется на маяке, Изабель сама будет учить детей. Но в такие ночи Том часто задавался вопросом, а было ли вообще справедливо навязывать такой образ жизни другим, тем более детям. Но ему тут же

вспоминались слова одного смотрителя маяка с восточного побережья по имени Джек Троссел.

– Клянусь, для детей лучше места не найти! – заявил он Тому. – Все шестеро моих пышут здоровьем! Вечно играют и озоруют! Исследуют пещеры, строят шалаши. Настоящая шайка первооткрывателей! А жена следит за тем, чтобы уроки были сделаны. Уж поверь мне на слово – растить детей на маяке легче легкого!

Том вернулся к своим расчетам: как сэкономить, закупить всю нужную одежду и лекарства и еще бог знает что. Перспектива стать отцом его пугала и волновала одновременно.

В ту ночь рев шторма заглушал все звуки, и Том, погруженный в воспоминания об отце, ничего не слышал. Не слышал крика Изабель, звавшей на помощь.

Глава 9

– Сделать тебе чаю? – спросил Том, не представляя, чем может помочь. Он был по натуре обстоятельным и практичным, умел обращаться с инструментами, чинить неисправности и мастерить. Но перед лицом убитой горем жены он чувствовал полную беспомощность.

Изабель не подняла головы, и он предпринял новую попытку.

– Может, дать обезболивающего? – Смотрителей учили оказывать первую помощь, и они знали, что делать, если утонувшего еще можно спасти, как поступать при переохлаждении или обгорании, как дезинфицировать раны и даже ампутировать. Однако этот курс не включал изучения гинекологии, и что делать в случае угрозы выкидыша, Том совершенно не представлял.

После того шторма прошло два дня. У Изабель продолжалось кровотечение, но она запрещала Тому радировать о помощи. Всю ту злополучную ночь он провел на маяке и, погасив его на рассвете, вернулся домой совершенно разбитым. Войдя в спальню, он увидел скорчившуюся Изабель и перепачканные кровью простыни на кровати. В ее глазах было такое отчаяние, что у Тома оборвалось сердце.

– Мне так жаль, Том, – прошептала она. – Ты даже представить себе не можешь! – Тут на нее накатила новая волна боли, и она, застонав, прижала руки к животу. – Зачем теперь нужен доктор? Ребенка все равно больше нет! – Ее взгляд метался по комнате, не в силах остановиться на чем-то одном. – Неужели я проклята? – пробормотала она. – Ведь столько женщин рожают, и ничего!

– Изз, перестань, не говори так!

– Это я виновата, Том. Я и только я!

– Все не так, Изз. – Он прижал ее голову к своей груди и принялся целовать волосы. – У нас еще будут дети. И когда их станет пятеро и они будут вечно вертеться под ногами, все случившееся покажется страшным сном. Давай посидим на веранде. Тебе это пойдет на пользу.

Усадив Изабель в плетеное кресло, он накрыл ее голубым одеялом в клетку и устроился рядом. Они вместе смотрели, как по осеннему небу плыл солнечный диск.

Изабель вспомнилось, каким пустынным ей показался остров, когда она только вступила на его землю, но постепенно она, как и Том, научилась замечать малейшие перемены, наполнявшие его жизнью. Облака собирались в группы и бороздили небо. Форма волн зависела от ветра и времени года и могла рассказать о погоде на завтра, если уметь по ней ориентироваться. Она познакомилась с птицами, которых время от времени каким-то чудом приносило сюда ветром, будто те были семенами, подхваченными его порывами, или водорослями, выброшенными на берег.

Она посмотрела на две одинокие сосны, оплакивавшие свою уединенность.

– Здесь не хватает деревьев, – неожиданно сказала она. – Я скучаю по лесам, Том. По их листьям, запаху и тому, что их много. Господи, Том, мне так не хватает животных, тех же самых кенгуру! Как мне всего этого не хватает!

– Я знаю, Изз, милая.

– А ты разве не скучаешь?

– Ты – единственное на свете существо, которое мне нужно в жизни, и ты со мной рядом. Остальное не так важно. Все образуется, нужно просто подождать.

Как бы часто и старательно Изабель ни убиралась, с пылью справиться было просто невозможно. Она постоянно присутствовала буквально везде: на их свадебной фотографии, на снимке Хью и Элфи в новенькой форме, сделанном почти сразу после того, как они в 1916 году записались добровольцами. Они довольно улыбались, будто получили приглашение на вечеринку. Конечно, не самые рослые ребята в Австралийских Императорских силах, но зато полные энтузиазма и такие лихие в новеньких шляпах с широкими опущенными полями.

В ее коробке для шитья царил рабочий порядок, совсем не похожий на ту безупречность, в которой содержались швейные принадлежности матери. Детали рубашки для крещения были сколоты булавками, но еще не сшиты вместе.

На туалетном столике стояла шкатулка, сделанная Томом, где рядом с маленьким жемчужным ожерельем, подаренным им на свадьбу, лежали несколько черепаховых гребней и расческа для волос.

Изабель медленно обошла гостиную: в глаза бросился тонкий слой уже успевшей осесть пыли, потрескавшаяся штукатурка в оконной раме, потертые края темно-синего коврика. Возле камина надо было подмести, а занавески на окнах выцвели и деформировались из-за вечных капризов погоды. Сама мысль о том, что надо убраться, окончательно лишала ее остатков сил. Всего несколько недель назад ее переполняло ожидание и она была полна энергии. А теперь вдруг комната стала походить на могилу и жизнь потеряла всякий смысл.

Она открыла альбом с фотографиями, который мать подарила ей перед отъездом, и стала разглядывать свои детские снимки с логотипом фотоателье «Гутчер» на обратной стороне. Вот снимок родителей в день свадьбы, а вот фотография дома. Изабель провела пальцем по краям кружевной салфетки, которую бабушка сама расшила себе в приданое. Она подошла к

пианино и открыла крышку.

Ореховое дерево в нескольких местах треснуло. Над клавиатурой золотым тиснением были выбиты слова: «Ивзстафф, Лондон». Она часто представляла себе путь, который проделал этот музыкальный инструмент, пока добирался до Австралии, и как могла бы сложиться его судьба, окажись он в английском доме или школе, где клавиши бы стерлись под маленькими неумелыми пальцами детишек, или даже на сцене. А вышло так, что пианино, вопреки всякому здравому смыслу, оказалось на далеком острове и его звучание украли одиночество и погода.

Она нажала клавишу «до», но так медленно, что не раздалось никакого звука. Теплая поверхность из слоновой кости напомнила ей подушечки пальцев бабушки, и на нее нахлынули воспоминания об изнурительных уроках музыки после обеда. Гамма ля-бемоль мажор в одну октаву, затем в две, потом в три. Звук удара крикетного мяча по дереву: это Хью и Элфи играли на улице, а она, «маленькая леди», «приобретала знания» и выслушивала неустанные напоминания бабушки о том, как важно не опускать запястья. «Но это же глупо – играть гаммы!» – возмущалась Изабель. «Но зато очень полезно, малышка», – успокаивала ее бабушка. «А можно мне поиграть в крикет, бабуль? Совсем чуть-чуть, а потом я сразу вернусь». «Крикет – это игра не для девушек. Ну же, хватит капризничать. А теперь – этюд Шопена», – не сдавалась бабушка, открывая ноты со следами маленьких перепачканных шоколадом пальчиков и исчерканные карандашными заметками.

Изабель нежно провела пальцем по клавише. Ей вдруг ужасно захотелось снова оказаться в прошлом, но не в том, где уроки музыки, а в том, где она могла выскочить во двор и, подобрав юбку, занять пост игрока, охраняющего ворота, во время игры братьев в крикет. Она принялась нажимать на другие клавиши, будто они могли воплотить ее мечту в жизнь. Но в ответ раздалось лишь приглушенное постукивание их о дерево там, где стерся фетр.

– Бесполезно! От него никакого толку! Как и от меня! – сказала она Тому, который вошел в гостиную, и заплакала.

Через два дня они стояли возле утеса. Том вбил в землю небольшой крест, который сделал из прибитой к берегу доски, и убедился, что тот держится прочно. По просьбе жены он вырезал на нем надпись: «31 мая 1922 года. Вечная память». Том взял лопату и вырыл яму для куста розмарина, который принес из их палисадника. На него вдруг накатился такой сильный приступ тошноты, что даже вспотели ладони.

Изабель стояла на утесе и сверху наблюдала, как пришвартовывался «Уинворд спирт». Вскоре Ральф и Блюи сойдут на берег, и встречать их ей не хотелось. Когда перебросили трап, с ними сошел и еще какой-то человек, хотя с маяком все было в порядке и никакого ремонта не требовалось. Том поднялся к ней по тропинке, а приехавшие задержались на пристани. После морской качки незнакомец с черным чехом явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Изабель со злостью обрушилась на Тома:

– Как ты посмел?!

– Как я посмел? – опешил Том.

– Я же говорила, что мне никого не нужно, а ты все равно сделал по-своему! Можешь отослать его обратно! Ему здесь нечего делать!

Когда Изабель сердилась, она всегда походила на обиженного ребенка. Том невольно улыбнулся, но это разозлило Изабель еще больше. Она решительно уперлась руками в бока и с вызовом посмотрела на него:

– Я предупреждала тебя, что никакого доктора не нужно, а ты его вызвал за моей спиной! Я не собираюсь выслушивать от него то, что мне и так известно! Как только не стыдно! Что ж, разбирайся с ними как хочешь!

– Иззи, – примирительно произнес Том, – пожалуйста, успокойся! Не надо устраивать сцен. Он вовсе не... – Но она уже решительно удалялась и не слышала конца фразы.

– Ну? – поинтересовался Ральф, здороваясь с Томом. – Как она отреагировала? Наверняка рада-радешенька!

– Не совсем. – Том сунул в карманы сжатые в кулаки руки.

– Но... – Ральф изумленно на него посмотрел. – Я думал, она будет прыгать от радости! Хильде стоило немалых трудов уговорить его приехать, а просить кого-то о чем-то не в ее правилах!

– Изабель... – Том помолчал, раздумывая, стоит ли объяснять. – Она все неправильно поняла. А стоит ей закусить удила, и говорить с ней бесполезно. Надо просто подождать, пока она успокоится. Боюсь, что сэндвичи мне придется делать самому.

К ним подошли Блюи с приехавшим мужчиной, и они вчетвером отправились в дом.

Изабель сидела на траве у бухточки, и у нее все кипело внутри. Сама мысль о том, что ее грязное белье выволокли наружу, казалась невыносимой. Какое до этого дело Ральфу и Блюи? Наверняка они всю дорогу перемывали ей косточки и говорили бог знает что! То, что Том пригласил доктора вопреки ее запрету, казалось ей настоящим предательством.

Она смотрела на воду и как ветер поднимал волны там, где еще утром на поверхности была лишь небольшая зыбь. Прошло несколько часов. Она проголодалась и устала. Но появляться дома, пока там находился доктор, она ни за что не будет! Изабель переключила внимание на окружающую природу и принялась разглядывать узоры на листьях, прислушиваясь к шуму волн, свисту ветра и крикам птиц. Неожиданно раздался непривычный звук: короткий и повторяющийся. Откуда он доносился? С маяка? Из дома? Но он не был похож на лязг по металлу в мастерской. Звук повторился, но на этот раз в другой тональности. На Янусе ветер часто раскладывал звуки на разные частоты, разнося их по острову. Две чайки опустились рядом и затеяли громкую свару из-за рыбины, заглушая все другие звуки.

Изабель вновь погрузилась в созерцание, от которого ее отвлекли принесенные с порывом ветра звуки. Ошибиться было невозможно: она слышала, как кто-то наигрывал гамму! В звучании чувствовалась фальшь, но с каждым разом все меньше и меньше.

Ни Ральф, ни Блюи никогда раньше не подходили к инструменту, а Том точно не умел играть! Наверняка это проклятый доктор решил размять пальцы, не найдя им лучшего применения. Ей самой так и не удалось извлечь из пианино даже самой простенькой мелодии, а сейчас оно звучало! Вне себя от бешенства, Изабель помчалась к дому, полная решимости указать незваному гостю его место. Том, Ральф и Блюи заносили в сарай мешки с мукой.

– Привет, Иза... – начал было Ральф, но договорить не успел, так как она пронеслась мимо и буквально ворвалась в гостиную.

– Это сложный музыкальный инструмент, и я попрошу вас... – Она осеклась, увидев, что пианино полностью разобрано, на полу стоит раскрытый ящик с инструментами, а незнакомец поворачивал маленьким ключом гайку, затягивавшую медную басовую струну, по которой ударял клавишей.

– Тут проблема в мумифицированной чайке, – сказал он не оборачиваясь. – Во всяком случае, отчасти. И конечно, воздействие в течение двадцати лет песка, соли и бог знает чего еще сыграло свою роль. Я заменю где требуется истершийся фетр, и звук тогда станет лучше. – Он продолжал подкручивать гайку, добиваясь нужного звучания. – Чего я только не находил в пианино за годы своей работы! Мертвых крыс. Сандвичи. И даже дохлую кошку. Я мог бы написать об этом целую книгу, хотя понять, как они там все оказались, просто невозможно. Да и чайка вряд ли туда залетела сама.

Изабель настолько опешила, что лишилась дара речи. Она так и стояла с приоткрытым ртом, когда почувствовала на плече чью-то руку и, обернувшись, увидела Тома. Она густо покраснела.

– Как тебе сюрприз? – спросил он и поцеловал ее в щеку.

– Я... ну... – Изабель не знала, что и сказать.

Он обнял ее за талию и повернул к себе, и они, постояв какое-то время, упираясь друг в друга лбами, дружно расхохотались.

Следующие два часа она неотрывно сидела возле настройщика и наблюдала, как он добивался нужного звучания, пока пианино не заиграло громко и не фальшивя. Он закончил работу исполнением «Аллилуйи» из «Мессии» Генделя.

– Я сделал все, что мог, миссис Шербурн, – сказал он, убирая инструменты обратно в ящик. – Вообще-то по-хорошему его бы надо привезти в мастерскую, но от поездки туда и обратно будет больше вреда, чем пользы. До идеального состояния, конечно, еще далеко, но какое-то время пианино послужит верой и правдой. – Он подвинул поближе стул. – Хотите попробовать?

Изабель села и проиграла мажорную гамму.

– Совсем другое дело! – воскликнула она и начала играть Генделя по памяти, когда послышался кашель. Обернувшись, она увидела в дверях Ральфа, стоявшего позади Блюи.

– Играйте дальше! – попросил Блюи, видя, что она обернулась.

– Мне ужасно стыдно за свое поведение. Пожалуйста, извините меня.

– Все в порядке! – заверил Ральф. – А это вам. От Хильды, – пояснил он, вытаскивая из-за спины сверток, перевязанный красной ленточкой.

– А можно посмотреть прямо сейчас?

– Нужно! Если я не предоставлю подробный отчет во всех деталях, мне не жить!

Изабель сняла обертку, под которой оказались «Вариации Гольдберга» Баха.

– Том говорит, что вы умеете играть это с закрытыми глазами.

– Я не играла их уже очень и очень давно! Я... их просто обожаю! Спасибо! – Она порывисто обняла Ральфа и чмокнула его в щеку. – И тебе спасибо, Блюи! – поблагодарила она и тоже поцеловала юношу, случайно коснувшись его губ, потому что он как раз поворачивал голову.

Блюи сильно покраснел и опустил глаза в пол.

– Я здесь вообще-то ни при чем, – смущенно пробормотал он, но Том запротестовал:

– Не верь ни единому слову! Он ездил за мастером в Албани. Потратил на это весь день.

– В таком случае ты заслуживаешь отдельного поцелуя! – сказала Изабель и чмокнула его в другую щеку. – И вы тоже! – добавила она, чтобы настройщик не чувствовал себя обделенным.

В тот же вечер, когда Том проверял механизм вращения маяка, здание башни наполняла торжественная музыка Баха, разносившаяся по световой камере и затихавшая между сверкающими призмами. Подобно ртути, позволявшей свету освещать все вокруг, Изабель представляла собой настоящую тайну. Она могла исцелить и разрушить, вынести любые тяготы и – в бегстве от себя самой – разлететься на тысячи мельчайших капелек, которые невозможно собрать.

Том вышел на галерею. Когда на горизонте исчезли огни катера, он прочел про себя молитву за Изабель и их совместную жизнь. Потом взял вахтенный журнал и в колонке «Примечание» на среду 13 сентября 1922 года написал: «На судне «Уинворд спирт» на остров приезжал настройщик пианино Арчи Полок. Разрешение на посещение имелось».

Часть II

Глава 10

27 апреля 1926 года

Губы Изабель побелели, а глаза потухли. Она по привычке еще часто дотрагивалась до живота, но его отсутствие тут же напоминало, что в нем больше нет плода. Однако до сих пор на блузках то и дело проступали пятна от молока, которое неожиданно появилось в первые дни – настоящее пиршество для так и не появившегося на свет малыша. И она принималась неутешно и горько плакать, как будто это случилось только что. Она стояла с простынями в руках: работа есть работа и должна выполняться, что бы ни случилось, совсем как маяк, который должен светить всегда.

Заправив постель и убрав сложенную ночную сорочку под подушку, она направилась к скале посидеть у могил. Свежей могилой она занималась дольше других, размышляя, приживутся ли на ней саженцы розмарина. Она вытащила несколько ростков возле двух других крестов, на которых за эти годы появился налет соли, но кустарник сумел устоять под порывами штормового ветра.

Услышав детский плач, она машинально бросила взгляд на новую могилу. Вопреки всякой логике, ей вдруг почудилось, что произошла какая-то нелепая ошибка и ее последний ребенок родился не мертвым, а жил и дышал. Иллюзия рассеялась, но плач продолжался.

А потом с галереи послышался крик Тома: «Иззи, там лодка! Там лодка на берегу!» – и, поняв, что ей не почудилось, она бросилась со всех ног вниз по тропинке к пляжу, куда прибило ялик.

Мужчина в ялике был мертв, но Том вытащил из-под сиденья маленький плачущий сверток.

– С ума сойти! – воскликнул он. – Черт меня подери, Иззи! Да это...

– Ребенок! Боже милостивый! Господи, Том! Том! Дай же его скорее сюда!

Дома при виде младенца Изабель моментально преобразилась: ее руки инстинктивно знали, как держать малютку и как ее

успокоить, чтобы не плакала. Поливая из ковшика теплой водой крошечное тельце, она с замиранием сердца разглядывала нежнейшую кожу, упругую и без единой морщинки. Она по очереди перецеловала все пальчики, нежно откусывая малюсенькие ноготки, чтобы ребенок себя случайно не поцарапал. Чуть приподняв головку в ладони, она вытерла самым мягким шелковым платком малютке слезы на личике и убрала начавшую подсыхать под носом слезу. Затем обмыла ребенку все тельце и еще раз лицо: казалось, одно действие автоматически влекло за собой другое, как будто вся процедура была единым целым.

Заглядывать в эти глаза было все равно что смотреть в лицо Бога. Невероятное, невозможное прямодушие и удивительная незащитность буквально ошеломили. То, что это крохотное создание из плоти и крови сумело проделать такой путь, чтобы оказаться с ней, не могло быть ничем иным, кроме воли провидения... И всего через две недели, после того как... Это не может быть простой случайностью! Хрупкое, как снежинка, существо могло запросто кануть в небытие, если бы волны и ветер не принесли ялик прямоком на Отмель Кораблекрушений.

Обходясь без всяких слов, ребенок демонстрировал свое полное доверие каким-то неведомым способом общения, доступным только живым существам: расслаблением мышц, поворотом шейки, взглядом. Побывав на краю смерти, одна жизнь соединялась с другой, как сливаются капли воды в единое целое.

Изабель переполняли самые разные эмоции. Ее охватывал трепет при виде крохотной ручонки, вцепившейся в палец. Она чувствовала умиление, глядя на сладкую крохотную попку, которой еще только предстояло сформироваться, и испытывала настоящее благоговение при мысли, что дыхание наполняло это создание плотью, кровью и душой. И обрушившиеся на нее чувства вытесняли черную пустоту боли.

— Вот видишь, малютка, ты довела меня до слез! — сказала Изабель. — И как тебе это удалось? Какая же ты красивая и необыкновенная!

Она вытащила ребенка из ванночки, осторожно, как бесценное сокровище, переложила на мягкое белое полотенце и начала вытирать, вернее, осторожно впитывать влагу тканью, как обычно промокают чернила, чтобы не смазать написанное.

Малышка лежала тихо, терпеливо ожидая, пока сменят подгузник и посыпят тальком опрелости. Изабель не раздумывая достала из комода в детской приготовленные, но так и не потребовавшиеся одежды. Она выбрала желтое платье с утятами и осторожно надела его на малютку.

Напевая колыбельную, она раскрыла крохотную ладошку и посмотрела на линии: уже с самого рождения они рассказывали о судьбе, которая привела ее на этот остров.

— Какая же ты чудесная! — не удержалась она, не в силах справиться с охватившим ее восторгом.

Но ребенок уже погрузился в сон, часто дыша и изредка вздрагивая. Изабель, держа малышку одной рукой, другой постелила простыню в колыбели, убрав из нее на время одеяло, которое она сама связала из мягкой овечьей шерсти. Она никак не могла заставить себя выпустить малютку из рук. Процессы в ее теле, готовящиеся к материнству, вдруг снова ожили, и загнанные внутрь инстинкты вырвались на свободу, направляя все ее действия и формируя чувства. Она захватила ребенка с собой на кухню и, пристроив на коленях, углубилась в книгу с детскими именами.

Смотритель маяка отвечал за все. Каждый предмет, находившийся на маяке, регистрировался, описывался и содержался в надлежащем порядке. Избежать учета не могло ничто! Заместитель директора Маячной службы требовал скрупулезного отчета буквально по всему, начиная от топочных труб и чернил для ведения журнала и заканчивая метлами в сарае и обувными щетками. Все занесено в журнал оборудования, где имелись соответствующие записи даже об овцах и козах. Ничего не выбрасывалось и не уничтожалось без соответствующей санкции начальства во Фримантле или — если речь шла о чем-то дорогостоящем — в Мельбурне. Не дай Бог, если вдруг обнаруживалась недостача коробки свечей или галлона мазута и смотритель не смог разумно ее объяснить. И не важно, что они жили на краю земли как отшельники. Их, как запертых в банке жуков, постоянно исследовали, изучали, и они находились под неусыпным контролем властей. Должность смотрителя можно доверить далеко не всем. Вахтенный журнал рассказывал о жизни смотрителя в мельчайших подробностях. Точное время включения маяка, точное время его выключения на следующее утро. Погода, проходившие мимо суда. Какие-то из них подавали сигналы, а какие-то были слишком заняты борьбой с бурными водами, чтобы отвлекаться на азбуку Морзе или Международный свод сигналов и сообщать, откуда и куда они направлялись. Иногда смотрители позволяли себе вольность, рисуя завитушки или виньетки, начав записи нового месяца, или даже записывали в шутку, что инспектор Маячной службы согласился предоставить им отпуск за многолетнюю работу, поскольку нигде не регламентировалось, что именно должно быть указано в журнале. Однако на этом список вольностей, которые они себе позволяли, исчерпывался.

Журнал — это святая святых. Янус не являлся специализированной станцией беспроводной связи, и суда не получали от него информации о погоде, поэтому в его вахтенный журнал скорее всего в будущем так никто и не заглянет. Но Том исправно заносил в него все, что могло представлять интерес, и даже получал от этого удовольствие. Сила ветра по-прежнему определяется визуально по шкале Бофорта [5], разработанной во времена парусного судоходства: от «тихо» (0—2 балла, можно двигаться под парусом) до «урагана» (12 баллов, никакие паруса не выдерживают). Тому нравился этот скупой, но точный язык. При мысли о хаосе, наполнявшем его жизнь раньше, о годах лжи и отсутствия всякого представления о том, что, черт возьми, происходило в окружавшем его фронтовом аду, он наслаждался самой возможностью простой констатации фактов.

Вот почему в день появления ялика Том сразу подумал именно о вахтенном журнале. Записывать в него даже самые незначительные события превратилось для него в святую обязанность, которую предписывал не только Регламент Маячной службы, но и законы Содружества. Его информация могла оказаться важным звеном в таинственной цепочке событий, сообщить о котором мог только он, и Том чувствовал себя обязанным сделать это. Сигнальная ракета бедствия, дым на горизонте, прибитый к берегу обломок, который может указывать на кораблекрушение: обо всех без исключения событиях Том аккуратно записывал своим красивым ровным почерком с небольшим наклоном. Он сидел за столом на маяке и смотрел на авторучку, терпеливо дожидавшуюся, когда ею начнут записывать события за день. Умер человек. Нужно об этом сообщить, чтобы навели справки. Он еще раз заправил в ручку чернила, хотя никакой необходимости в этом не было, и, отыскав в журнале свою самую первую запись, сделанную шесть лет назад по прибытии на остров, пролистал страницы вперед. Дни сменяли друг друга, как приливы и отливы. В какие-то он чувствовал себя абсолютно разбитым после срочного ремонта или бессонной штормовой ночи. Иногда не мог взять в толк, как вообще здесь оказался. А чего стоят полные отчаяния дни, когда у Изабель

случались выкидыши? Но никогда раньше запись в журнале не давалась ему с таким трудом. И Изабель так просила его отложить запись на день!

Его мысли вернулись к событиям двухнедельной давности, когда он возвращался с рыбалки и услышал крики Изабель:

– Том! Том! Быстрее!

Он ворвался на кухню и увидел Изабель на полу.

– Том! Что-то не так! – простонала она. – Он выходит! Ребенок выходит!

– Ты уверена?

– Откуда мне знать? – закричала она. – Я не знаю, что происходит! Я просто... Ох, Господи Боже, Том, как же больно!

– Давай я помогу тебе подняться, – предложил он, опускаясь на колени рядом.

– Нет! Не трогай меня! – Она задыхалась и кривилась от боли, с трудом вставляя слова между приступами. – Как же больно!

Господи, пощади! – взмолилась она, и на платье проступила кровь.

В этот раз беременность протекала не так, как раньше. Изабель была уже на седьмом месяце, и Том понятия не имел, как ему надлежит действовать.

– Скажи мне, что делать, Изз. Что?

Она неуклюже пыталась стащить с себя трико.

Том приподнял бедра и помог ей, а Изабель заметалась по полу и испустила пронзительный крик, который разнесся по всему острову.

Роды оказались преждевременными и быстрыми. Том беспомощно наблюдал, как из тела Изабель показался ребенок – это был точно ребенок, его ребенок! Такой крошечный и весь в крови – какая-то пародия на младенца, которого они так ждали. Он был перемазан кровью и выделениями женщины, застигнутой врасплох его неожиданным появлением. От макушки до пяток длиной не больше фута, а весом как кулек с сахаром. Ребенок не шевелился и не издавал никаких звуков. Том держал его в руках, чувствуя, что цепенеет от ужаса, и не понимая, что должен делать.

– Дай ее мне! – закричала Изабель. – Дай мне мою малышку! Дай мне ее поддержать!

– Это мальчик, – с трудом выговорил Том, не зная, что еще сказать, и передал ей теплый комочек. – Это был маленький мальчик.

За окном продолжал уныло завывать ветер, а послеобеденное солнце отбрасывало золотые отблески на женщину и ее мертворожденное дитя. Старые часы на кухне мерно отсчитывали минуты: природа, казалось, даже не заметила появления и окончания новой жизни. Машина времени и пространства продолжала работать, перемалывая в своих жерновах людские судьбы.

Изабель с трудом приподнялась и оперлась о стену, не переставая убиваться над крошечным комочком, который должен был родиться крупнее, сильнее и выжить в этом мире.

– Мое дитя! Мое дитя! Мое дитя!.. – не переставая шептала она, будто заклинание, способное вдохнуть в него жизнь.

Личико младенца выглядело отрешенным, как у монаха, погруженного в глубокую молитву: глаза закрыты, губы сомкнуты. Он снова оказался в мире, покидать который, судя по всему, ему не захотелось.

А стрелки часов равнодушно продолжали свой размеренный бег. Прошло полчаса, и Изабель не произнесла ни слова.

– Я принесу тебе одеяло.

– Нет! – Она схватила его за руку. – Не оставляй нас!

Том опустился рядом, обнял ее за плечо, и она, судорожно всхлипывая, снова разрыдалась, уткнувшись ему в грудь. Кровь на полу уже начала подсыхать.

Смерть, кровь, слова утешения раненым – как все это было ему знакомо! Только сейчас рядом с ним находились женщина и ребенок, не рвались никакие снаряды, и все вокруг казалось таким мирным и обыденным. В сушилке для посуды аккуратно расставлены тарелки, над духовкой висит полотенце, а противень с пирогом, испеченным Изабель утром, так и продолжал стоять на влажной тряпке, куда она его поставила остудить.

Немного погодя Том спросил:

– Что будем делать с... с ним?

Изабель опустила глаза на остывший комочек у себя в руках.

– Нагрей воды!

Том посмотрел на нее.

– Пожалуйста, нагрей воды.

Не понимая, зачем ей это, но не желая перечить, Том поднялся и разжег огонь в топке водонагревателя. Когда он вернулся, она сказала:

– Налей воды в ванночку. Когда она станет теплой.

– Если ты хочешь помыться, Изз, я отнесу тебя.

– Это не для меня. Я должна помыть его. Потом в комод с бельем есть чистые простыни. Возьми ту, что я вышивала. И принеси ее.

– Изз, любимая, для этого еще будет время. Сейчас самое главное – это ты! Я пойду и свяжусь с материком. Пусть пришлют катер.

– Нет! – Ее голос не допускал никаких возражений. – Нет! Я не хочу здесь никого видеть! По крайней мере сейчас.

– Но, родная, ты же потеряла так много крови! На тебе лица нет! Нужно вызвать доктора и отправить тебя на материк.

– Ванночку, Том. Пожалуйста!

Когда вода нагрелась, Том заполнил ванночку, поставил на пол рядом с Изабель и протянул ей фланелевую тряпку. Опустив ее в воду, она отжала ее и, обмотав палец, стала с величайшей осторожностью протирать личико младенца, убирая с прозрачной кожицы бурые разводы. Младенец продолжал свое молчаливое общение с Богом, не замечая ничего вокруг. Изабель опустила фланель в воду, прополоскала и, отжав, продолжила свое занятие, не спуская глаз с ребенка, будто надеясь, что его веки дрогнут или что крошечные пальчики едва заметно дернутся.

– Изз, – нежно произнес Том, касаясь ее волос, – ты должна меня послушать. Сейчас я приготовлю тебе чай, положу в него

побольше сахара, и ты его выпьешь ради меня. Договорились? Я принесу одеяло и укрою тебя, а сам немного здесь приберусь. Тебе не надо никуда уезжать, но позволь мне тебя полечить. И никаких возражений! Я дам тебе болеутоляющего и других лекарств, и ты их примешь, чтобы сделать мне приятное. – Он говорил мягко и спокойно, будто просто о чем-то рассказывал.

Изабель отрешенно продолжала вытирать тельце. Пуповина и послед по-прежнему лежали рядом на полу. Изабель, похоже, даже не заметила, как Том накинул ей на плечи полотенце. Он вернулся с тазом воды и, опустившись на четвереньки, принялся за уборку.

Изабель опустила в ванночку тельце младенца, стараясь держать его головку над водой. Потом вытерла полотенцем и завернула в чистое вместе с плацентой.

– Том, ты не расстелешь простыню на столе?

Он отодвинул противень с пирогом в сторону и расстелил вышитую простыню, сложив ее вдвое. Изабель передала ему сверток.

– Положи его, – попросила она, и он послушно опустил маленький комочек на стол.

– А теперь мы должны заняться тобой, – сказал Том. – У нас еще осталась горячая вода. Пойдем, тебе надо ополоснуться. Обопрись на меня. Не спеши, вот так. Потихоньку... потихоньку.

С его помощью она добралась до ванны, роняя на пол густые алые капли. Там он уже сам вытирал ей лицо фланелевой тряпкой, время от времени макая ее в воду и споласкивая.

Час спустя Изабель в чистой ночной рубашке и с заплетенной косой легла в постель. Том нежно гладил ее по лицу, пока она в конце концов не уснула, не в силах больше сопротивляться изнеможению и действию таблеток с морфием. Том вернулся на кухню и закончил уборку, после чего замочил грязное белье в корыте. Уже стемнело, и он зажег лампу и, сев за стол, прочитал молитву над маленьким тельцем. Безбрежные просторы и крошечное тельце, вечность и мерный стук часов, обвинявших время в постоянном движении: мир вдруг лишился всякого смысла. Даже в Египте или Франции он не чувствовал внутри такой пустоты. Он видел смерть очень часто. Но на этот раз окружающая тишина, отсутствие предсмертных воплей и разрывов снарядов, казалось, демонстрировали ее безысходность особенно наглядно. Людей, которые расставались с жизнью у него на глазах, оплакивали матери, но родные находились далеко от поля боя, и представить их было невозможно. А видеть ребенка, которого забирают у матери в момент рождения, забирают у единственной женщины в мире, которая была ему дорога, было выше сил Тома. Он посмотрел на тени, которые отбрасывали, как два близнеца, мертвый младенец и пирог, накрытый похожей на саван материей.

– Пока не надо, Том. Я скажу им, когда буду готова, – просила Изабель на следующий день, лежа в кровати.

– Но твои родители – они же захотят все узнать. Они ждут тебя со следующим катером. Они ждут своего внука.

Во взгляде Изабель сквозило отчаяние.

– Вот именно! Они ждут внука, а я его потеряла!

– Но они будут волноваться за тебя, Изз.

– Так зачем их расстраивать? Пожалуйста, Том. Это наше дело. Мое дело! Нам совершенно не нужно извещать об этом весь мир. Пусть они побудут в неведении и мечтах подольше. Я напишу им письмо и отправлю с катером в июне.

– Но до этого еще столько недель!

– Том, я не могу! – На ее рубашку скатилась слеза. – Пусть они порадуются жизни еще несколько недель!

Тогда он поддался на ее уговоры и не стал ничего писать в журнале. Но то было личным делом, касавшимся только их самих. С яликом же такого предлога умолчать о случившемся уже не было.

Том начал писать о пароходе «Манчестер Куин», который прошел мимо острова утром, направляясь в Кейптаун. Затем указал, что море было спокойным, температуру воздуха, и отложил ручку. Завтра! Он расскажет о ялике в журнале завтра, когда телеграфирует о происшествии властям. Он немного засомневался, стоит ли оставлять место для записи, чтобы заполнить его завтра, или лучше пусть все будет выглядеть так, будто ялик прибило позже. Он оставил место, решив, что протелеграфирует завтра, а начальству объяснит, что они были слишком заняты младенцем, чтобы сообщить о случившемся сразу. В журнале будет написана правда, но только чуть позже. Всего на один день. Повернув голову, он увидел свое отражение в стекле, закрывавшем «Извлечения из Закона о Маячной службе 1911 года», и не узнал себя.

– Я вообще-то не мастак по этой части, – сказал Том Изабель после обеда на следующий день. – И никогда им не станешь, если так и будешь стоять. Просто поддержи ее, пока я согрею бутылочку. Ну, смелее! Она не кусается! – заверила Изабель улыбаясь. – Во всяком случае, пока!

Ребенок был маленький, не больше предплечья Тома, но он держал его так, будто у него в руках оказался осьминог.

– Стой спокойно, – распорядилась Изабель, сгибая его руку. – Молодец! Так и держи. А теперь, – она еще раз поправила ему руку, – вы на пару минут останетесь вдвоем. – С этими словами она вышла на кухню.

Впервые в жизни Том оказался один на один с младенцем. Он стоял, вытянувшись по стойке «смирно», в ужасе от того, что может не оправдать доверия. Ребенок заворочался и зашевелил ножками и ручками, чем окончательно смутил его.

– Ну же, не огорчай дядю, – взмолился он, стараясь перехватить малышку поудобнее.

– Не забывай поддерживать головку, – напомнила с кухни Изабель.

Он тут же подсунул под головку ладонь, удивляясь, какой маленькой она была. Малышка снова зашевелилась, и он тихонько покачал ее.

– Ну же, не обижайся, не расстраивай дядю Тома.

Малютка моргнула и заглянула ему в глаза. Том замер, почти физически ощутив боль. Эта кроха приоткрыла ему дверь в мир, познать который ему теперь никогда не суждено.

Изабель вернулась с бутылочкой.

– Держи! – Она вложила ее Тому в руку и показала, как надо подносить соску к губам малышки, чтобы она ухватила ее. Том заворуженно наблюдал, как природа сама подсказывала этой крохе, что нужно делать. Сам факт, что все происходило без малейшего участия с его стороны, наполнял его каким-то трепетным благоговением, какое испытывают люди, сталкиваясь с чем-то, неподвластным их пониманию.

Когда Том ушел на маяк, Изабель отправилась на кухню и занялась ужином, пока ребенок спал. Услышав крик, она поспешила

в детскую и взяла малышку из колыбели. Она капризничала, искала ее грудь и даже принялась сосать тонкую ткань блузки.

– Ах ты, глупышка, не наелась? В книжке доктора Гриффитса говорится, что нельзя перекармливать! Разве что дать самую малость... – Она погрела еще немного молока и поднесла бутылочку к малышке, но она отвернулась, хватаясь пальчиками за теплый сосок, который чувствовала щекой через тонкую ткань.

– Ну же, не надо капризничать, вот бутылочка, – увещевала ее Изабель, но малышка еще больше расплакалась и решительно тыкалась ей в грудь.

Изабель с горечью вспомнила, как ей пришло молоко, и грудь наполнилась тяжестью и болью от того, что некого было кормить. Казалось, природа избрала удивительно жестокий способ напомнить об этом. А теперь эта малышка отчаянно просила ее молока, может, чтобы просто успокоиться, потому что первый голод уже был утолен. В голове у Изабель все смешалось, и под плач ребенка ее захлестнула целая гамма чувств: и горечь потери, и жажда материнства, и неизрасходованная нежность.

– Ах ты, моя любимая, – прошептала она и медленно расстегнула блузку. Через мгновение ребенок приник к груди и довольно зачмокал губами, хотя молока оказалось всего несколько капель.

Они так долго сидели не шевелясь, пока на кухне не появился Том.

– Как... – он осекся, пораженный увиденным.

Изабель подняла на него глаза, в которых одновременно выражался и стыд, и невинность.

– Иначе я никак не могла ее успокоить.

– Но... Ладно... – Том настолько опешил, что не находил слов.

– Она так плакала. И отказывалась от бутылочки...

– Но она же взяла ее до этого. Я сам видел...

– Да, потому что была очень голодна. Может, даже буквально...

Том продолжал смотреть, не зная, что и думать.

– Это же так естественно, Том. Это лучшее, что я могла для нее сделать. Успокойся! – Она протянула ему руку. – Подойди поближе, милый. И улыбнись!

Он взял ее за руку, но было видно, что ему не по себе. И он чувствовал, как внутри нарастала тревога.

В тот вечер глаза у Изабель светились, и такой счастливой Том не видел ее очень давно.

– Подойди и посмотри! – восклицала она. – Правда, прелесть? И колыбелька как раз по размеру! – Она показала на плетеную колыбельку, в которой дитя мирно посапывало. Ее крошечная грудь тихо поднималась и опускалась, словно вторя эху от шума прибоя.

– Как жемчужинка в раковине, правда? – спросил Том.

– Ей не больше трех месяцев.

– Откуда ты знаешь?

– Я посмотрела.

Том удивленно приподнял бровь.

– В пособии доктора Гриффитса. Я вытащила на огороде несколько морковин и реп и потушила остатки баранины. Сегодня мы устроим настоящий пир.

Том, не понимая, в чем дело, нахмурился.

– Мы должны отметить спасение Люси и прочитать молитву за упокой души ее отца.

– Если, конечно, он был ее отцом, – уточнил Том. – А почему «Люси»?

– Ей нужно имя. Люси означает «легкая», и оно ей очень подходит, разве не так?

– Иззи, – он улыбнулся и, погладив ее по волосам, снова стал серьезным, – не нужно принимать все это слишком близко к сердцу. Я не хочу, чтобы ты снова расстраивалась...

В тот вечер на маяке Тому никак не удавалось избавиться от чувства тревоги, и он не понимал его причины. То ли оно было навеяно ожившими призраками прошлого, то ли его мучило нехорошее предчувствие. Спускаясь по узким металлическим ступенькам, он ощущал тяжесть в груди, будто снова проваливался в беспросветную мглу, откуда, как он думал, сумел выбраться.

В тот вечер они ужинали, прислушиваясь к мерному сопению малышки в колыбели. Иногда во сне она издавала какие-то звуки, что неизменно вызывало у Изабель восторженную улыбку.

– Интересно, как сложится ее судьба на материке? – вслух размышляла она. – Неужели ее поместят в приют? Как маленького сына Сары Портер?

В ту же ночь они занимались любовью – в первый раз после преждевременных родов. Изабель показала Тому другой – уверенной в себе и умиротворенной. Потом она поцеловала Тома и сказала:

– Когда придет весна, нам надо посадить розы. Они будут цвести долгие годы, когда нас уже здесь не будет.

– Утром я сообщу на материк о случившемся, – сказал Том, погасив маяк на рассвете. Перламутровые отблески света проникали в окно спальни и ласково касались лица малышки. Она проснулась ночью, и Изабель принесла ее на кровать и уложила между ними. Приложив палец к губам, она кивнула на спящую девочку и поднялась, приглашая Тома на кухню.

– Присядь, любимый, я приготовлю чай, – прошептала она и достала чашки и чайник, стараясь не шуметь. Поставив греть воду, она сказала: – Том, я тут кое о чем думала.

– О чем, Иззи?

– О Люси. Не может быть простым совпадением, что она тут вдруг появилась сразу после... – Заканчивать предложение было излишним. – Мы не можем отправить ее в сиротский приют. – Она повернулась к Тому и взяла его за руки. – Милый, я думаю, что мы должны ее оставить у себя.

– Что такое ты говоришь? Она чудесный ребенок, но чужой! Мы не можем оставить ее!

– А почему нет? Подумай сам. Ну кто, по-твоему, может узнать, что она находится здесь?

– Для начала – Ральф и Блюи, когда появятся через несколько недель.

– Верно, но вчера мне пришла в голову мысль, что им вовсе не обязательно знать, что она не наш ребенок! Всем известно, что я в положении. Просто роды случились раньше, вот и все!

Том опешил:

– Но, Иззи... ты в своем уме? Ты сама понимаешь, о чем говоришь?

– Я говорю о доброте. Вот и все. Любви к ребенку. Я предлагаю, – она сжала его руки, – принять дар, посланный нам свыше.

Сколько мы сами мечтали о ребенке и молились об этом?

Повернувшись к окну, Том, не выдержав, обхватил голову руками и расхохотался, а потом умоляюще их сложил:

– Бога ради, Изабель! Стоит мне сообщить о найденном в яlike мужчине, как рано или поздно станет известно, кто он такой.

И выяснится, что он был с ребенком! Может, не сразу, но правда обязательно выйдет наружу...

– Тогда не надо ничего сообщать.

– Не сообщать?! – Он моментально стал серьезным.

Она потрепала ему волосы.

– Никому ничего не сообщай, милый. Мы не сделали ничего плохого, а только приютили беспомощную малютку. Мы достойно похороним этого мужчину. А ялик... пусть себе плывет дальше.

– Иззи, Иззи! Ты знаешь, что ради тебя я готов на все, но послушай, милая, этот человек, кем бы он ни был и что бы ни сделал, заслуживает другого обращения. Так предписывает закон, если уж на то пошло! А что, если ее мать жива и сейчас с ума сходит от беспокойства и ждет возвращения их обоих?

– Какая женщина позволит себе отпустить от себя такую малютку? Согласись, Том, она наверняка утонула! – Изабель снова сжала его руки. – Я знаю, как много для тебя значат правила и что прошу тебя их нарушить. Но для чего эти правила существуют? Чтобы спасти жизни! Именно это я и предлагаю – спасти эту конкретную жизнь! Она здесь, она нуждается в нас, и мы можем ей помочь! Пожалуйста!

– Иззи, я не могу! Я не имею права! Как ты не понимаешь?

Ее лицо потемнело.

– Как ты можешь быть таким бессердечным? Тебя волнуют только правила, пароходы и этот проклятый маяк!

Эти обвинения Тому уже приходилось слышать, когда обезумевшая от горя после выкидышей Изабель выплескивала все свои страдания на единственного человека на острове. На того, кто упрямо продолжал выполнять свою работу, кто утешал ее как только мог и все свои переживания загонял глубоко внутрь. Он почувствовал, что она находилась на грани срыва, чреватого полной потерей рассудка. Такой он ее еще не видел никогда.

Глава 11

Любопытная чайка устроилась на покрытом водорослями валуне и с интересом наблюдала за действиями Тома, заворачивавшего в парусину мертвое тело, уже начавшее источать тлетворный запах гниения. Определить, кем этот мужчина являлся при жизни, не представлялось возможным. Он был не стар и не молод, худощав и светловолос. На левой щеке небольшой шрам. Интересно, разыскивали его? Любили или ненавидели?

Старые захоронения погибших при кораблекрушении располагались в низине возле самого пляжа. Копая свежую могилу, Том действовал автоматически. Его руки помнили каждое движение: на войне ему часто приходилось выполнять этот скорбный ритуал, который, он надеялся, ему не придется больше повторять.

В первый раз при виде тел, выложенных в ряд и ожидавших предания земле, его вырвало. А потом он привык и даже радовался, если мертвец оказывался худым или с оторванными ногами, потому что перетаскивать такое тело было намного легче. Предать земле, пометить могилу, отдать почести и двинуться дальше. Так все и было. И надеяться, что у мертвеца не будет хватать конечностей. Том похолодел при мысли, что тогда это казалось ему вполне естественным.

Лопата с хрустом входила в песчаную почву. Когда тело было предано земле и могилу увенчал аккуратный холмик, Том решил помолиться за душу бедняги, но вместо этого прошептал:

– Прости мне, Господи, этот грех и другие тоже. И смилуйся над Изабель. Ты знаешь, сколько ей пришлось пережить. И Ты знаешь, как много в ней доброты. Прости нас обоих и смилуйся над нами.

Перекрестившись, он повернулся к ялику и, готовясь столкнуть его в воду, приподнял за нос. Под лучом солнца на днище что-то сверкнуло. Том наклонился разглядеть поближе и увидел, что за шпангоутом застряло что-то блестящее. Со второй или третьей попытки ему удалось освободить из плена холодный и твердый предмет, оказавшийся детской серебряной погремушкой. Она была украшена херувимчиками и благодарно отозвалась нестройным звоном.

Том повертел ее в руках, будто она могла заговорить и рассказать, что случилось с ее владельцами, а потом сунул в карман. Появление на острове столь неожиданной пары могло объясняться сотней разных причин, но Том мог спать спокойно лишь при условии, что версия Изабель верна и ребенок являлся сиротой. Он подсознательно хотел оградить себя от любых сомнений. Устремив взгляд на горизонт, где океан соединялся с небом, как вытянутые для поцелуя губы, он постарался выкинуть из головы все опасения.

Убедившись, что ялик подхватило южное течение, Том вернулся на пляж. Соленый запах черно-зеленых водорослей, гниющих на валунах, вытеснил преследовавший его запах смерти. Из-под доски вылез крошечный красный песчаный краб и, подобравшись боком к колючей мертвой еж-рыбе, стал отрывать от ее брюха кусочки плоти и отправлять их себе в рот. Тома передернуло от отвращения, и он поспешил по тропинке в дом.

– На острове негде спрятаться от ветра. А вот чаек и альбатросов ветер совсем не смущает – видишь, они парят в воздушном потоке, будто оседлали его и отдыхают? – Сидя на веранде, Том указывал младенцу на крупную серебристого цвета птицу, которая, судя по всему, прибыла сюда с какого-то другого острова и теперь неподвижно висела в воздухе, несмотря на резкие порывы сильного ветра. Ребенок, не обратив на жест Тома никакого внимания, продолжал неотрывно смотреть ему в глаза, следя за движениями губ и вникая в низкому тембру голоса. Малышка издала высокий отрывистый звук, похожий на сжатое икание, от которого у Тома невольно защемило сердце. Однако он справился с приливом чувств и продолжал:

– Но вон в той маленькой бухточке есть одно местечко, где часто бывает тихо и спокойно, потому что оно смотрит на север, туда, где лежит мирный и теплый Индийский океан. А Южный океан находится на юге. Он опасный и бурный. От него лучше держаться подальше.

Малютка вытаскивала ручку и ухватила Тома за палец. За ту неделю, что она находилась на острове, он привык к ее покрикиваниям, а тихое посапывание в колыбельке наполняло весь дом ее незримым присутствием, как запах выпечки или аромат цветов. Он с удивлением замечал, что стал прислушиваться, не проснулась ли она утром, или, услышав ночью плач, инстинктивно подходил и брал ее на руки, чтобы успокоить.

– Ты в нее влюбляешься, верно? – спросила Изабель, наблюдавшая за ними с порога. Увидев, как Том нахмурился, она тут же пояснила: – В нее невозможно не влюбиться!

– Она корчит такие забавные рожицы...

– Из тебя выйдет просто замечательный папа!

Том неловко заерзал на стуле.

– И все-таки, Изз, нам следовало обо всем сообщить.

– Посмотри на нее! Разве не видно, как ей с нами хорошо?

– В том-то и дело! И нам вовсе не нужно что-то скрывать! Мы можем сообщить о случившемся и удочерить ее. Еще не поздно, Изз. Мы можем поступить правильно.

– Удочерить ее? – воскликнула Изабель. – Да они никогда не отдадут ребенка на маяк. В этой глуши нет ни доктора, ни школы. Здесь даже нет церкви, что в их глазах еще важнее! И даже если они разрешат ее удочерить, то отдадут какой-нибудь семье в городе. Потом, представь, сколько времени займет оформление! С нами наверняка захотят встретиться и побеседовать. А тебя ни за что для этого не отпустят с острова. А очередной отпуск будет только через полтора года! – Она положила ему руку на плечо. – Я знаю, что мы справимся. Я знаю, что из тебя выйдет замечательный отец. А они ничего этого не знают!

Она долго смотрела на малютку и дотронулась до ее щеки.

– Любовь важнее любых инструкций, Том. Если бы ты сообщил о ялке, она бы уже сейчас находилась в каком-нибудь ужасном приюте. – Изабель накрыла его руку своей. – Наши молитвы были услышаны. Разве можно быть таким неблагодарным и отослать ее обратно?

Подобно тому как привитый черенок начинает бурно развиваться на кусте другого растения, обострившиеся материнские инстинкты Изабель, оказавшиеся не востребуемыми из-за рождения мертвого плода, нашли благодатную почву в лице ребенка, который так нуждался в материнской заботе. Горе после утраты и оторванность от внешнего мира лишь способствовали укреплению особой, всепоглощающей привязанности Изабель к малышке.

Когда вечером того же дня Том вернулся с маяка, Изабель сидела у разожженного впервые за эту осень камина в кресле-качалке, которое он сделал четыре года назад, и кормила ребенка. Она не заметила его, и он молча наблюдал за открывшейся его взору картиной. Все движения Изабель были инстинктивными и такими естественными, что он невольно устыдился своих сомнений. Может, она действительно права. Какое он имел право отбирать ребенка у этой женщины?

В руках Изабель держала молитвенник, в который начала заглядывать все чаще после первого выкидыша. Теперь она читала послеродовые молитвы. «Вот наследие от Господа: дети. Награда от Него – плод чрева...» [6]

На следующий день Изабель стояла с малышом на руках возле Тома и смотрела, как он отсылает сообщение на материк. Хотя он тщательно продумал текст телеграммы, пальцы все равно дрожали. После рождения мертвого ребенка он не знал, как сообщить об этом, но и сейчас ему было не легче.

РЕБЕНОК РОДИЛСЯ РАНЬШЕ ТЧК ОБА НЕ ОЖИДАЛИ ТЧК ИЗABELЬ ЧУВСТВУЕТ НОРМАЛЬНО ТЧК МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ НЕ НУЖНА ТЧК ДЕВОЧКУ НАЗВАЛИ ЛЮСИ ТЧК

Он повернулся к Изабель: – Что-нибудь добавить?

– Вес! Люди всегда спрашивают про вес! – Она вспомнила ребенка Сары Портер. – Напиши – семь фунтов одна унция.

Том удивленно на нее взглянул, поражаясь той легкости, с которой она была готова на ложь. Взявшись за телеграфный ключ, он отстучал цифры.

Когда пришел ответ, он записал его в журнале.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ТЧК ЧУДЕСНАЯ НОВОСТЬ ТЧК ОФИЦИАЛЬНО ЗАФИКСИРОВАЛИ УВЕЛИЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЯНУСА ТЧК РАЛЬФ И БЛЮИ ПЕРЕДАЮТ ПРИВЕТ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ТЧК ДЕДУШКЕ И БАБУШКЕ СООБЩИМ НЕМЕДЛЕННО ТЧК

Том вздохнул и, чувствуя тяжесть в груди, прочитал ответ жене.

На протяжении следующих недель Изабель буквально светилась от счастья. Она перемещалась по дому, все время что-то напевая и не переставая обнимать и целовать Тома. На ее губах постоянно играла улыбка, которой она не могла сдерживать от переполнявшей ее радости. А малышка? Она вела себя мирно и доверчиво: охотно сидела на руках и с удовольствием принимала ласки и поцелуи, которыми ее осыпала Изабель. Укачивая малютку перед сном, Изабель нежно шептала:

– Твоя мамочка здесь, Люси. Здесь, с тобой, и никогда тебя не оставит!

Не было никаких сомнений, что ребенок у них благоденствовал. Он светился здоровьем, а от гладкой кожи исходило сияние, похожее на нимб. В ответ на требование младенца кормиться грудью у Изабель снова появилось молоко. В пособии доктора Гриффитса об этом подробно рассказывалось в разделе под названием «Релактация», и Изабель с удовольствием давала малышке грудь, будто они заключили тайное соглашение.

Что касается Тома, то он стал задерживаться на маяке по утрам, когда уже маяк был погашен. Он находил страницу вахтенного журнала за 27 апреля и долго смотрел на оставленное там пустое место.

Том понимал, что правила не могут предусмотреть нужных действий во всех без исключения ситуациях и могут даже обернуться несчастьем. Но при этом именно наличие правил нередко отличало цивилизацию от дикости, а человека от зверя. Эти правила предписывали не убивать врага, если можно его пленить. Эти правила позволяли санитарам обеих враждующих сторон забирать своих раненых с ничейной земли.

И вопрос для Тома всегда сводился к одному и тому же: имел ли он право отнимать ребенка у Изабель? Если этот ребенок – сирота? Правильно ли отнимать его у женщины, которая в нем души не чает, и отдавать на волю судьбы?

Ночами Тому стало часто сниться, как он тонет и отчаянно барахтается в воде, пытаясь найти хоть какую-то опору. Но такой опоры не находилось, и удержаться на плаву он мог, только уцепившись за хвост наяды, которая утаскивала его в темные воды все дальше и дальше от берега. Он просыпался в холодном поту, с трудом хватая воздух, и видел рядом Изабель, погруженную

Глава 12

– Привет, Ральф! Рад тебя видеть. А где Блюи?

– Здесь! – услышался голос матроса с кормы, заставленной ящиками с фруктами. – Как дела, Том? Рад, что мы приехали?

– Еще бы! У вас всегда найдется заправка, верно? – засмеялся Том, закрепляя швартовы. Старый движок натужно пыхтел, разворачивая судно вдоль пирса и наполняя воздух парами отработанного дизельного топлива. Наступила середина июня, и это был первый приход катера за время появления на острове ребенка семь недель назад.

– Я наладил канатный транспортер, и лебедка тоже в порядке.

– Не гони лошадей, Том! – воскликнул Ральф. – Мы же никуда не опаздываем! Сегодня знаменательный день! Моя Хильда собрала для малышки вагон и маленькую тележку, да плюс подарки от счастливых бабки и деда!

Спрыгнув на пирс, Ральф обнял Тома:

– Поздравляю, сынок! Просто здорово! Особенно после... после всего случившегося.

Блюи последовал его примеру.

– Ты молодец! Мать тоже просила поздравить.

Том отвел взгляд.

– Спасибо! Большое спасибо! Честно, я тронут!

Пока они поднимались по тропинке, наверху показалась Изабель: за ее спиной сушились пеленки, развевавшиеся на ветру, как морские вымпелы. Из-под заколки выбивались пряди только что собранных в пучок волос.

Ральф, здороваясь, протянул ей руки.

– Ну вот, сразу все видно! Ничто так не красит женщину, как появление на свет малышки! Румянец на щеках, волосы блестят – точь-в-точь как у моей Хильды после каждого родов.

Изабель покраснела от комплимента и чмокнула старика в щеку. Потом чмокнула и Блюи, который, смутившись, пробормотал:

– Поздравляю, миссис Шербурн.

– Пойдемте в дом! Чайник вскипел, и я испекла пирог! – пригласила она.

Пока они сидели за выдавшим виды столом, Изабель то и дело поглядывала на малышку, мирно спавшую в плетеной колыбельке.

– В Партагезе ты стала настоящей знаменитостью! Все женщины только о тебе и говорят. Еще бы – родить вот так, без всяких врачей. Правда, для жен фермеров в этом нет ничего необычного. Мэри Линфорд рассказывает, что родила троих без всякой помощи. Но в городе – совсем другое дело! Надеюсь, что от Тома был хоть какой-то прок?

Пара обменялась взглядами. Том уже собирался ответить, но Изабель взяла его за руку и крепко сжала.

– Он был просто замечателен! У меня самый лучший на свете муж! – В ее глазах блеснули слезы.

– Насколько я могу судить, малышка просто красавица! – заметил Блюи. Но из пушистого одеяла выглядывало только крошечное личико в чепчике.

– А нос у нее точно как у Тома, верно? – вставил Ральф.

– Ну... – замялся Том. – Не уверен, что мой нос украсит девочку.

– Понимаю, о чем ты, – хмыкнул Ральф. – А теперь, мой друг мистер Шербурн, мне нужно получить вашу подпись на документах. Думаю, что откладывать на потом не имеет смысла.

Том был рад подняться из-за стола.

– И то верно. Прошу пройти в мой кабинет, капитан Эддикотт, – сказал он. Блюи склонился над малышкой. Она уже не спала, и молодой человек вытащил из колыбельки серебряную погремушку и тихонько ею потряс. Ребенок не сводил с погремушки глаз.

– Какая у тебя красивая игрушка! Прямо как у настоящей принцессы – я никогда не видел такой красоты! На ручке ангелы и вообще! Ангелы для ангелочка! А какое чудесное одеяло...

– Они... – Изабель смешалась, – тут уже были.

Блюи покраснел.

– Ой, извините! Что-то я заболтался... Пойду-ка лучше займусь разгрузкой. Спасибо за пирог. – И он поспешно ретировался на улицу через заднюю дверь.

Янус Июнь 1926 года

Дорогие мама и папа! Господь послал нам настоящего ангела, который изменил всю нашу жизнь. Малышка Люси не просто чудесная маленькая девочка, а само совершенство, в которое нельзя не влюбиться. Она спит и ест хорошо и никогда не создает проблем. Жаль, что вы не можете полюбоваться на нее и поддержать на руках. С каждым новым днем она выглядит чуть иначе, и я понимаю, что, когда вы ее увидите, она уже перестанет быть младенцем и начнет делать первые шаги. А пока нет фотографий, посылаю вам отпечаток ее пяточки, которую для этого пришлось намазать кармином [7]. (На острове приходится быть изобретательным...) Так что любуйтесь этим шедевром на здоровье!

Том – просто замечательный отец. С появлением Люси даже остров и тот преобразился. Сейчас присматривать за ней очень просто: если мне нужно забрать яйца или подоить коз, я кладу ее в корзину и несу с собой. Наверное, когда она начнет ползать, следить, конечно, станет труднее, но это в будущем.

Мне так хочется рассказать о ней побольше – какие красивые у нее волосы и как чудесно она пахнет после ванны. Глаза, как и волосы, у нее темные. Но я не могу быть объективной – она слишком красива, чтобы выразить это словами. Малышка появилась всего несколько недель назад, а уже сейчас я не представляю без нее своей жизни.

Что ж, «бабушка» и «дедушка» (!), мне пора заканчивать, а то судно скоро уедет, и тогда вам придется ждать целых три месяца!

С горячей любовью,

Изабель.

P.S. Я прочитала ваше письмо только сегодня утром. Спасибо за чудесное детское одеяло. А кукла просто прелесть! И книги замечательные! Я постоянно читаю Люси детские стишки, и ей наверняка понравятся новые. P.P.S. Том просит передать

благодарность за свитер. Зимой воздух здесь очень колочий!

Тонкий месяц на темном покрывале неба казался вышитым. Том и Изабель сидели на веранде, а высоко над ними вспыхивал луч маяка. Люси спала на руках у Тома. – Трудно дышать не так, как она, правда? – спросил он, глядя на малышку.

– Ты о чем?

– Как будто действуют какие-то чары. Когда она засыпает, я невольно начинаю дышать в том же ритме. Точно так же, как бросаю все дела, чтобы вовремя зажечь маяк. – И добавил, будто рассуждая вслух: – Меня это даже пугает.

Изабель улыбнулась:

– Это просто любовь, Том. А любви бояться не нужно.

Том поежился. Он уже не представлял себе жизни без Изабель, а теперь и Люси становилась такой же неотъемлемой ее частью. И ему это очень нравилось!

Все, кто работал на маяках в открытом море, знали не понаслышке всю силу его чар и что такое уединение. Эти мерцающие сигнальные огни походили на искры, отлетевшие от жаровни под названием Австралия, и зачастую их свет видело лишь несколько человек. Но именно они спасали материк от изолированности, соединяли с остальным миром, делали морской путь безопасным и позволяли судам преодолевать тысячи миль, чтобы доставить оборудование, книги и ткани в обмен на шерсть, зерно, уголь и золото – обменивать плоды цивилизации на дары природы. Обособленность от внешнего мира обуславливала подчиненность всего и вся – мыслей, времени, ритма жизни – одному-единственному: работе маяка. На острове не раздавалось чужих голосов и не было чужих следов. В своем воображении житель такого острова мог представить себя кем угодно и прожить любую жизнь, а указать ему на реальность просто некому: этого не могут сделать ни чайки, ни свет маяка, ни ветер.

Так и Изабель все больше и больше погружалась в мир божественного благоволения, где Господь отвечал на молитвы, а дети приносились течениями по воле Божьей. Она спрашивала себя и Тома, как можно быть такими счастливыми. Она с трепетом наблюдала, как растет и радуется жизни ее обожаемая дочь. Она млела от восторга, видя, как с каждым новым днем это крошечное создание чему-то училось: вот малышка начала переворачиваться, вот начинала ползать, вот неумело пыталась повторить слова. Постепенно вслед за зимой штормы перемещались на другую половину планеты и уступали место лету с его голубым небом и золотым солнечным диском.

– Пошли-ка с нами! – смеялась Изабель, сажала Люси на бедро и направлялась вслед за Томом по тропинке к пляжу, где они устраивали пикник. Том срывал разные травинки, и Люси их нюхала, жевала кончики и корчила рожицы от незнакомого вкуса. Он собирал маленькие букетики из розового кустарника или показывал блестящую чешую хищного каранкса [8] или голубой макрели, которую поймал на другой стороне острова, где под скалами лежала бездонная пучина океана. В тихие вечера воркующий голос Изабель разносился далеко вокруг: она читала малышке сказку на ночь, а Том в это время что-то чинил в мастерской.

Вышло так, что Люси осталась на острове, а Изабель оказалась для нее чудесной матерью. Каждый вечер она молилась и благодарила Господа за свою семью, здоровье и ниспосланное ей счастье. Ей так хотелось оказаться достойной Его щедрых даров!

Дни сменяли один другой, как набегавшие на берег волны, и в этом крошечном мире время, заполненное трудом, сном и едой, текло незаметно. Убирая уже ставшие ненужными пеленки, Изабель не смогла сдержать слез.

– Кажется, что еще вчера она была такой крохой, – делилась она переживаниями с Томом, аккуратно заворачивая в папиросную бумагу погремушку, куклу-голыша, первые платица и крошечные ботиночки. Совсем как любая другая мать.

Когда месячные не пришли вовремя, Изабель не знала, что и думать. Она уже отчаялась, что сможет снова забеременеть, и вдруг снова затеплилась надежда! Изабель решила, что будет молиться и сообщит Тому не сразу, а немного повременив. Но ей было трудно не мечтать о том, чтобы у Люси появился братик или сестренка. Ее сердце пело от счастья. А потом месячные вернулись, но стали болезненными и нерегулярными. В такие дни ее мучили мигрени, а ночами она просыпалась мокрой от пота. Задержка могла затянуться на несколько месяцев.

– Во время отпуска я обязательно схожу к доктору Самптону. Волноваться нет никаких оснований, – успокаивала она Тома, безропотно снося боли. – Милый, со мной все в полном порядке.

Она любила, любила своего мужа и своего ребенка, и этого было вполне достаточно.

Шли месяцы, в течение которых время отмерялось только обычными для маяка ритуалами: включением двигателя, поднятием вымпела, промывкой емкости для ртути. На стандартные регламентные работы накладывались действовавшие на нервы письменные напоминания бригадира технической службы, что любая поломка испарительных труб может быть вызвана только халатностью смотрителя, а никак не производственным дефектом. Вахтенный журнал перешел с 1926 на 1927 год посередине страницы: в Маячной службе ко всему относились рачительно и оставлять страницу недописанной было бы недопустимым мотовством. Поразмыслив на тему столь неуважительного отношения Службы к Новому году, Том пришел к выводу, что это не случайно, поскольку время как таковое было для нее несущественной категорией. И действительно, вид на бескрайние водные просторы, открывавшийся с галереи 31 декабря, ничем не отличался и 1 января. Он по-прежнему часто находил страницу за 27 апреля 1926 года, и в конце концов журнал стал сам раскрываться на этом самом месте. Изабель много трудилась – огород давал отличный урожай, а дом содержался в образцовом порядке. Она стирала и чинила Тому одежду, готовила его любимые блюда. Люси росла. Маяк продолжал светить. Время шло.

Глава 13

– Скоро ей исполнится год, – сказала Изабель. – Двадцать седьмое апреля не за горами.

Том, убравший напильником ржавчину с петель погнутой металлической двери, отложил инструмент.

– Интересно было бы знать ее настоящий день рождения.

– Меня вполне устраивает день, когда она появилась здесь. – Изабель поцеловала Люси, сидевшую у нее на бедре и увлеченно грызшую хлебную корку. Люси потянулась к Тому.

– Извини, малышка. У меня руки грязные. Побудь пока с мамой.

– Не могу поверить, как она выросла. Она уже весит целую тонну! – засмеялась Изабель и посадила ее повыше на бедро. – Я

испеклу торт ко дню рождения. – В ответ Люси уткнулась ей в грудь и обсюнявила крошками. – Беспокоит зубик, моя радость? Смотри, как у тебя горят щеки. Пойдем помажем больное место. – Она повернулась к Тому: – Скоро увидимся, дорогой. Мне надо в дом. У меня там суп варится. – С этими словами она вышла.

Тусклый свет, пробивавшийся в окно, падал на верстак. Том молотком выправлял вмятину на двери, и каждый удар гулко разносился по всей мастерской. Хотя он понимал, что бить с такой силой необходимости не было, но остановиться не мог. Разговоры о днях рождения и юбилеях всегда выбивали его из колеи. Том снова принялся колотить со всей силы и бил до тех пор, пока боек не соскочил с рукоятки. Он поднял его и долго бездумно на него смотрел.

Том, сидя в кресле, поднял глаза. Со «дня рождения» Люси прошло несколько недель. – Ей совершенно не важно, что именно ей читают, – сказала Изабель. – Для нее главное – привыкать к звучанию новых слов. – Она пересаживала Люси ему на колени и пошла на кухню выпекать хлеб.

– Дададада, – произнесла Люси.

– Бубубубу, – отозвался Том. – Ладно, хочешь послушать?

Маленькая ручка потянулась к столу, но показала не на толстую книгу сказок, а, ухватив бежевую брошюру, сунула ему. Том засмеялся:

– Вряд ли тебе понравится эта книжка, зайчонок. Во-первых, там нет никаких картинок. – Он потянулся за сказками, но Люси снова ткнула ему в лицо брошюру:

– Дададада!

– Ну, если ты настаиваешь, – снова засмеялся он.

Девочка открыла книжку и ткнула пальчиком в строчку, как это делали Том и Изабель.

– Ладно, – начал Том. – «Наставление зрителям маяков. Положение двадцать девятое. Зритель маяка никогда не должен допускать, чтобы какие бы то ни было обстоятельства, как личного, так и иного характера, препятствовали выполнению им своих прямых обязанностей по обеспечению безопасности судоходства. Зритель маяка должен постоянно помнить, что сохранение за ним рабочего места, равно как и продвижение по службе, зависит от строгого подчинения приказам, неукоснительного соблюдения установленных для него правил, прилежания, трезвости, поддержания надлежащего порядка в отношении себя, своей семьи, а также вверенного его попечению маячного оборудования и помещений. Положение тридцатое. Недостойное поведение, буйность нрава, невоздержанность в принятии спиртного, – он сделал паузу, чтобы убрать руку Люси, которая залезла пальчиками ему в нос, – повлечет за собой применение к виновному наказания или его увольнение. Совершение аналогичных проступков любым членом семьи зрителя маяка может повлечь за собой его удаление с территории маячной станции». – Том перестал читать, чувствуя, что по коже пробежали мурашки и сердце тревожно забилося. К действительности его вернула крошечная ладошка, ухватившая Тома за подбородок. Он машинально прижал ее к губам. Люси широко заулыбалась и тоже наградила его поцелуем.

– Давай-ка лучше почитаем «Спящую красавицу», – предложил Том и взял толстую книгу сказок, однако мысли его были далеко.

– Итак, леди, вот вам чай и тосты в постель! – сказал Том, ставя поднос рядом с Изабель. – Осторожно, Люси, – предупредила Изабель.

В воскресенье, когда Том отправился выключить маяк, она принесла малышку в кровать, и теперь Люси ползла к подносу, чтобы добраться до своей маленькой чашки, в которую Том налил теплого молока, чуть подкрасив чаем.

Том присел возле Изабель и посадил Люси себе на колени.

– Вот так, Лулу, – сказал он и помог ей ухватить чашку обеими руками и начать пить. Он так увлекся этим занятием, что не сразу обратил внимание на затянувшееся молчание Изабель, и, повернувшись, заметил на ее глазах слезы.

– Иззи, Иззи, что случилось, родная?

– Все в порядке, Том, все в порядке.

Он вытер с ее щеки слезу.

– Иногда я так счастлива, Том, что мне становится страшно.

Он погладил ее по волосам, а Люси тем временем начала пускать пузыри в чашке.

– Послушай, принцесса, ты будешь пить или больше не хочешь?

Люси продолжала блаженно пускать в чашке пузыри, явно радуясь извлекаемым при этом звукам.

– Ладно, думаю, что тебе хватит. – Он забрал у нее чашку, и она ответила тем, что переползла с его колен к Изабель, продолжая по дороге пускать пузырящиеся слюни.

– Потрясающе! Иди-ка сюда, маленькая обезьянка! – рассмеялась Изабель сквозь слезы и, зарывшись носом ей в животик, фыркнула.

Люси хихикнула, выгнулась и, подставив пузико, потребовала:

– Щё! Щё!

Изабель не могла отказать.

– Вы обе друг друга стоите! – заметил Том.

– Знаешь, у меня иногда, как у пьяной, даже голова кружится от любви к ней. И к тебе. Мне кажется, меня бы точно качало, если бы попросили пройти по прямой.

– На Янусе нет прямых дорог, так что об этом можно не беспокоиться, – успокоил ее Том.

– Не смейся, Том. У меня такое чувство, будто до появления Люси я не различала цветов, а сейчас мир расцвел такими чудесными красками! Он стал ярче, светлее, и я вижу лучше. Я нахожусь в том же самом месте, птицы те же самые, вода тоже, солнце всходит и садится, как и раньше, но я никогда не знала, зачем все это, Том. – Она прижала к себе Люси. – А теперь знаю. Это все для нее... И ты тоже изменился.

– Как?

– Мне кажется, в тебе было нечто, о чем ты и сам не подозревал, пока не появилась Люси. Как будто часть твоего сердца онемела. – Она провела пальцем по его губам. – Я знаю, ты не любишь говорить о войне, но наверняка это она во всем виновата.

– Там немели ноги! Ты представить себе не можешь, как они коченели, когда месили грязь! – Том с трудом выдавил из себя улыбку, попытавшись обратить все в шутку.

– Перестань, Том! Я говорю с тобой серьезно, а ты пытаешься отгородиться от меня дурацкой шуткой, будто я несмышленый ребенок, который все равно ничего не поймет и которому незачем знать правду!

Теперь Том больше не пытался шутить.

– Ты не понимаешь, Изабель. Как и не должен понимать любой нормальный и цивилизованный человек. А рассказывать об этом – все равно что заражать здоровых людей смертельной болезнью. – Он отвернулся к окну. – Я делал то, что делал, чтобы такие, как вы с Люси, никогда с этим не сталкивались. Чтобы такое никогда не повторилось. Помнишь призыв «объявить войну, чтобы положить конец всем войнам» [9]? Войне нечего делать на этом острове! И ей нечего делать в нашей семье!

На скулах Тома заходили желваки, и на лице отразилась такая решимость, о существовании которой Изабель даже не подозревала. Наверное, она и помогла ему выжить.

– Я просто... – начала Изабель, но сбилась. – Никому не ведомо, сколько времени ему отпущено Господом – год или сто лет. Я просто хотела, чтобы ты знал, Том, как сильно я тебе благодарна. Благодарна за все! А особенно за Люси!

При последних словах улыбка, тронувшая губы Тома, застыла, и Изабель поспешила продолжить:

– Это правда, милый! Ты чувствовал, как сильно она мне нужна, и я понимаю, чего тебе это стоило, Том. Немногие мужья способны на такое ради своих жен!

Том почувствовал, как вспотели ладони. Сердце бешено заколотилось, призывая бежать со всех ног – не важно куда, лишь бы подальше от решения, которое он принял и которое душило его, как железный ошейник.

– Мне пора на работу. А вы оставайтесь и не торопитесь с завтраком, – сказал он и вышел из комнаты, заставляя себя двигаться как можно медленнее.

Глава 14

Перед самым Рождеством 1927 года второй трехгодичный срок Тома подошел к концу, и их семья отправилась в Партагез, а на время отпуска на маяк прибыл сменщик. Второй отпуск семьи и первая поездка на материк Люси. Готовясь к прибытию катера, Изабель подумывала, не найдется ли благовидного предлога никуда не уезжать с острова, где им с Люси было так хорошо и спокойно.

– С тобой все в порядке, Изз? – спросил Том, застав ее в спальне отрешенно смотрящей в окно. На кровати лежал раскрытый чемодан.

– Да, – быстро ответила она. – Просто вспоминала, не забыла ли чего.

Он уже собрался уходить, но, подумав, подошел поближе и положил ей на плечо руку.

– Нервничаешь?

Она скатала пару носков в шарик и сунула в чемодан.

– Нет, ну что ты! Тебе показалось.

Мучившие ее сомнения, которые она пыталась скрыть от Тома, моментально улетучились при виде Люси на руках у своей матери, пришедшей с отцом встречать катер. Виолетта счастливо улыбалась, смеясь и плача одновременно.

– Наконец-то! – Она качала головой, не в силах справиться с нахлынувшими на нее чувствами, и не могла наглядеться на малышку, трогая ее лицо, волосы, ручки. – Моя драгоценная внучка! Целых два года я не могла дожждаться, когда же наконец увижу тебя! Да ты просто вылитая тетушка Клем!

Изабель месяцами готовила Люси к предстоящей поездке.

– В Партагезе, Люси, очень и очень много людей. И ты им всем обязательно понравишься. Сначала тебе будет странно их видеть, но бояться не надо. – А перед сном она рассказывала ей о жизни в городе и его жителях.

Для Люси такое количество людей вокруг было удивительным. Теплые поздравления, на которые не скупилась все окружающие, нередко отдавались в сердце Изабель болью. Даже старая миссис Мьюитт, встретившая их в лавке галантерейщика, где покупала сетку для волос, пощекотала Люси под подбородком и со вздохом заметила:

– Какие же эти крохи милые! Настоящее чудо Господне!

Изабель даже не поверила своим ушам.

Виолетта сразу же организовала семейный поход в фотоателье Гутчера. На фоне полотна с папоротниками и греческими колоннами Люси сфотографировали с Томом и Изабель, с Биллом и Виолеттой и одну – сидящей на высоком плетеном стуле. Заказали несколько комплектов фотографий, чтобы отвезти на Янус, отправить родственникам за границу и поставить в рамках на каминной доске и пианино.

– Три поколения женщин Грейсмарков, – радовалась Виолетта, разглядывая снимок, где Люси сидела у нее на коленях, а рядом стояла Изабель.

Видя, как родители души не чают во внучке, Изабель не могла удержаться от мысли, что Господь никогда не совершает ошибок. Он выбрал для малышки самую лучшую семью.

– О, Билл! – сказала Виолетта мужу, когда приехала их дочь с семьей. – Слава Богу! Слава Богу... Она видела Изабель три года назад во время первого отпуска, когда она еще не отошла после второго выкидыша. Изабель тогда уткнулась ей носом в подол и горько плакала.

– С природой не поспоришь, нужно просто набраться терпения и не сдаваться. Дети непременно появятся, если Господь того пожелает. И молись. Молитвы ничто не заменит, – успокаивала она дочь.

Она не сказала Изабель всей правды. Не сказала, как часто, несмотря на иссушающую летнюю жару и зимнюю стужу, детей благополучно вынашивали и рожали, а потом они умирали от скарлатины или дифтерита, а их одежда аккуратно складывалась, чтобы послужить младшим братьям или сестрам. Не сказала, как трудно бывает ответить на обычный вопрос о количестве детей. Благополучные роды – лишь первый шаг на долгом и полном опасностей пути. Виолетта знала это не понаслышке – ее собственный дом посетило горе несколько лет назад.

Добропорядочная и надежная Виолетта Грейсмарк – верная жена почтенного мужа. В ее доме всегда царил идеальный порядок: в шкафах не заводилось моли, а на клумбах не было места сорнякам. Она аккуратно обрезала с кустов роз все увядшие соцветия, что позволяло новым бутонам распускаться и радовать глаз даже в августе. Ее лимонная паста [10] продавалась

первой на церковной ярмарке, а для книги рецептов местной отделения Ассоциации женщин Австралии был выбран именно ее рецепт фруктового пирога. Да, в своих вечерних молитвах она постоянно благодарила Господа за Его милосердие, но иногда, когда сумерки окрашивали в серый цвет яркую зелень сада, ее душу переполняли невыразимая боль и печаль.

Видя, как убивается Изабель, Виолетта едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться вместе с ней и не рассказать, что как никто другой понимает всю горечь понесенной утраты, возместить которую не способно ничто, и эта боль никогда не стихнет. Ей хотелось рассказать дочери, как она в молитвах предлагала Богу любую жертву, лишь бы вернуть своего ребенка к жизни. Когда Изабель наконец уснула, а Билл задремал у догорающего камина, Виолетта достала из шкафа старую жестяную коробку из-под печенья. Покопавшись внутри, она отодвинула в сторону несколько монет, маленькое зеркальце, часы и кошелек и вытащила потрепанный конверт со стершимися от частого открывания углами. Потом села на кровать и под желтым светом лампы принялась читать написанные неровным почерком строчки, хотя знала содержимое наизусть.

Дорогая миссис Грейсмарк! Надеюсь, Вы простите, что я решилась написать это письмо, ведь мы не знакомы. Меня зовут Бетси Парментер, и я живу в Кенте.

Две недели назад я навещала своего сына Фреда, которого привезли на лечение с фронта после тяжелого ранения. Он лежал в 1-м военном госпитале в Стоурбридже, а у меня там неподалеку живет сестра, поэтому я могла навещать его каждый день.

Так вот, однажды после обеда туда доставили раненого австралийского солдата, который, как я понимаю, был Вашим сыном Хью. Его состояние было очень тяжелым – сейчас Вам наверняка уже известно, что он ослеп и потерял руку. Но говорить, хоть и с трудом, он мог и очень тепло отзывался о своих родных в Австралии. Он был очень смелым юношей. Я видела его каждый день, и был даже момент, когда появилась надежда на выздоровление. Но потом наступило заражение крови, и он скончался.

Я приносила ему цветы (как раз расцвели ранние тюльпаны, а они такие красивые) и сигареты. Мне кажется, они с моим сыном Фредом даже подружились. Я угощала его фруктовым пирогом, и было очень трогательно видеть, с каким удовольствием он его ел. Я была с ним рядом в то утро, когда он стал отходить, и мы вдвоем прочитали «Отче наш», а потом вместе пропели «Пребудь со мной». Врачи облегчили ему боль, как смогли, и мне кажется, он не очень страдал. Затем пришел викарий и причастил его.

Я хочу, чтобы Вы знали, как все мы благодарны Вашему сыну за проявленное мужество и принесенную великую жертву. Он говорил, что у него есть брат Элфи, и я молю Господа, чтобы он вернулся домой живым и невредимым.

Вы уж простите, что я написала не сразу, но через неделю после Вашего мальчика мой Фред тоже скончался, и было много всяких хлопот.

*С наилучшими пожеланиями и молитвами,
(Миссис) Бетси Парментер.*

Виолетта тогда еще подумала, что Хью наверняка видел тюльпаны только на картинках, и мысль, что он мог потрогать цветок, приносила ей странное утешение. Интересно, есть ли у тюльпанов запах. Она помнила, с каким печальным и даже виноватым видом почтальон вручил ей две недели спустя сверток на имя Билла, завернутый в коричневую бумагу и перевязанный бечевкой. Виолетта была в таком подавленном состоянии, что даже не обратила внимания на надпись – в этом не было никакой необходимости. Сколько женщин получали такие посылки со скудным содержимым, составлявшим всю жизнь их сыновей! В сопроводительном письме из Мельбурна говорилось:

Дорогой сэр! Переправляю Вам заказной бандеролью личные вещи покойного Грейсмарка, рядового 28-го батальона, личный номер 4497, полученные согласно описи.

Буду признателен, если Вы подтвердите получение своей подписью на прилагаемой квитанции.

*Искренне Ваш,
майор Дж. М. Джонсон,
дежурный офицер архивного управления.*

На отдельном бланке с адресом «110, Грейхаунд-роуд, Фулхэм, Лондон» была опись прилагаемых вещей. Виолетта машинально скользнула по ней глазами и удивилась. Там значились: «зеркальце для бритвы, ремень, три пенса, наручные часы с кожаным ремешком, губная гармоника». Как странно, что в личных вещах Хью оказалась губная гармоника Элфи. Потом еще раз перечитала опись, бланки, письмо и надпись на бандероли, но уже более внимательно. А.Г. Грейсмарк, а не Х.А. Грейсмарк. Альфред Генри, а не Хью Альберт! Она рванулась к мужу с криком: – Билл! Боже, Билл! Тут какая-то чудовищная ошибка! В результате Грейсмарки стали наводить справки и, засыпав запросами военное ведомство, выяснили, что Элфи погиб через день после Хью, едва прибыв во Францию. Братья были зачислены в один и тот же полк и гордились тем, что их личные номера отличались всего на единицу. Связист, лично видевший, как Хью отправили на носилках в госпиталь, не стал сообщать, что А.Г. Грейсмарк пал смертью храбрых на поле боя, решив, что по ошибке в донесении вместо Х.А. Грейсмарка был указан А.Г. Грейсмарк. Вот почему Виолетта, получив посылку, означавшую смерть своего второго сына, не поверила этому и решила, что в неразберихе военных действий наверняка все перепутали.

Во время предыдущего приезда Изабель отчетливо вспомнила то жуткое отчаяние, которым заполнился их дом после смерти братьев и каким ударом эта потеря оказалась для матери. Четырнадцатилетняя Изабель пыталась найти в словарях слово, которым описывают горе родителей, потерявших детей. Ей было известно, что жену, у которой умирает муж, называют особым словом «вдова», и точно так же мужа в случае потери жены называют «вдовцом». Но для родителей, переживших детей, никакого особого слова не существовало. Они продолжали оставаться родителями, даже если их сына или дочери больше не было в живых. Просто удивительно! А она сама? Оставалась ли она по-прежнему сестрой, если ее любимые братья погибли?

Как будто снаряд, выпущенный где-то на фронте в далекой Франции, разорвался у них в доме и оставил зияющую воронку, которую никогда не удастся засыпать землей. Виолетта проводила целые дни в комнатах сыновей, наводя там порядок и начищая серебряные рамки с их фотографиями. Билл замкнулся в себе и стал нелюдимым. О чем бы Изабель его ни спросила, он или не отвечал, или просто выходил из комнаты. И тогда Изабель дала себе обещание никогда не доставлять родителям неприятностей или огорчений. Она была их «утешительным призом» – единственным, что у них осталось в жизни после гибели братьев.

А теперь слезы умиления на глазах родителей лишний раз подтвердили Изабель правильность решения оставить у себя Люси. Этот ребенок нес с собой исцеление, наполняя смыслом не только их с Томом жизни, но и двух других людей, уже

потерявших всякую надежду его обрести.

За рождественским ужином Билл Грейсмарк произнес молитву и сдавленным голосом от переполнявших его чувств поблагодарил Господа за ниспосланный им всем дар в лице Люси. А позже на кухне Виолетта сказала Тому по секрету, что, узнав о рождении Люси, ее муж буквально преобразился.

— Это настоящее чудо! Как будто в него вдохнули новую жизнь!

Она посмотрела в окно и остановила взгляд на кусте роз.

— Для Билла гибель Хью явилась страшным ударом, а сообщение о смерти Элфи его окончательно добило. Он долго отказывался в это верить. Такого просто не может быть! Он долгие месяцы переписывался с самыми разными инстанциями, пытаясь доказать, что это какая-то ошибка. Я даже гордилась им, видя, как он отказывается смириться и не опускает руки. Но вокруг было немало семей, которые получали больше, чем одну похоронку. Я знала, что это правда. Однако со временем его убежденность в ошибке начала угасать и он впал в глубочайшую депрессию. Однако сейчас, — она подняла глаза и улыбнулась, будто до сих пор изумляясь случившемуся, — он снова стал прежним, и все это благодаря Люси. Я уверена, что для него ваша дочурка значит ничуть не меньше, чем для тебя. Она вернула его к жизни. — Виолетта потянулась к Тому и поцеловала его в щеку. — Спасибо!

Пока женщины мыли посуду после ужина, Том устроился на травке в саду, а Люси, только начавшая ходить и еще неуверенно державшаяся на ногах, кружила вокруг него и время от времени утыкалась ему в щеку и целовала.

— Вот спасибо! Только смотри не съешь меня! — приговаривал Том с улыбкой, а она вопросительно заглядывала ему в глаза, чтобы он еще раз прижал ее к себе и пощекотал.

— А-а! Настоящий отец! — послышался сзади голос, и Том, обернувшись, увидел приближавшегося тестя. — Я решил посмотреть, не нужна ли вам помощь. Ви всегда утверждала, что у меня есть дар находить общий язык с нашими детишками. — При последних словах по его лицу пробежала тень, но он быстро оправился и протянул руки: — Ну, подойди к дедушке! И подергай его за усы! Ах ты, моя маленькая принцесса!

Люси, качаясь, сделала несколько неуверенных шагов навстречу и вытянула руки.

— Вот так! — произнес Билл, подхватывая ее. Люси вытянула из жилетного кармана часы.

— Хочешь посмотреть время? Опять? — засмеялся он и открыл крышку, показывая ей циферблат. Она тут же ее закрыла и требовательно протянула Биллу, чтобы он снова открыл.

— Знаешь, Виолетта очень переживает, — произнес Билл, обращаясь к Тому, который поднялся и стряхнул с брюк налипшие травинки.

— А что такое?

— Она очень скучает по Изабель, а теперь еще добавится и эта малышка... — Он помолчал. — Разве ты не можешь найти работу в нашем городе?.. У тебя же, в конце концов, есть университетский диплом...

Том помялся, переступая с ноги на ногу.

— Да, я знаю поговорку, что смотритель маяка — это диагноз.

— Есть такое, — подтвердил Том.

— И это соответствует действительности?

— В какой-то степени.

— Но ты мог бы оставить эту работу? Если бы захотел?

Том ответил не сразу.

— Билл, при желании мужчина может оставить даже жену, только хорошего в этом ничего нет.

Тесть не сводил с него глаз.

— Вряд ли будет честным пройти подготовку, набраться опыта, а потом развернуться и уйти. И потом, к этому привыкаешь. — Том посмотрел на небо, подбирая слова. — Там мой мир. И Изабель нравится на маяке.

Люси протянула к Тому руки, и он привычным движением отправил ее к себе на бедро.

— Береги моих девочек! Больше я ни о чем не прошу.

— Обязательно! Обещаю!

В Партагезе самым важным событием в День рождественских подарков [11] была Церковная ярмарка — праздник, на который съезжались не только горожане, но и фермеры со всей округи. Этот день с давних пор был выбран для благотворительных акций кем-то явно с коммерческой жилкой: люди не могли уклониться от участия под предлогом занятости, да и само Рождество вынуждало их проявить щедрость. Помимо продажи выпечки, конфет и банок с вареньем, которые время от времени взрывались под лучами палящего солнца, в этот день устраивались различные состязания, среди которых особое место занимали забеги с яйцом на ложке, «бег на трех ногах» [12] и бег в мешках. По-прежнему пользовалось популярностью сшибание кокосовых орехов, а вот тирсы после войны исчезли: вернувшиеся с фронта солдаты стреляли слишком хорошо — и владельцы тиров прогорали.

Праздничные мероприятия устраивались для всех, и семьи проводили там целый день, поскольку увильнуть считалось неприличным. За шесть пенсов можно было купить порцию пирожков или сосисок, которые жарились на решетке прямо на месте.

Том с Изабель и Люси устроились на одеяле в тенике и угощались сосисками в тесте. Свою порцию Люси разобрала на части и разложила по всей тарелке, стоявшей рядом.

— Мои братья умели отлично бегать, — сказала Изабель. — Даже выигрывали гонку «на трех ногах». А у мамы, кажется, до сих пор хранится кубок, который я выиграла за бег в мешках.

— Не знал, что женат на чемпионке, — улыбнулся Том.

Изабель шутливо ударила его по руке.

— Я просто делилась с тобой семейными преданиями Грейсмарков.

Том стал помогать Люси, увидев, что она разложила еду по самым краям тарелки, и в это время к ним подошел мальчик со значком распорядителя. Достав блокнот с ручкой, он поинтересовался:

— Извините, это ваш ребенок?

От неожиданного вопроса Том вздрогнул.

– Прошу прощения?

– Я спросил, ваш ли это ребенок.

Том пробурчал нечто невразумительное.

Мальчик повернулся к Изабель:

– Это ваш ребенок, миссис?

Изабель на мгновение нахмурилась и, сообразив в чем дело, медленно кивнула.

– Набираете участников для забега отцов?

– Именно. – Мальчик приготовился записать и обратился к Тому: – Как пишется ваша фамилия?

Том повернулся к Изабель, но она была совершенно спокойна и шутливо заметила:

– Если ты забыл, я могу напомнить.

Не дождавшись понимания со стороны Изабель, Том наконец произнес:

– Я не особенно силен в беге.

– Но все отцы участвуют! – возразил мальчик, и было видно, что он впервые сталкивается с отказом.

– Я даже отборочный забег не осилю! – заявил Том, тщательно подбирая слова.

Мальчик отправился на поиски других участников, а Изабель повернулась к малышке и весело произнесла:

– Не расстраивайся, Люси. Я буду участвовать в забеге мам! По крайней мере хоть один из твоих родителей не постесняется ради тебя повеселить публику.

Но Том в ответ не улыбнулся.

Пока Изабель одевалась за ширмой, доктор Самптон вымыл руки. Она выполнила свое обещание Тому показаться врачу во время отпуска. – Строго говоря, ничего страшного, – заверил он.

– Ну? Что со мной? Я больна?

– Вовсе нет. Это просто перестройка организма, – ответил доктор, записывая что-то в карте. – Вам повезло, что у вас уже есть ребенок, а то у некоторых женщин подобное наступает еще до родов. Что же до других симптомов, то надо просто набраться сил и перетерпеть. Они исчезнут примерно через год. Такое бывает. – Он весело улыбнулся. – А потом наступят чудесные времена и никаких проблем с месячными! Знаете, сколько женщин вам бы позавидовали?!

Возвращаясь в родительский дом, Изабель успокаивала себя и уговаривала не плакать. У нее была Люси, у нее был Том, а сколько женщин навсегда потеряли любимых? Разве можно быть такой неблагодарной?

Через несколько дней Том подписал контракт еще на три года. Для оформления всех необходимых бумаг из Фримантла приехал чиновник, который самым тщательным образом сравнил почерк и подпись Тома с документами трехгодичной давности. При малейших признаках дрожания рук новый контракт с Томом заключать бы не стали. Спострадали от хронического отравления ртутью, и выявление меркуриализма на ранней стадии, когда он проявлялся через тремор пальцев, позволяло избежать срочной эвакуации зрителя, который к концу срока мог запросто лишиться рассудка.

Глава 15

Крестины Люси, запланированные на первую неделю отпуска, были отложены из-за продолжительного «недомогания» преподобного Норкеллса. В конце концов они состоялись за день до возвращения на Янус в начале января. В тот жаркий день Ральф и Хильда отправились в церковь вместе с Томом и Изабель. Единственным укрытием от палящих лучей солнца была тень от эвкалиптов, росших возле кладбища.

– Будем надеяться, что Норкеллс вышел из запоя, – произнес Ральф.

– Ральф! Как не стыдно! – возмутилась Хильда и, чтобы переменить тему, показала на новую гранитную плиту в нескольких футах от деревьев. – Просто ужасно!

– Ты о чем, Хильда? – не поняла Изабель.

– Бедная малютка со своим отцом. Они утонули. По крайней мере теперь хоть памятник есть.

Изабель замерла. Она испугалась, что вот-вот лишится чувств: сначала все звуки вдруг исчезли, а потом неожиданно обрушились на нее с удвоенной силой. Она с трудом вчиталась в золотые буквы, выбитые на камне: «Светлой памяти Франца Иоганна Ронфельдта, любимого мужа Ханны, и их обожаемой дочери Грейс-Эллен. Да пребудет с ними Господь». А под этим другая надпись: «Zelig zind die da Leid tragen» [13]. У камня лежали свежие цветы: судя по жаре, их принесли не больше часа назад.

– А что случилось? – с замиранием сердца спросила Изабель, чувствуя, как по телу бегут мурашки.

– Просто ужас! – заметил Ральф, качая головой. – Это Ханна Поттс!

Изабель сразу поняла, о ком шла речь.

– Дочь Септимуса Поттса, или Денежного Мешка, как все его называют. Богаче его в округе никого нет. Он приехал сюда из Лондона полвека назад. Круглый сирота без пенса за душой. Сколотил состояние на древесине. Жена умерла, оставив его с двумя маленькими дочерьми. Как зовут вторую, Хильда?

– Гвен. Ханна – старшая. Обе учились в частной школе-интернате в Перте.

– А несколько лет назад Ханна вернулась и вышла замуж за боша. Старик после этого перестал с ней общаться. И лишил денег. Они жили в развалюхе подле насосной станции. А после рождения ребенка старик смягчился. Так вот, в День памяти [14] пару лет назад случилась ссора...

– Ральф, не сейчас. – Хильда многозначительно посмотрела на него.

– Я просто рассказывал...

– Тут не время и не место! – Она повернулась к Изабель: – В общем, между Фрэнком Ронфельдтом и местными ребятами случился конфликт, и Фрэнк с младенцем бежал в ялик. Они... короче, ребята стали его задирать, потому что он был немцем. Или наполовину немцем. Так что не надо вспоминать об этом в день крещения. Что было, то было.

Изабель, слушая рассказ, буквально онемела и даже начала задыхаться.

– Да, я знаю, – кивнула Хильда с пониманием. – Дальше было еще хуже...

Том выразительно смотрел на Изабель широко открытыми глазами – над верхней губой у него проступили капельки пота. Сердце билось так громко, что он удивлялся, как другие этого не слышат.

– Парень не был моряком, – продолжил Ральф. – И, похоже, с детства имел большое сердце, так что справиться с течением не смог. А потом разыгрался шторм, и с тех пор их никто не видел. Наверное, утонули. Старик Поттс назначил награду в тысячу гиней за любую информацию. Подумать только – целую тысячу гиней! – Он сокрушенно покачал головой. – Да за такие деньги их бы разыскивали даже на том свете, если бы могли. Я и сам подумывал отправиться на поиски. Причем я отнюдь не любитель бошей, но малышка... Ей было-то всего пара месяцев. Разве она в чем-то виновата? Такая кроха!

– Бедняжка Ханна так и не смогла оправиться, – вздохнула Хильда. – Несколько месяцев назад отцу удалось уговорить ее поставить здесь памятник. – Она помолчала и надела перчатки. – Просто удивительно, как бывает в жизни. Она родилась в сказочном богатстве, окончила Сиднейский университет, вышла замуж по любви, а теперь на нее смотреть больно: ходит как неприкаянная, будто нет своего дома.

Изабель бил озноб – цветы у надгробия немим укором напоминали о том, что у Люси была настоящая мать. Чувствуя, как из-под ног уходит земля, она прислонилась к дереву.

– С тобой все в порядке, дорогая? – встревожилась Хильда, видя, как Изабель изменилась в лице.

– Да. Это из-за жары. Сейчас все пройдет.

Тяжелые деревянные двери распахнулись, и на пороге показался викарий.

– Ну что, все готовы к церемонии? – спросил он, шурясь на солнце.

– Мы должны все рассказать! Прямо сейчас! Отмени крещение... – Том тихо и настойчиво уговаривал Изабель, пока они стояли в ризнице, а Билл и Виолетта показывали внучку собравшимся гостям. – Том, мы не можем. – Она задыхалась, а на лице не было ни кровинки. – Слишком поздно!

– Нужно все исправить! И рассказать людям! Прямо сейчас!

– Мы не можем! – Еще чувствуя головокружение, она с трудом подбирала нужные слова. – Мы не можем так поступить с Люси! Мы единственные родители, которых она знала. И что мы скажем? Что неожиданно вспомнили, что ребенок не мой? – Она похолодела. – А как насчет тела мужчины? Все зашло слишком далеко.

Изабель чувствовала, что самое главное сейчас – это выиграть время. Потрясение и страх парализовали ее способность соображать. Она изо всех сил старалась говорить спокойно.

– Мы поговорим об этом позже. А сейчас надо пройти обряд крещения.

По ее лицу скользнул луч солнца, и Том увидел в ее бирюзовых глазах непередаваемый ужас. Она шагнула ему навстречу, и он невольно отшатнулся, будто от прокаженной.

Послышались громкие шаги викария, перекрывавшие приглушенные голоса гостей. Том поднял голову. «И в болезни, и в здравии. И в горе, и в радости». Слова, произнесенные на их бракосочетании в этой же самой церкви, били в голову набатом.

– Все готово! – сияя, известил викарий. – Был ли до этого крещен ребенок? – начал преподобный Норкеллс.

– Нет, – дружно ответили собравшиеся. Рядом с Томом и Изабель стояли Ральф и кузина Изабель Фреда, которых они выбрали в крестные родители.

Крестные держали в руках свечи и вместе отвечали на вопросы викария.

– Отрекаетесь ли вы от сатаны и всех дел его, и всего служения его?..

– Отрекаюсь, – в унисон отозвались восприемники.

Слова гулко разносились по белоканным сводам церкви, а Том не поднимал глаз от своих новых блестящих ботинок и старался думать только о натертой мозоли.

– Обязуетесь ли вы исполнять волю Господа и заповеди Его?..

– Обязуюсь.

При каждом ответе Том нарочно упирался натертым местом в жесткий задник, чтобы почувствовать боль.

Люси завороченно не отрывала глаз от цветных витражей, и Изабель, даже находясь в полубморочном состоянии, не могла не подумать, что малышка, наверное, никогда не видела таких ярких красок.

– Господь милосердный, пусть ветхий Адам в этом ребенке умрет, а новый человек возродится...

Том вспомнил о безымянной могиле на Янусе, и перед его глазами возникло лицо Фрэнка Ронфельдта, которое он закрыл парусиной. Его бесстрастность и отстраненность лишь заставляли Тома еще больше чувствовать свою вину и терзаться угрызениями совести.

На улице рядом с церковью детишки играли во французский крикет, и были слышны удары клюшкой по мячу и громкие крики.

Хильда Эддикотт, сидевшая во втором ряду, шепнула на ухо соседке по скамье:

– Посмотри, у Тома на глазах слезы. Он с виду может показаться бесчувственным, а на самом деле у него очень отзывчивое и доброе сердце.

Норкеллс взял ребенка на руки и обратился к Ральфу и Фреде:

– Каким именем нарекаете вы сие дитя?

– Люси-Виолетта, – ответили они.

– Люси-Виолетта, крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, – произнес викарий, окропляя головку малышки водой. Она захныкала, но ее недовольство было заглушено звуками гимна «Господь – мой Пастырь», который миссис Рафферти извлекла из рассохшегося деревянного органа.

Еще до окончания церемонии Изабель, извинившись, выскочила из церкви и добежала до туалета, располагавшегося в конце дорожки. Внутри маленького кирпичного строения воздух раскалился, как в духовке, и Изабель, отмахнувшись от мух, согнулась пополам, и ее вырвало. Взобравшаяся на стену ящерица бесстрастно наблюдала за происходящим, но при звуке спускаемой воды юркнула под крышу. Вернувшись в церковь, Изабель, чтобы пресечь расспросы матери, сразу сказала ей, что прихватило живот. Взяв Люси на руки, она так сильно прижала ее к себе, что малышка, упираясь ручонками ей в грудь, даже немного отстранилась.

На крещенской трапезе, устроенной в «Палас-отеле», отец Изабель сидел за столиком с Виолеттой, нарядившейся по этому

случаю в голубое хлопчатобумажное платье с кружевными белыми воротничком. Корсет был слишком тесным, а волосы собраны в такой тугий пучок, что разболелась голова. Однако Виолетта решила, что этот знаменательный день – крещение ее первой и, как она поняла со слов Изабель, единственной внучки – ничто не может омрачить.

– Том сегодня сам на себя не похож, правда, Ви? Он же мало пьет, а сегодня слишком уж налегает на виски, – удивился Билл, но тут же нашел объяснение: – Наверное, в честь крещения Люси.

– Думаю, что это нервы – как-никак такой важный день! Изабель тоже сама не своя. Наверное, из-за проблем с животом. У барной стойки Ральф сказал Тому:

– Эта кроха изменила всю жизнь твоей половины, верно? Как будто она стала совершенно другой женщиной. Том бездумно вертел в руках пустой бокал.

– Да, в ней открылись совершенно новые стороны.

– Я вспоминаю, как она потеряла первого ребенка...

Том хотел подняться, но Ральф уже продолжал:

– ...в тот первый раз. Когда я увидел ее на Янусе, она была похожа на призрак. А после второго выглядела еще хуже.

– Да. Тогда ей пришлось нелегко.

– Но в конечном итоге Господь все устраивает к лучшему, верно? – улыбнулся Ральф.

– Думаешь? А разве для всех все обязательно кончается хорошо? Взять хотя бы нас с фрицами – тут или нам, или им...

– Нехорошо так говорить. Уж тебе-то грех жаловаться!

Том ослабил узел на галстук и ворот сорочки – ему вдруг стало не хватать воздуха.

– С тобой все в порядке, приятель? – встревожился Ральф.

– Тут душно. Пойду выйду на свежий воздух. – Но на улице лучше не стало: воздух напоминал расплавленное стекло и скорее душил, чем позволял дышать.

Если бы он только мог поговорить с Изабель спокойно... Все бы встало на свои места. Наверняка это еще возможно. Том сделал несколько глубоких вдохов и медленно побрел обратно в отель.

– Сразу уснула, – сказала Изабель, закрывая дверь в спальню, где обложила Люси подушками, чтобы она случайно не скатилась на пол. – Она сегодня была такой умничкой. Выдержала всю церемонию, да еще когда кругом столько людей. Заплакала, только когда промокла. – К концу дня она сумела прийти в себя, и ее голос больше не дрожал, как после шока от откровений Хильды. – Она истинный ангел, – согласилась Виолетта улыбаясь. – Не знаю, как мы здесь останемся, когда она завтра уедет.

– Я понимаю и обещаю обо всем подробно писать и сообщать о ней все новости, – сказала Изабель со вздохом. – Наверное, пора укладываться. Завтра нам вставать ни свет ни заря. Пойдем, Том?

Том кивнул.

– Спокойной ночи, Виолетта. Спокойной ночи, Билл, – сказал он и, оставив родителей Изабель собирать пазл, проследовал за ней в спальню. Они впервые за день остались наедине, и, едва закрылась дверь, он спросил: – Когда мы им скажем?

Его лицо было похоже на маску, а плечи одеревенели.

– Мы им ничего не будем говорить, – решительно ответила Изабель.

– Как это?

– Необходимо подумать, Том. Нам нужно время. Завтра мы должны уехать. Если мы что-то скажем, то поднимется страшный шум и ты не сможешь вернуться на маяк и заступить на смену. Мы приедем на Янус и все обдумаем. Нельзя в спешке предпринимать какие-либо действия, о которых потом будем жалеть.

– Изз, здесь, в городе, есть женщина, которая считает, что ее дочь погибла, а она жива. И эта женщина не знает, что случилось с ее мужем. Одному Господу известно, что ей пришлось пережить. И чем раньше мы положим конец ее страданиям...

– Все это так неожиданно! И мы должны поступить правильно! И думать не только о Ханне Поттс, но и о Люси! Сейчас мы оба не в состоянии соображать. Давай не будем торопиться. А сейчас попробуем хоть немного поспать.

– Я лягу позже, – сказал он. – Мне надо подышать свежим воздухом. – С этими словами он вышел на улицу через веранду, не обращая внимания на уговоры Изабель остаться.

На улице было свежо, и Том в темноте опустил плетеное кресло и обхватил голову руками. Через окно на кухню слышалось постукивание костяшек от пазла, которые Билл убирал в коробку. – Изабель не терпится вернуться на Янус. Говорит, что теперь ей не по себе в таком скоплении людей, – произнес Билл, закрывая крышку. – Хотя назвать наш городок людным вряд ли кому придет в голову.

Виолетта подрезала фитиль на керосиновой лампе.

– Она всегда была своенравной, – заметила она. – Между нами, мне кажется, она просто не хочет ни с кем делить Люси. – Она вздохнула. – А без малышки тут снова станет тихо.

Билл обнял ее за плечи.

– Навевает воспоминания, верно? Помнишь, какими малышами были Хью и Элфи? Такими славными! – Он хмыкнул. – Помнишь, как они заперли в шкафу кошку? – Он помолчал. – Я понимаю, что это совсем другое, но быть дедом почти так же хорошо, как и отцом! Как будто мальчики снова вернулись домой.

Виолетта зажгла лампу.

– Знаешь, Билл, иногда мне казалось, что мы не выдержим и больше никогда не сможем радоваться. – Она задула спичку. – И тут наконец такое счастье!

Надев на лампу защитное стекло, она направилась в спальню.

Эти слова отозвались у Тома в голове многократным эхом, и его охватило отчаяние. Он не чувствовал сладкого аромата жасмина, которым был пропитан ночной воздух.

Глава 16

В первый же вечер на Янусе ветер с завыванием обрушился на башню маяка, проверяя на прочность толстые стекла световой

камеры. Включив маяк, Том вернулся мыслями к спору с Изабель, который произошел сразу после отбытия катера.

Она была непреклонна.

– Мы не можем изменить того, что случилось, Том. Ты думаешь, я не пыталась найти выход? – Она прижимала к груди куклу, которую подобрала с пола. – Люси – счастливая и здоровая маленькая девочка. Оторвать ее от нас... Том, это просто невысказано! – Она нервно перекидывала постельное белье из корзины в шкаф. – Хорошо это или плохо, но что случилось, то случилось! Люси обожает тебя, и ты обожает ее, и у нас нет никакого права лишать ее любящего отца!

– А как насчет ее любящей матери? Ее живой матери? Разве это справедливо, Изз?

Изабель вспыхнула:

– А разве справедливо, что я потеряла троих детей? Разве справедливо, что Элфи и Хью похоронены за тысячи миль отсюда, а ты цел и невредим? Конечно, несправедливо, Том, совсем несправедливо! Но такова жизнь, и надо принимать ее такой, какая она есть!

Она затронула его самое больное место. Все эти годы он не мог избавиться от гнетущего чувства вины, будто обманул не смерть, а своих товарищей, и тем, что остался цел и невредим, он обязан им, а не чистой случайности. Изабель, видя, как он болезненно скривился, смягчилась.

– Том, мы должны поступить правильно, а это значит – как лучше для Люси!

– Иззи, послушай...

Она не дала ему договорить.

– Хватит об этом, Том! Единственное, что мы можем сделать, так это любить нашу маленькую девочку, как она того заслуживает! И никогда, слышишь, никогда не делать ей больно! – Прижимая к себе куклу, она выбежала из комнаты.

И вот теперь он смотрел на беспокойный океан с белыми гребешками волн, окруженных черной мглой. Горизонт уже не проглядывался, давление падало – к утру разразится шторм. Том подергал латунную ручку, проверяя, заперта ли дверь на галерею, и бездумно устремил взгляд в темноту, которую прорезали вспышки яркого луча маяка.

Тем же вечером, когда Том находился на маяке, Изабель сидела возле кровати Люси и смотрела, как она засыпает. Этот день отнял у нее все силы, и мысли в голове продолжали набегать одна на другую, совсем как волны в беспокойном океане. И теперь она почти шепотом напевала любимую колыбельную Люси: Когда Люси наконец уснула, Изабель разжала ее маленькую ладонь и вытащила розовую ракушку, которую она сжимала. К горлу снова подступил комок, не исчезавший с той памятной беседы у надгробия, и Изабель, чтобы переключить внимание, провела пальцем по ракушке, ощущая ее гладкую поверхность и идеальные формы. Существо, создавшее ракушку, уже давно умерло, оставив после себя это скульптурное творение. И ей вдруг пришло в голову, что и погибший муж Ханны Поттс тоже оставил после себя живую скульптуру, только в лице спящей в кровати маленькой девочки.

Люси подложила руку под голову и на мгновение нахмурилась, сжав кулачок, в котором больше не было ракушки.

– Я никому не позволю причинить тебе боль, родная. Обещаю, что буду всегда тебя оберегать, – прошептала Изабель и – неожиданно для самой себя – опустилась на колени и склонила голову, чего не делала уже несколько лет. – Господи, никому не суждено знать промысла Божьего. Я лишь надеюсь, что окажусь достойной Твоего выбора. Дай мне силы, чтобы не подвести Тебя! – Она вдруг подумала о Ханне Поттс и внутренне содрогнулась, но сумела взять себя в руки. – Я знаю, что Ханна Поттс – Ханна Ронфельдт, – сказала она, с каждым словом чувствуя себя все увереннее, – тоже под сенью Твоей благодати, Господи. Ниспосли нам всем душевный мир и спокойствие!

Прислушавшись к вою ветра и реву волн, она ощутила, что здесь, на острове, их охраняет океан, и к ней вернулось чувство уверенности. Положив ракушку рядом с кроватью, чтобы Люси, когда проснется, сразу ее увидела, приободрившаяся Изабель тихо вышла из комнаты.

Для Ханны Ронфельдт следующий понедельник оказался весьма знаменательным. Заглянув в почтовый ящик, она не рассчитывала в нем что-то обнаружить, поскольку проверяла его только вчера. Это стало частью ритуала, который она выработала с единственной целью хоть чем-то занять мучительно долгие дни, которые ей приходилось проживать последние два года после того кошмарного Дня памяти. Сначала она заходила в полицейский участок, иногда даже не произнося ни слова, и в ответ на вопросительный взгляд констебля Гарри Гарстоун молча качал головой. Когда же она уходила, констебля Линч часто вздыхал: «Бедняжка! Что за судьба!» – после чего тоже качал головой и углублялся в бумаги. Каждый день она ходила на берег в надежде обнаружить хоть какой-нибудь предмет, имеющий отношение к разыгравшейся трагедии: обломок доски или часть весла.

Она вытаскивала из кармана письмо мужу и дочери. Иногда она вкладывала в конверт вырезку из газеты о приезде цирка или сочиненные ею детские стишки, украшенные ее же рисунками. Она бросала конверт в воду, надеясь, что, растворившись в этом или другом океане, чернила донесут до ее любимых содержание посланий.

По дороге домой она заходила в церковь и молча сидела на задней скамье возле статуи святого Иуды [15]. Иногда она задерживалась до самого вечера, когда тень от эвкалиптов уже добиралась до витражей, а поставленные ею свечи догорали, превратившись в холодные пятна оплавленного воска. Здесь, сидя в тени, она ощущала присутствие Фрэнка и Грейс. Когда уже было невозможно оттягивать возвращение домой, она уходила и заглядывала в почтовый ящик, только если чувствовала в себе силы побороть разочарование в случае отсутствия корреспонденции.

На протяжении двух лет она обращалась во все мыслимые и немыслимые инстанции – в больницы, к портовым властям, экипажам отплывающих судов – с просьбой немедленно сообщить любые новости, которые могли бы пролить свет на судьбу ее пропавших мужа и дочери, но дальше вежливых обещаний дело так и не шло.

Тот январский вечер выдался жарким, и под светлым лазурным небом сороки наполняли насыщенный эвкалиптовым запахом воздух громкой неугомонной трескотней. Ханна, по-прежнему погруженная в мир печальных грез, прошла несколько ярдов от веранды по выложенной плитняком дорожке. Она уже давно перестала замечать гардении и стефанотисы, источавшие густой и сладкий успокаивающий аромат. Покрытая ржавчиной крышка почтового ящика со скрипом открылась – любое движение ей давалось с таким же трудом, как и Ханне. Внутри что-то белело. У Ханны екнуло сердце. Письмо!

По конверту уже успела проползти улитка, оставив после себя блестящий след, переливавшийся всеми цветами радуги. На конверте не было марки, почерк уверенный и твердый.

Ханна принесла письмо в столовую и аккуратно поставила на блестящий полированный стол. Совместив край конверта с краем стола, она долго на него смотрела, не решаясь распечатать. Наконец она взяла нож с перламутровой ручкой и осторожно вскрыла конверт, стараясь не повредить содержимого. Внутри оказался один маленький листок, на котором было написано:

Не беспокойтесь за малютку. С ней все в порядке. Она растет в любви и заботе, и так будет всегда. Ваш муж в руках Господа и покоится с миром. Надеюсь, Вам теперь станет легче.

Помолитесь за меня.

Задернутые тяжелые парчовые шторы не пропускали яркого солнечного света, и в доме стоял полумрак. В саду за задней верандой цикады, облюбовав виноградные листья, стрекотали так громко, что закладывало уши. Ханна разглядывала почерк. Она видела слова, слагавшиеся из букв, но их смысл отказывался укладываться в голове. Сердце гулко стучало, и ей никак не удавалось сделать вдох. Открывая письмо, Ханна боялась, что оно может исчезнуть на глазах. Нечто подобное уже случалось, когда ей казалось, что на улице промелькнула Грейс в своем розовом платье, а потом оказывалось, что это сверток в оберточной бумаге такого же цвета или женская юбка. Иногда она могла поклясться, что мужчина впереди – по фигуре и походке – точно ее муж, и она даже хватала его за рукав, а потом встречала недоуменный взгляд совершенно чужого человека, ничуть на него не похожего.

– Гвен? – позвала она, когда наконец к ней вернулся дар речи. – Гвен, ты можешь подойти на минутку? – Она звала сестру из спальни, боясь пошевелиться, чтобы письмо не исчезло и не оказалось миражом.

Гвен появилась с вышивкой в руках.

– Ты звала меня, Ханни?

Ханна, не в силах больше произнести ни слова, молча показала глазами на письмо. Сестра взяла его в руки.

«Слава Богу, – подумала Ханна, – мне это не привиделось!»

Через час они уехали из деревянного коттеджа, в котором жили, и направились в каменный особняк Септимуса Поттса, располагавшийся на окраине города.

– И это оказалось в почтовом ящике? Сегодня? – спросил он.

– Да, – ответила Ханна, которая до сих пор не могла прийти в себя.

– Кто мог такое написать, папа? – поинтересовалась Гвен.

– Тот, кто знает, что Грейс жива! Кто же еще? – воскликнула Ханна, не замечая взгляда, которым обменялись ее отец и сестра.

– Ханна, дорогая, прошло уже так много времени, – сказал Септимус.

– Я знаю!

– Он хочет сказать, – вмешалась Гвен, – что это очень странно: столько лет никаких известий – и вдруг такое!

– Но письмо-то есть! – не сдавалась Ханна.

– О Господи! – только и могла сказать Гвен, качая головой.

Вечером того же дня сержант Наккей – старший полицейский чин в Партагезе – сидел в неловкой позе на старинном кресле, водрузив изящную чашку из тонкого фарфора на широкое колено и пытаясь делать заметки в блокноте.

– А вы не заметили никого незнакомого возле дома, мисс Поттс? – обратился он к Гвен.

– Ни души! – Она поставила кувшин с молоком на журнальный столик. – К нам редко кто заглядывает.

Наккей что-то записал.

– Ну?

Полицейский понял, что Септимус обращался к нему. Он еще раз внимательно осмотрел письмо. Аккуратный почерк. Обычная бумага. Без почтового штемпеля. Кто-то из местных? Видит Бог, в городе еще встречались люди, которые находили утешение в страдании женщины, связавшей свою судьбу с бошем.

– Тут не за что особо зацепиться, – сказал он и терпеливо выслушал град возражений Ханны, заметив на лицах ее отца и сестры смущение, какое бывает, когда за семейной трапезой выжившая из ума тетка заводит беседу об Иисусе.

Покидая дом, сержант надел шляпу и, наклонившись к вышедшему его проводить Септимусу, тихо сказал:

– Похоже на жестокий розыгрыш. На мой взгляд, уже пора перестать считать фрицев врагами. Да, та война была грязной штукой, но это никому не дает права на подобные выходки. Я никому не скажу о письме, чтобы не появились подражатели. – Он пожал руку Септимусу и направился к воротам по длинной дорожке.

Вернувшись в кабинет, Септимус положил руку на плечо Ханны.

– Ну что ты, дочка, не вешай нос! Все образуется!

– Но я не понимаю, папа. Она наверняка жива! Зачем вдруг кому-то могло понадобиться писать об этом, если бы это было не так? Ни с того ни с сего?

– Вот что, милая. Я объявлю, что удваиваю награду и заплачу две тысячи гиней. Если хоть кому-то что-нибудь известно, мы это скоро тоже узнаем. – Подливая дочери в чашку чай, Септимус в кои-то веки ничуть не жалел, что ему, возможно, придется расстаться со своими деньгами.

Хотя Септимус Поттс был хорошо известен и в городе, и во всей округе, его мало кто знал близко. Он не был общительным и тщательно оберегал свою семью от чужих глаз, а его главным противником всегда являлся рок. Септимус прибыл во Фримантл в 1869 году на борту «Куин оф Каиро», когда ему было пять лет. Целуя его на прощание в лондонском порту, мать, заливаясь слезами, прикрепила ему на шею маленькую деревянную дощечку с надписью: «Я хороший христианский мальчик. Пожалуйста, помогите мне».

Септимус был седьмым и последним ребенком торговца скобяными изделиями, который отошел в мир иной всего через три дня после рождения сына, попав под копыта понесшей лошади. Мать изо всех сил старалась прокормить семью, но, когда заболела чахоткой, поняла, что надо позаботиться о будущем детей. Она пристроила всех, кроме младшего сына, к родственникам, где те могли отработать свой кров и пищу, но Септимус был еще слишком маленьким, и матери перед смертью

удалось только посадить его одного на борт парохода, направлявшегося в Западный Австралию.

Много десятилетий спустя Септимус говорил, что такого рода испытание либо заставляет опускать руки и искать смерти, либо закаляет и вырабатывает жажду жизни. Он решил, что искать смерти глупо, потому что она все равно его найдет сама, и не стал сопротивляться, когда загорелая и грузная женщина из христианской миссии моряков пристроила его в «хорошую семью». Он не жаловался и не задавал вопросов – да и кто бы стал его слушать? Новая жизнь Септимуса началась в маленьком городке Коджонап к востоку от Партагеза в семье Уолта и Сары Флинделл, которые зарабатывали на жизнь заготовкой сандалового дерева. Они были хорошими людьми и к тому же практичными и, понимая, что с легким сандаловым деревом сможет управляться и ребенок, согласились его приютить. После морского путешествия иметь под ногами твердую почву и не голодать казалось Септимусу настоящим раем.

Вот так он очутился в новой стране, куда его отправили как посылку без адреса, и искренне привязался к Уолту и Саре. В их лачуге на маленьком участке расчищенной земли не было ни стекол на окнах, ни водопровода, однако кров над головой все-таки был.

Когда запасы ценного сандалового дерева, стоившего иногда дороже золота, истощились от неумеренной вырубki, Уолт и Септимус устроились на одну из лесопилок, которые в большом количестве появились вокруг Партагеза. Возведение новых маяков вдоль побережья снижало риски коммерческого судоходства до приемлемого уровня, а прокладка железнодорожных путей и строительство пристаней позволяли заготавливать лес и вывозить его в любую точку мира.

Септимус работал как проклятый, читал молитвы и уговорил жену пастора учить его по субботам грамоте. Он отличался чрезвычайной расчетливостью и ни разу не потратил ни единого лишнего пенса, и при этом постоянно стремился заработать еще и еще. Септимус обладал даром видеть возможности там, где другие их просто не замечали. Хотя он и не вышел ростом, но держался всегда с удивительным достоинством и очень следил за своим внешним видом. Иногда он одевался с излишним щегольством, и в церкви по воскресеньям он всегда появлялся опрятным и аккуратным, даже если после дневной смены ночью нужно было выстирать одежду, чтобы очистить ее от опилок.

Все эти качества сослужили ему хорошую службу, когда некий новоиспеченный баронет из Бирмингема путешествовал по колонии в поисках выгодных капиталовложений. Септимус воспользовался предоставленной возможностью и убедил баронета вложить деньги в покупку небольшого участка земли. Инвестиции принесли доход в триста процентов, и Септимус сумел расчетливой игрой на бирже увеличить свою долю и открыть собственное дело. К 1901 году, когда колония стала частью Содружества Австралии, Септимус превратился в одного из богатейших лесопромышленников всего региона.

В те времена дела у него шли просто отлично. Он женился на Эллен, молоденькой девушке из богатой семьи в Перте, которая родила ему двух дочерей – Ханну и Гвен. Построенный особняк стал олицетворением стиля и успеха на всем юго-западе Австралии.

А потом на одном из своих знаменитых пикников на природе, которые семья устраивала на белоснежных скатертях с серебряными приборами, Эллен укусила в лодыжку коричневая змея [16] чуть выше ботиночка из тонкой кожи, и через час она скончалась.

Когда дочери отправились к себе в коттедж, Септимус подумал, что жизнь – коварная штука, от которой никогда не знаешь, чего ожидать. Она часто протягивает дары одной рукой, а другой их тут же отнимает. Стоило ему помириться с Ханной после рождения внучки, как у нее тут же пропали муж и дочь, а она сама так и не смогла оправиться от потрясения. И теперь кому-то понадобилось ворошить прошлое! Что ж, надо дорожить тем, что имеешь, и быть благодарным, что не стало еще хуже.

Сержант Наккей устроился за столом и задумчиво постучал карандашом по блокноту, глядя на появлявшиеся серые точки. Бедная женщина! У кого хватит духу упрекнуть ее за неверие в смерть своей малютки? Его жена Айрин до сих пор плакала по Билли, который утонул малышом двадцать лет назад. Потом у них родилось еще пятеро детей, но боль от потери так и не утихла. Хотя шансов, что ребенок остался жив, не было никаких, он все же достал чистый лист бумаги и начал составлять отчет. Уж чего-чего, а исполнения надлежащих формальностей Ханна наверняка заслуживала.

Глава 17

«Ваш муж в руках Господа и покоится с миром». В голове у Ханны Ронфельдт постоянно крутилась эта фраза из таинственного письма. Грейс жива, но Фрэнк умер. Ей хотелось верить в первое и не верить во второе. Фрэнк. Франц. Она вспоминала, каким он был добрым и каким извилистым был его жизненный путь, удивительным образом приведший к ней.

Первое потрясение он пережил в шестнадцать лет, когда его семья была вынуждена оставить обеспеченную жизнь в Вене из-за карточных долгов отца. Они отправились к дальним родственникам в Калгурли, где даже самый алчный кредитор не смог бы их разыскать и взыскать долги. Попав из роскоши в бедность, Франц устроился булочником в пекарне родственников, которые после приезда в Австралию сменили свои имена Фриц и Митзи на Клайв и Милли. Они объясняли, что это было нужно для того, чтобы стать здесь своими. Мать это понимала, а отец из-за гордыни и упрямства, которые, собственно, и довели его до финансового краха, отказывался приспосабливаться к новой жизни и через год бросился под поезд, оставив Фрэнка главой семьи.

Через несколько месяцев началась война, и его – как гражданина воюющей стороны – интернировали, поместив сначала на остров Роттнест, а затем переправив на восток. Он оказался не только оторванным от своих корней, но и несправедливо обвиненным в причастности к событиям, к которым не имел никакого отношения.

И он никогда не жаловался. В 1922 году, когда он приехал в Партагез и устроился на работу в пекарню, на его лице по-прежнему светилась открытая и доброжелательная улыбка. Она вспомнила, как они познакомились прямо на улице. Утро выдалось солнечным, но зябким, как часто бывает в октябре. Он улыбнулся и протянул ей шаль, которая оказалась ее.

– Вы только что забыли ее в книжной лавке, – сказал он.

– Спасибо. Вы очень любезны.

– Это чудесная шаль, с такой красивой вышивкой. У моей матери была похожая. Китайский шелк очень дорог, было бы жалко ее потерять. – Он вежливо поклонился и повернулся, чтобы уйти.

– Я вас тут раньше не видела, – заметила Ханна. Ей очень нравился его акцент.

– Я только что начал работать в пекарне. Меня зовут Фрэнк Ронфельдт. Рад с вами познакомиться, мэм.

– Добро пожаловать в Партагез, мистер Ронфельдт. Надеюсь, вам тут понравится. Я Ханна Поттс. – Она стала освобождать руку от свертков с покупками, чтобы набросить шаль.

– Позвольте, я вам помогу, – предложил он и ловким движением накинул ей шаль на плечи. – Всего вам наилучшего! – Он снова улыбнулся, и скользящий по лицу луч солнца подчеркнул голубизну глаз, а светлые волосы засияли.

Она перешла через дорогу к поджидавшей ее двуколке и тут заметила женщину, которая, смерив ее колючим взглядом, со злостью плюнула на тротуар. Ханну это повергло в шок, но она промолчала.

Через несколько недель она снова заглянула в маленькую книжную лавку Мэйзи Макфи и увидела там у прилавка Фрэнка, которого осыпала бранью пожилая женщина, размахивая для убедительности палкой.

– Стыдись, Мэйзи Макфи! – переключилась она на хозяйку. – Да как ты можешь покупать книги у этих бошей?! Эти животные убили моего сына и внука, и я никак не думала, что ты станешь им потакать!

Видя, что Мэйзи обескуражена и не находит слов, Фрэнк произнес:

– Прошу прощения, если я вас чем-то обидел, мэм. Мисс Макфи здесь ни в чем не виновата. – Он улыбнулся и протянул книгу. – Посмотрите, это просто стихи.

– Да будь они прокляты со своими стихами! – огрызнулась женщина, стукнув палкой об пол. – Разве они способны на доброе слово? Я слышала, что у нас в городе появился бош, но никак не ожидала, что у него хватит наглости этим щеголять! Что же до тебя, Мэйзи, – она повернулась к стойке, – то твой отец со стыда наверняка ворочается в гробу!

– Мне очень жаль, что так получилось, – сказал Фрэнк. – Мисс Макфи, пожалуйста, оставьте эту книгу себе. Я никого не хотел обидеть. – Он положил на прилавок банкноту в десять шиллингов и вышел, не замечая никого вокруг. За ним выскочила женщина, продолжая яростно грозить ему палкой.

Мэйзи и Ханна несколько мгновений смотрели друг на друга, а потом хозяйка, выдавив из себя улыбку, спросила:

– У вас есть список того, что вам нужно, мисс Поттс?

Пока Мэйзи изучала протянутый листок, внимание Ханны привлекла оставленная книга. Ей стало интересно, как это изящное издание в зеленом кожаном переплете могло кого-то оскорбить. Она открыла первую страницу и увидела название «Das Stundenbuch» [17], напечатанное готическим шрифтом. Автором был Райнер Мария Рильке. В школе Ханна помимо французского учила и немецкий и слышала об этом поэте.

– И еще, – сказала она, положив на прилавок два фунта стерлингов, – можно я возьму и эту книгу? – В ответ на удивленный взгляд Мэйзи она пояснила: – Мне кажется, нам давно уже пора оставить всю вражду в прошлом, согласны?

Мэйзи завернула книгу в коричневую бумагу и перевязала бечевкой.

– По правде говоря, мне бы пришлось отсылать ее обратно в Германию. Здесь ее никто больше не купит.

Зайдя в булочную, Ханна положила маленький сверток на прилавок.

– Вы не могли бы передать это мистеру Ронфельдту? Он забыл эту книгу в лавке.

– Он на заднем дворе. Сейчас я его позову.

– Спасибо, но в этом нет необходимости, – сказала Ханна и быстро вышла, прежде чем продавец успел хоть что-то сказать.

Через несколько дней Фрэнк позвонил ей, чтобы лично поблагодарить за проявленную доброту, и с этого момента ее жизнь полностью изменилась, и сначала ей даже показалось, что сбылись ее самые радужные мечты.

Радость Поттса, когда он услышал новость, что дочь нашла человека, с которым хотела бы связать свою судьбу, омрачилась известием, что тот оказался обыкновенным пекарем. Но, вспомнив, через какие унижения ему пришлось пройти самому, Септимус решил, что это не должно служить помехой счастью дочери. Однако, узнав, что ее избранник был немцем или почти немцем, он был так возмущен, что не находил себе места. И отец, и дочь отличались завидной твердостью характера, и ссоры, которые все чаще вспыхивали между ними в самый разгар ухаживаний Фрэнка, еще больше убеждали каждого в своей правоте. Через два месяца дело дошло до решительного объяснения. Септимус Поттс нервно мерил шагами гостиную, с трудом сдерживаясь от возмущения.

– Ты что – сошла с ума, девочка?

– Я так хочу, папа.

– Замуж за боша! – Он бросил взгляд на стоявшую на камине фотографию Эллен в серебряной рамке. – Твоя мать ни за что бы такого не допустила! Я обещал ей, что воспитаю тебя как следует...

– И тебе это удалось, папа, поверь!

– Нет, не удалось. Раз ты собираешься связаться с этим чертовым немецким булочником!

– Он австриец.

– Какая разница? Тебя отвезти на экскурсию в лечебницу, чтобы показать, в каких болванов превратились наши парни после газовой атаки? И это я построил для них госпиталь на свои деньги!

– Тебе отлично известно, что Фрэнк даже не был на войне – его интернировали. Он никому в жизни не причинил зла.

– Ханна, прояви благоразумие. Ты красивая девушка. Вокруг полно ребят – что в Перте, что в Сиднее, что, черт возьми, в Мельбурне, – которые сочтут за честь стать твоим мужем.

– Ты хочешь сказать, что они с удовольствием позарятся на твои деньги?

– Ты снова за старое? Ты слишком хороша для моих денег, так, что ли, дочка?

– Речь совсем о другом, папа...

– Я работал как вол, чтобы стать тем, кем стал. Я не стыжусь ни того, кем был, ни того, кем теперь являюсь. Но ты... ты заслуживаешь лучшей судьбы!

– Это моя жизнь, и я хочу прожить ее по собственному разумению.

– Послушай, если ты хочешь заняться благотворительностью – пожалуйста! Поезжай и поработай в миссии с аборигенами. Или в сиротском приюте. Тебе совершенно не обязательно выходить замуж из жертвенности!

При последних словах лицо Ханны залилось краской, а сердце бешено заколотилось. И причиной был не только гнев, а червячок сомнения, что это могло оказаться правдой. Что, если она сказала Фрэнку «да» из одного лишь желания отвести охотников за ее состоянием? Или хотела хоть чем-то компенсировать Фрэнку те лишения и унижения, через которые ему

пришлось пройти? Но, вспомнив, как у нее замирало сердце при виде его улыбки и как смешно он поднимал подбородок, размышляя над ее вопросом, она вновь обрела уверенность.

– Он очень достойный человек, папа. Дай ему шанс.

– Ханна! – Септимус положил ей руку на плечо. – Ты знаешь, как сильно я тебя люблю. – Он погладил ее волосы. – Помнишь, как маленькой ты не позволяла матери расчесывать тебе волосы? И всегда говорила: «Пусть это делает папа!» И я делал! Ты залезала ко мне вечером на колени, я расчесывал тебе волосы, и мы вместе смотрели, как на углях в камине подрумянивались лепешки. Мы вместе скрывали от матери пятнышко, которое ты посадила на платье маслом. А твои волосы сияли, как у персидской принцессы... Я прошу тебя об одном – не торопись. Давай немного подождем!

Если ему нужно время, чтобы просто свыкнуться с этим браком и взглянуть на все по-другому... Ханна уже была готова уступить, но отец продолжил:

– Ты увидишь, что я прав и что ты совершаешь ошибку, – он резко выдохнул, как будто принял важное решение по бизнесу, – и будешь мне благодарна, что я удержал тебя от такого опрометчивого шага.

Она отстранилась.

– Я никому не позволю решать за себя. Ты не можешь запретить мне выйти замуж за Фрэнка.

– Ты хочешь сказать, что я не могу тебя отговорить?

– Я достаточно взрослая, чтобы выйти замуж, не испрашивая дозволения, и выйду, если захочу!

– Тебе, может быть, не важно, как это скажется на мне, но подумай о сестре. Ты же понимаешь, что будут говорить люди.

– Эти «люди» – жалкие и лицемерные ксенофобы!

– Вижу, что университетское образование не прошло даром! Теперь ты запросто можешь унизить отца мудреными словечками! – Он посмотрел ей прямо в глаза. – Никогда не думал, что придется говорить такое, но если ты выйдешь замуж за этого человека, то без моего благословения. И без моих денег.

Ханна выпрямилась и произнесла с необыкновенным достоинством, которое явно унаследовала от матери: именно оно в свое время произвело на Септимуса неизгладимое впечатление при знакомстве со своей будущей женой:

– Если ты, папа, желаешь, чтобы было именно так, значит, так тому и быть!

После тихой свадьбы, на которую Септимус отказался явиться, молодая чета поселилась в неказистом дощатом домике Фрэнка на окраине города. Жили они очень скромно. Ханна давала уроки фортепьяно и учила грамоте лесорубов. Кое-кто из них даже испытывал нездоровое удовольствие от самого факта, что нанимает – пусть всего на час в неделю – дочь человека, на которого трудился сам. Но в целом к Ханне относились с большим уважением, и ее любили за отзывчивость и неизменную доброжелательность. Она была счастлива. Она нашла мужа, понимавшего ее и разделявшего ее интересы, с кем можно было обсуждать и философию, и классическую мифологию, а от его улыбки улетучивались все тревоги и не были страшны никакие невзгоды.

С годами к Фрэнку стали относиться с большей терпимостью, но избавиться от акцента ему так и не удалось. Хотя некоторые, вроде жен Билли Уишарта и Джо Рафферти или матери последнего, завидев Фрэнка, по-прежнему демонстративно переходили на другую сторону улицы, но в целом его жизнь постепенно наладилась. К 1925 году Ханна и Фрэнк решили, что встали на ноги и имеют достаточно стабильный доход, чтобы завести ребенка, и в феврале 1926 года у них родилась дочь.

Ханна вспоминала, как проникновенно и мелодично Фрэнк пел колыбельную, укачивая их малютку. «Schlaf, Kindlein, schlaf. Dein Vater hat die Schaf. Die Mutter schüttelt's Bdumelein, da fdlit herab ein Trdumelein. Schlaf, Kindlein, schlaf». [18]

В той маленькой комнатке, освещенной тусклым светом керосиновой лампы, морщась от боли в спине и сидя на сломанном стуле, он ей признался:

– Я так счастлив, что не могу в это поверить!

И его лицо было озарено не светом лампы, а сиянием, исходившим от крошечного существа в колыбельке, чье ровное дыхание выдавало глубокий и спокойный сон.

В один из мартовских дней алтарь украсили вазами с цветами из сада Фрэнка и Ханны, и их сладкий аромат наполнил всю церковь и ощущался даже на задних рядах церковных скамей. Ханна надела бледно-голубое платье с фетровой шляпкой в тон, а Фрэнк – костюм, в котором женился и который даже спустя четыре года после бракосочетания был ему по-прежнему впору. Крестными родителями выбрали кузину Фрэнка Беттину и ее мужа Уилфа, которые специально приехали из Калгурли, и сейчас оба с умилением улыбались, разглядывая младенца на руках у Ханны. Преподобный Норкеллс стоял возле купели и неловко пытался открыть нужную страницу молитвенника, заложенную яркой закладкой на обряде крещения. Неуверенность его движений могла вполне быть связана с доносившимся от него запахом спиртного.

– Прошло ли сие дитя обряд крещения? – начал он.

Был жаркий воскресный день, и жирная мясная муха громко жужжала, так и норовя пристроиться на краю купели, чтобы напиться, но крестные родители ее отгоняли. Однако она и не думала сдаваться и в конце концов оказалась в воде, куда ее отправила Беттина ловким движением веера. Викарий, не прекращая обряда, выудил ее оттуда.

– Отрекаешься ли от сатаны, всех дел его и всего служения его?..

– Отрекаюсь, – хором ответили крестные родители.

В это время послышался скрип осторожно открываемой входной двери. У Ханны радостно забило сердце при виде отца, вошедшего за Гвен и медленно опустившегося на колени у задних скамеек. Ханна не разговаривала с ним с того самого дня, когда она покинула отчий дом, чтобы выйти замуж, и она думала, что отец ответит на приглашение на крестины обычным молчанием.

– Я сделаю все возможное, Ханни, – пообещала Гвен. – Но ты же не хуже меня знаешь, какой он упрямый. Я постараюсь. Сама я точно приду, что бы он ни говорил. Это уже и так затянулось слишком надолго.

Фрэнк повернулся к Ханне.

– Видишь? – прошептал он. – Господь сам решает, когда и что должно случиться.

– Господь милосердный, пусть ветхий Адам в этом ребенке умрет, а новый человек возродится...

Слова разнеслись по сводам церкви, и младенец беспокойно заерзал на руках у матери и захныкал. Ханна поднесла к крошечным губкам костяшку своего мизинца, и ребенок довольно зачмокал. Обряд продолжился, и Норкеллс, забрав малышку у

матери, обратился к крестным:

– Каким именем нарекаете вы сие дитя?

– Грейс-Эллен.

– Грейс-Эллен, крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

До самого конца обряда младенец не спускал восторженного взгляда с ярких витражей, и через два года эта сцена у купели полностью повторилась, правда, на руках у другой женщины.

Септимус оставался на задней скамейке до самого конца обряда. Ханна медленно прошла по проходу, а малышка у нее на руках беспокойно крутила головкой, озираясь по сторонам. Остановившись возле отца, Ханна протянула ему ребенка, и Септимус, чуть замямившись, взял его на руки. – Грейс-Эллен. Сегодня настоящий праздник! – с трудом произнес он, и по его щеке скатилась слеза умиления. Ханна взяла его за руку.

– Давай подойдем к Фрэнку, – сказала она и повела его по проходу.

– Пожалуйста, зайдите, – пригласила Ханна, когда отец с Гвен остановились у ворот ее дома.

Септимус колебался. Этот маленький дощатый дом, больше похожий на лачугу, напомнил ему убогую обитель Флинделлов, в которой он вырос сам. Перешагнув через порог, он будто перенесся на пятьдесят лет назад.

В гостиную он вежливо обменялся несколькими фразами с родственниками Фрэнка, похвалил его за отличный праздничный пирог и вкусное, пусть и скромное, угощение. От его внимательного взгляда не укрылись трещины в штукатурке и бедность обстановки.

Прощаясь с Ханной, он достал бумажник.

– Позволь мне...

Ханна мягко отвела его руку в сторону.

– Все в порядке, папа. У нас все есть, – сказала она.

– Конечно, есть. Но теперь у вас появилась маленькая...

Она накрыла его руку своей.

– Я серьезно. Я очень признательна, но мы правда ни в чем не нуждаемся. Приходите лучше в гости. И не затягивайте с визитом.

Он улыбнулся и поцеловал в лоб сначала внуку, а потом дочь.

– Спасибо, Ханни. – И добавил едва слышно: – Эллен хотела бы, чтобы за ее внучкой был достойный уход. И я... я очень по тебе скучаю.

Через неделю из Перта, Сиднея и других городов прибыли подарки для малышки. Детская кроватка, комод красного дерева. Платица, чепчики и купальные принадлежности. Внучка Септимуса Поттса заслуживала самого лучшего, что только можно было достать за деньги.

«Ваш муж в руках Господа и покоится с миром». Письмо принесло Ханне скорбь и радость одновременно. Господь забрал ее мужа, но спас дочь. Вспоминая тот день, она плакала не только от печали, но и от стыда. Город старался не ворошить прошлого и обходил молчанием определенные вещи. Его жители знали, что зачастую забвение может быть не менее благотворным, чем память. Дети выросли, не подозревая об ошибках молодости отца или что в пятидесяти милях жили их незаконнорожденный брат или сестра, носившие чужую фамилию. По всеобщему молчаливому согласию об этом старались не распространяться.

Жизнь продолжалась, и молчание помогало заглушить чувство стыда. Мужчины, вернувшиеся с войны, не рассказывали историй о постыдных поступках своих товарищей по оружию перед лицом смерти и говорили только, что те пали смертью храбрых. Те, кто не воевал, считали, что их родные и близкие никогда не заглядывали в публичные дома, не вели себя как дикари и не прятались от врага. Уже само пребывание на фронте было искуплением всех их прегрешений. Когда женам приходилось прятать от мужей, так и не сумевших после фронта вернуться к нормальной жизни, деньги на жизнь или кухонные ножи, они старались не признаваться в этом даже самим себе.

Вот почему трагедию, случившуюся с ее мужем, Ханна Ронфельдт могла переживать только в одиночку. Люди не желали ворошить прошлое и хотели как можно скорее вернуть жизнь в Партагезе в рамки цивилизации. Но Ханна ничего не забыла.

День памяти павших. Бары переполнены ветеранами сражений при Галлиполи и на реке Сомме, и даже десять лет спустя было видно, что военные неврозы и последствия газовых атак так и не канули в Лету.

Двадцать пятое апреля 1926 года. В дальнем углу посетители азартно резались в орлянку, и только в этот день – один раз в году! – полиция закрывала на это глаза. Мало того, полицейские тоже участвовали! Ведь война не обошла стороной и их. Пиво лилось рекой, голоса становились громче, а песни – фривольнее. Как же много им нужно забыть! Они вернулись с войны и приступили к работе на фермах и в конторах, но продолжали жить с грузом прошлого, от которого никак не могли избавиться. И чем больше они пили, тем труднее им было держать себя в руках и не позволять воспоминаниям затуманивать разум. Чем больше они пили, тем упорнее накопившаяся агрессия искала малейшего предлога выплеснуться наружу. Проклятые турки! Проклятые боши! Проклятые ублюдки!

А Фрэнк Ронфельдт – отличная кандидатура! Единственный в городе «немец», и не важно, что он австриец! Разве это что-то меняет? Враг – он и есть враг! Вот почему, завидев его с Ханной на улице в сгущающихся сумерках, они затянули «Типперэри» [19]. Ханна начала нервничать и спотыкаться. Фрэнк тут же забрал у нее малышку, укутал ее в кофту, которую жена несла на руке, и они оба, опустив головы, ускорили шаг.

Ребята в баре решили, что это отличное развлечение, и высыпали на улицу. Из других баров тоже выходили посетители, и кому-то пришло в голову повеселиться, сбив с Фрэнка шляпу.

– Как не стыдно, Джо Рафферти! – возмутилась Ханна. – Ступай обратно в бар и оставь нас в покое!

Они ускорили шаг.

– «Оставь нас в покое!» – передразнивал Джо высоким хныкающим голосом. – Проклятый фриц! Все вы трусы! – Он повернулся к толпе. – Полюбуйтесь-ка на эту парочку со своим младенцем! – Язык у него заплетался. – А вы знаете, что фрицы ели детей? Поджаривали их живьем, ублюдки!

– Убирайся, или мы позовем полицию! – закричала Ханна и только потом заметила констеблей Гарри Гарстоуна и Боба Линча,

которые стояли на веранде гостиницы с кружками пива в руках и ухмылялись в напомаженные усы.

И тут раздался крик:

– Давайте, ребята, повеселимся! Покажем этим любителям бошей, что к чему! Не дадим им съесть ребенка!

Дюжина пьяных бросилась вдогонку за парой, и Ханна невольно отстала, потому что узкий корсет не позволял нормально дышать.

– Грейс! – крикнула она Фрэнку. – Спасай Грейс!

И он побежал с маленьким живым комочком в руках от настигающей его толпы в сторону пирса. Его сердце бешено колотилось, и внезапно Фрэнк почувствовал в груди острую боль, которая отдалась в руке. Он продолжил бежать по деревянному настилу, прыгнул в первую попавшуюся лодку и начал отчаянно грести в море, где они с Грейс смогли бы оказаться в безопасности и переждать, пока все не протрезвеет.

В его жизни бывали и худшие дни.

Глава 18

Чем бы Изабель ни занималась в течение дня – а работы и забот всегда хватало, – она постоянно ощущала, где в данный момент находится Люси, благодаря невидимым нитям связывающей их любви. Она никогда не сердилась – ее терпение не знало границ. Сброшенная на пол еда или следы грязных ладошек на стенах ни разу не вызвали ее недовольного окрика или взгляда. Если Люси просыпалась ночью, Изабель успокаивала ее нежно и ласково. Она принимала дар, посланный ей судьбой, целиком и ни на что не роптала.

Если малышка засыпала после обеда, Изабель отправлялась к деревянным крестам на мысу. Здесь находилась ее церковь, ее святилище. Здесь она молилась и просила Господа направить ее и помочь стать достойной матерью. Здесь она молилась и о Ханне Ронфельдт. Но та для нее являлась не конкретным человеком из плоти и крови, а, скорее, кем-то абстрактным. Другое дело – Люси: любой ее звук и гримаска говорили Изабель об очень многом. Изабель с упоением наблюдала, как это подлинное чудо в лице маленькой девочки росло и развивалось, напоминая дар, истинная ценность которого осознавалась только со временем. С первыми словами, которые училась произносить малютка, в ней уже угадывалась личность, способная выражать свои чувства и внутренний мир.

Изабель сидела в часовне без окон, дверей и пастора и благодарила Господа. А ответом на мысли о Ханне Ронфельдт, если Изабель о ней думала, всегда являлось одно и то же: она не могла отослать эту кроху на материк и тем самым поставить под угрозу счастье Люси. А Том? Он хороший человек и всегда поступал правильно. В этом можно было не сомневаться. Со временем он обязательно обретет внутренний мир и покой.

Однако их внутренние миры уже разделяла невидимая полоска ничейной земли.

Постепенно ритм жизни на Янусе вошел в свою колею, и Том втянулся в повседневные заботы. Иногда, просыпаясь ночью от беспокойных снов с погасшими свечами и компасами без стрелок, он заставлял себя подавить внутреннюю тревогу и ждал рассвета, чтобы солнечный свет развеял ее. И уединение на острове помогало заглушить волнения музыкой лжи.

– А ты знаешь, какой сегодня день? – спросила Изабель у Люси, стаскивая через ее голову свитер и помогая вытащить из рукавов ручки. После возвращения на Янус в январе 1928 года минуло шесть месяцев. Девочка чуть подняла голову и неопределенно промычала, выигрывая время.

– Подсказать?

Люси кивнула.

Изабель сняла с ее ноги первый носочек.

– Подумай! Теперь вторую ножку... Вот так, молодец! Ладно, дам тебе подсказку. Если ты будешь себя очень хорошо вести, то вечером могут появиться апельсины...

– Катер! – закричала девочка и, соскользнув с коленей матери, запрыгала в одном ботинке, а второй так и остался в ладошке. – Катер, катер!

– Правильно. Поэтому давай вместе уберемся, чтобы в доме у нас все блестело, когда приедут Ральф и Блюи?

– Да! – закричала малышка и рванулась на кухню. – Папа, Альф и Буи едут!

Том подхватил ее и поцеловал.

– Ждешь не дожدهшься? Сама не забыла или кто подсказал?

– Мама подсказала! – призналась кроха и, оказавшись на полу, снова побежала к Изабель.

Вскоре они, облачившись в калоши и пальто, направились в курятник. У Люси в руках была своя маленькая корзинка.

– Прямо как на показе мод! – заметил Том, проходя мимо них в сарай.

– Зато не простудимся! – отозвалась Изабель и чмокнула его в щеку. – Мы идем за яйцами!

В курятнике Люси собирала яйца, осторожно вытаскивая каждое обеими руками, превращая секундное для Изабель дело в настоящий ритуал. Прижимая каждое яйцо к щеке, она докладывала, что оно «еще теплое» или «уже остыло», а потом передавала Изабель, чтобы положить в корзину. Последнее яйцо она клала в свою корзинку. В конце Люси благодарила каждую несущку отдельно:

– Спасибо, Дафна, спасибо, Пеструшка...

На огороде она помогала Изабель копать картошку и держалась за черенок лопаты.

– Мне кажется, я что-то вижу... – сказала Изабель и подождала, пока Люси увидит верхушку клубня в песчаной почве.

– Вот он! – довольно произнесла Люси и вытащила камень.

– Почти что! – улыбнулась Изабель. – А что лежит рядом? Посмотри внимательнее.

– Тофель! – расцвела Люси и подняла клубень высоко над головой. Осыпавшаяся земля попала в волосы, а затем и в глаза, вызвав слезы.

– Давай-ка посмотрим, – успокоила ее Изабель и, вытерев руки о комбинезон, убрала соринку. – Вот так! Поморгай-ка для мамочки! Видишь, Люси, все прошло! – А маленькая девочка продолжала усиленно моргать.

– Все прошло! – наконец подтвердила она и тут же воскликнула: – Еще тофель!

«Охота» за картофелем возобновилась.

В доме Изабель подмела в каждой комнате пол и собрала налетевший песок в кучки по углам, чтобы легче было вынести все сразу. Отлучившись на минутку проверить, не подгорел ли в духовке хлеб, она увидела, что через все комнаты тянется песчаная дорожка: это Люси пыталась вынести мусор совком.

— Смотри, мама! Я помогаю!

Изабель окинула взглядом следы пронесшегося смерча и вздохнула:

— Я вижу... — и, подхватив Люси на руки, похвалила: — Спасибо. Хорошая девочка! А теперь, чтобы пол был точно чистым, давай подметим еще разик, ладно? — И добавила вполголоса: — Ах, Люси Шербурн, какая же из тебя вырастет хозяйка!

Вскоре появился Том.

— Она готова?

— Да, — ответила Изабель. — Лицо умыто, руки чистые. Все в порядке.

— Тогда в путь, малышка!

— По лестнице, папа?

— Да, по лестнице.

Они вместе отправились к маяку. У ступенек она остановилась и подняла руки вверх, чтобы он мог взяться за них сзади и помогать подниматься.

— А теперь, зайчонок, давай вместе считать. Один, два, три... — Подъем был долгим и утомительным, и Том продолжал считать вслух, хотя Люси уже давно сдалась.

Наверху Люси протянула ручки:

— Нокль!

— Сейчас дадим тебе бинокль, — отозвался Том. — Только сначала усадим на стол. — Он посадил ее прямо на разложенные на столе карты и дал ей бинокль, помогая держать у глаз.

— Видишь что-нибудь?

— Облака.

— Да, облаков сегодня много. А катера не видно?

— Нет.

— Уверена? — засмеялся Том. — Часовой из тебя неважный. А что это вон там? Видишь? Куда я показываю пальцем?

Люси восторженно взбрыкнула ножками.

— Альф и Буи! Апельсины!

— Мама обещала, что привезут апельсины? Что ж, будем ждать.

Через час с небольшим катер пришвартовался. Том с Изабель ждали на причале, а Люси устроилась у Тома на плечах.

— Вот так прием! — восхитился Ральф.

— Пливет! — закричала Люси. — Пливет, люди! Пливет, Альф, пливет, Буи!

Блюи спрыгнул на причал и подхватил канат, брошенный Ральфом.

— Осторожно, Люси! — крикнул он малышке, уже спустившейся на землю. — Не попади под канат! — Он перевел взгляд на Тома. — Господи, да она уже не та малютка, что раньше, а настоящая маленькая девочка!

— Дети растут, — засмеялся Ральф.

Блюи закрепил конец.

— Мы видим ее только раз в несколько месяцев, поэтому и заметно. В городе детей видишь каждый день, вот и кажется, что они не меняются.

— А потом вдруг сразу превращаются во взрослых вроде тебя, — ухмыльнулся Ральф. Он спрыгнул на причал, держа одну руку за спиной. — И кто мне поможет разгрузить катер?

— Я! — тут же вызвалась Люси.

Ральф подмигнул Изабель и вытащил из-за спины руку с лукошком персиков.

— Тогда вот тебе очень и очень тяжелый груз!

Люси взяла лукошко обеими руками.

— Люси, это надо нести очень осторожно! — Изабель повернулась к Ральфу. — Я могу захватить с собой что-нибудь, Ральф. — Он вернулся на катер и передал ей почту и несколько легких свертков. — Я буду вас ждать в доме и поставлю пока чайник.

После ужина, когда взрослые допивали чай на кухне, Том заметил: — Что-то Люси давно не слышно...

— Она, наверное, заканчивает рисунок для моих родителей. Пойду проверю...

Но прежде чем она успела подняться, на кухне появилась Люси, нарядившись в волочившуюся по полу юбку матери и ее туфли на каблучках, а на шее у нее были голубые стеклянные бусы, которые прислала в подарок Изабель Виолетта с этим катером.

— Люси! — обратилась к ней Изабель. — Ты копалась в моих вещах?

— Нет! — заверила та, широко раскрыв глаза.

Изабель покраснела.

— Я вообще-то не разбрасываю свое белье, — смутившись, пояснила она гостям. — Пойдем, Люси, пока ты не простудилась в таком виде. И заодно поговорим, что нельзя копаться в чужих вещах. И говорить неправду. — Улыбаясь, она вышла из кухни, не заметив, как при последних словах по лицу Тома пробежала тень.

Люси, радостно прыгая вокруг Изабель, направилась с ней в курятник за яйцами. Она с изумлением смотрела на цыплят, вылупившихся из яиц, и осторожно подносила их к подбородку, чтобы почувствовать на коже их янтарный пушок. Иногда, выдергивая морковь, она тянула с такой силой, что садилась на попу, а вся ее одежда была запачкана.

— Ну и грязнуля! — смеялась Изабель. — Поднимайся скорее!

Люси сидела на коленях у матери за пианино, и та помогала ей нажимать указательным пальцем на нужные ноты, наигрывая простенькую мелодию «Трех слепых мышат». Затем Люси говорила, что дальше будет играть сама, и устраивала настоящую какофонию, беспорядочно ударяя по клавишам.

Люси, устроившись на кухонном полу, часами что-то рисовала цветными карандашами на обратной стороне старых использованных бланков, а потом с гордостью показывала на нагромождение хаотичных линий и объясняла:

– Это мама, папа и Маяковская Лулу.

Для нее стотридцатифутовая башня была самым что ни на есть обыкновенным сооружением на заднем дворе их дома. Наряду со словами «собачка» и «кошка», о которых она имела представление только по картинкам в книжках, она освоила значение слов «линза», «призма» и «рефракция», причем куда более предметно.

– Это моя звезда! – сообщила она однажды Изабель и указала на нее в небе. – Мне ее подарил папа!

Она рассказывала Тому разные истории о рыбах, чайках и кораблях. На пляже Люси обожала оказываться между Томом и Изабель, чтобы они, взяв ее каждый за руку, подбрасывали высоко вверх.

Ей нравилось называть себя Маяковой Лулу, и под этим именем она фигурировала в понятных только ей одной рисунках или рассказах о себе.

Океаны никогда не знали покоя. У них нет ни начала, ни конца. Не знал постоянства и ветер. Иногда он мог ненадолго стихнуть, чтобы неожиданно обрушиться на остров с новой силой, будто безуспешно пытаясь что-то втолковать Тому. Здесь, на острове, время измерялось миллионами лет, а скалы были похожи на игральные кости размером в сотни футов, брошенные на водную гладь, которая за тысячелетия обточила их ребра и превратила в крутые утесы. Том смотрел, как Изабель с Люси плещутся в Райской Лагуне, и малышка радовалась соленым брызгам и ярко-синей морской звезде, которую нашла. Гордость и волнение озаряли ее лицо, будто эта звезда – творение ее рук.

– Папа, смотри! Моя морская звезда!

Тому было трудно совместить в голове две несовпадающие шкалы времени: острова и ребенка.

Он не переставал изумляться, что короткая жизнь этого крошечного существа значила для него больше всех тысячелетий.

Том безуспешно пытался разобраться в своих чувствах. Как это возможно ощущать одновременно нежность и смущение, когда она его целовала на ночь? Или подставляла для поцелуя оцарапанную коленку, чтобы та быстрее зажила?

Да и при мысли об Изабель он не только испытывал любовь и влечение, но почему-то начинал задыхаться. Это мучало его и лишало покоя.

Временами, сидя в одиночестве на маяке, он пытался представить себе Ханну Ронфельдт. Какая она? Высокая? Полная? Похожа ли на нее Люси? Но воображение рисовало только залитое слезами лицо, закрытое руками. Том вздрагивал и старался отвлечься работой.

В этом маленьком мире, свободном от газет и сплетен, ребенок был здоров, счастлив и любим. Остров изолирован от внешнего мира. Бывало, что Том, будто опьяненный безоблачной семейной жизнью, неделями чувствовал себя абсолютно счастливым.

– Пусть это будет нашим от папы секретом. Я скажу, когда можно ему рассказать. Люси серьезно посмотрела на Изабель.

– Я ничего не должна говорить, – подтвердила она, кивая. – А можно мне печенье?

– Сейчас. Только сначала я заверну.

В сентябре 1928 года катер тайком от Тома доставил несколько свертков, которые Блюи незаметно передал Изабель, когда Ральф отвлек его разгрузкой. Подготовить для Тома сюрприз на день рождения оказалось нелегкой задачей и потребовало многомесячных усилий. Сначала Изабель написала матери и приложила список. Поскольку все их деньги были на счете, открытом на Тома, Изабель пообещала все оплатить во время следующего приезда на материк.

Выбрать подарки для Тома было тоже непросто: с одной стороны, он обрадуется всему, что получит, с другой – он ничего не хотел. В конце концов Изабель остановилась на перьевой авторучке фирмы «Конвей Стюарт» и последнем издании ежегодного справочника по крикету «Уизден», чтобы подарок был и практичным, и развлекательным.

Когда она как-то вечером спросила у Люси, что ей хочется подарить папе, девочка задумчиво намотала на пальчик локон и ответила:

– Звезды!

– Вряд ли нам это по силам, Люси, – засмеялась Изабель.

– Но я хочу! – заупрямилась Люси.

И тогда Изабель осенило.

– А что, если мы подарим ему карту звездного неба? Атлас?

– Да!

И вот теперь они сидели перед тяжелым фолиантом и Изабель спросила:

– Что ты хочешь написать на первой странице?

Вложив ручку в ладошку девочке, Изабель взяла ее руку в свою и начала писать неровными буквами дарственную надпись: «Моему папуле. Буду любить его всегда-всегда...»

– Еще! – потребовала Люси.

– Что еще?

– Еще «всегда-всегда-всегда...».

Изабель рассмеялась, и по странице поползла длинная строчка из слова «всегда».

– А что напишем в конце? «От любящей дочурки Люси»?

– «От Маяковой Лулу».

Маленькая девочка начала выводить буквы с матерью, но скоро ей это надоело и она слезла с колен посередине строчки.

– Дальше напиши сама! – бесцеремонно распорядилась она.

Изабель дописала строчку и добавила в скобках: «(Записано Изабель Шербурн под диктовку вышеуказанной стороны)».

Когда Том развернул пакет, что было непросто, поскольку Люси закрывала ему ладошками глаза, он произнес:

– Да это книга...

– Это атлас! – закричала Люси.

Том взял подарок. «Звездный атлас Брауна с описанием всех ярких звезд и подробным указанием, как их найти и использовать для навигации». Он медленно улыбнулся и повернулся к Изабель:

– Люси очень умная девочка, раз смогла придумать такое, верно?

– Читай, папа! Внутри! Я сама писала!

Открыв обложку, Том увидел надпись. Он продолжал улыбаться, но повторяющееся слово «всегда» его больно кольнуло. «Всегда» не могло относиться к этому ребенку, и тем более к данному месту. Он поцеловал Люси в макушку:

– Ты просто замечательная, Маяковая Лулу! Это самый чудесный подарок за всю мою жизнь.

Глава 19

– Если мы сумеем выиграть хотя бы сейчас, то позора удастся избежать, – сказал Блюи.

Сборная Австралии по крикету проиграла дома первые четыре матча традиционного турнира с англичанами сезона 1928—1929 годов, и в марте, когда катер пришел на Янус, в Мельбурне разыгрывался финал. Блюи вводил Тома в курс происходящего, пока они занимались разгрузкой:

– Брэдман заработал свои сто очков. Пока держится. Заставил Ларвуда попотеть, если верить газетам. Тут дело такое – матч продолжается уже четыре дня! Похоже, на этот раз игра будет долгой.

Ральф отправился на кухню передать Люси очередные подарки от Хильды, а Том и Блюи перенесли в сарай последние четыре мешка муки.

– У меня там работает кузен, – сообщил Блюи, ткнув пальцем в логотип производителя на мешке.

– На мукомольном заводе? – уточнил Том.

– Ну да! Думаю, там хорошо платят. И можно взять бесплатно муки сколько хочешь!

– Каждая работа имеет свои плюсы.

– Само собой. Вот у меня – вдоволь воздуха, чтобы дышать, и воды, чтобы плавать, – засмеялся Блюи и обернулся посмотреть, нет ли поблизости шкипера. – Кузен зовет к себе, уверяет, что работы там полно. – Он помолчал и неожиданно добавил как бы между прочим: – Вообще-то мне кажется, что работа бакалейщика ничем не хуже.

На Блюи это совсем не было похоже. Иногда он мог поболтать о результатах ежегодного национального турнира по крикету или похвастаться удачной ставкой на скачках. Он мог вспомнить своего брата Мерва, погибшего в самый первый день Галлиполийской операции, или рассказать что-нибудь о своей овдовевшей матери. Том понял, что последнюю фразу Блюи произнес неспроста.

– А при чем тут бакалейщик?

Блюи пнул ногой мешок, чтобы тот лег ровнее.

– А каково это – быть женатым?

– Что? – опешил Том от неожиданного вопроса.

– Я имею в виду – оно того стоит?

Том сделал вид, что изучает опись доставленных грузов.

– Ты хочешь мне что-то рассказать, Блюи?

– Нет.

– Тебе виднее, – кивнул Том. Если набраться терпения, то со временем все разъяснится. Так всегда бывало.

Блюи поправил еще один мешок.

– Ее зовут Китти. Китти Келли. У ее отца бакалейная лавка. Мы с ней встречаемся.

Том приподнял брови и улыбнулся:

– Поздравляю!

– И я... ну, не знаю... Я подумал... может, нам пожениться? – Заметив, как у Тома изменилось лицо, он поспешил добавить: – Нет-нет, никакой необходимости в этом нет! Ничего подобного! Если честно, мы даже не... я хочу сказать, что отец не спускает с нее глаз. И мать тоже. И братья. А миссис Мьюитт – кузина ее матери, так что сам понимаешь, что это за семья.

Том засмеялся:

– Так в чем проблема?

– Это серьезный шаг. Я понимаю, что рано или поздно все женятся, только как узнать, что настало время...

– Я в этом вряд ли хорошо разбираюсь. Я женился всего один раз и до сих пор привыкаю к новой роли. А почему ты не спросишь Ральфа? Он женат на Хильде с незапамятных времен и вырастил детей. Думаю, он в этом разбирается больше.

– Я не могу спросить у Ральфа.

– Почему?

– Китти считает, что, если мы поженимся, мне придется уйти с катера и начать работать в бакалейном деле. Говорит, боится, что я утону и не вернусь из рейса.

– Оптимизма ей не занимать, верно?

Блюи был явно растерян.

– Нет, серьезно! Каково это – быть женатым? Иметь ребенка и все такое?

Том задумчиво взъерошил волосы, размышляя над ответом и с трудом подыскивая нужные слова.

– На нас вряд ли можно ориентироваться. Семейных пар, которые живут на маяке в полной изоляции, не так много. А если честно, то однозначного ответа я тебе дать не могу: в разные дни по-разному. В браке есть и свои плюсы, и свои минусы. Но в одном можешь не сомневаться – быть мужем намного сложнее, чем быть холостым.

– Мать говорит, что мне еще рано жениться и я сам как несмышленый ребенок.

Том невольно улыбнулся:

– Думаю, она будет говорить то же самое, когда тебе стукнет полтинник. Тут дело вовсе не в разуме, а в чувстве. Доверься тому, что тебе подсказывает сердце, Блюи. – Он помолчал. – Но семейная жизнь отнюдь не простая штука, даже если у тебя хорошая жена. Брак – это долгое плавание, и никогда не знаешь, что тебя ждет впереди. Вступая в брак, ты соглашаешься на все возможные издержки, и пути назад уже не будет.

– Папа, смотри! – В дверях сарая появилась Люси, размахивая плюшевым тигренком, присланным Хильдой. – Он рычит! Слушай! – И она перевернула его, чтобы он зарычал.

Том подхватил ее на руки. Через маленькое окошко было видно, как к ним направляется Ральф.

– Ну ты и везунчик! – сказал Том, щекоча ей шейку.

– Везунчик Люси! – радостно согласилась она.

– А быть отцом? Каково это? – спросил Блюи.

– Сам видишь.

– Нет, я серьезно. Скажи!

Том задумался.

– Это нельзя объяснить, Блюи. Ты не поверишь, с какой легкостью ребенок взламывает всю твою оборону и овладевает душой. И для тебя это полная неожиданность.

– Пусть он порычит, папа! – потребовала Люси. Том ее поцеловал и перевернул игрушку.

– Только не говори никому, ладно? – попросил Блюи и, подумав, добавил: – Хотя все и так знают, что ты не любишь болтать попусту.

С этими словами он повернулся к девочке и тоже шутливо зарычал.

Иногда человеку просто везет. И если короткую соломинку вытягивает другой, не следует винить себя и терзаться сомнениями. Том прибывал доску, сорванную с курятника ночным ветром. Он полжизни старался бороться с ветрами жизненных невзгод, делая то, что должно.

Вопросы Блюи разбредили старые раны. Но каждый раз, когда Том думал о незнакомке из Партагеза, потерявшей ребенка, перед глазами возникал образ Изабель: она потеряла своих детей и никогда не сможет больше родить. Она понятия не имела о Ханне, когда к острову прибило ялик с Люси, и всего лишь хотела сделать так, как будет лучше для ребенка. И все же! Он понимал, что дело не только в Люси. Изабель испытывала внутреннюю потребность наполнить свою жизнь чем-то, чего Том при всем желании не мог ей дать. Ради того, чтобы быть с ним рядом здесь, она отказалась от всего: от привычного комфорта, любящих родителей, старых друзей. И он снова себе повторял, что не может лишать ее еще и радости материнства.

Изабель устала. Из доставленных припасов она тут же замесила тесто для хлеба и кекса и занялась сливовым вареньем, запасов которого должно было хватить до конца года. Она отлучилась из кухни всего на одно мгновение, которого хватило, чтобы Люси, почувствовав вкусный запах, успела обжечься о раскаленный таз, в котором варились сливы. Ожог был несильным, но никак не давал ей уснуть. Том забинтовал ей ручку и дал немного аспирина, но и к ночи Люси по-прежнему беспокойно ворочалась.

– Я заберу ее с собой на маяк и присмотрю за ней, – предложил Том. – Мне все равно нужно оформить все, что привез катер, а ты совсем выбилась из сил.

Изабель нехотя согласилась.

Подхватив малышку одной рукой, а одеяло и подушку другой, Том осторожно поднялся по ступенькам маяка и положил ребенка на стол с картами.

– Спи, маленькая, – сказал он, но она уже и так дремала.

Том погрузился в колонки цифр, суммируя имевшиеся на острове запасы топлива, а также упаковки с капильной сеткой. Сверху слышался ровный низкий гул вращавшегося механизма, а внизу одиноко светилось окошко в доме.

Он работал почти час, когда что-то заставило его обернуться: на него пристально смотрела Люси, и ее глаза в мягком свете лучились. Встретившись с ним взглядом, Люси улыбнулась, и Том снова невольно поразились, каким чудом была эта девочка – такая прекрасная и беззащитная. Она подняла забинтованную ручку и осмотрела ее.

– У меня рана, папа, – заявила она, нахмурившись, и потянулась к нему.

– Спи, малышка, – отозвался Том и отвернулся, чтобы продолжить работу, но ребенок не отставал.

– Спой мне песенку, папа, – попросила она, продолжая протягивать руки.

Том посадил ее на колени и тихонько покачал.

– Если я начну петь, то тебе приснятся кошмары, Лулу. Песенки умеет петь мама, а не я.

– У меня болит ручка, – сообщила она, показывая на бинт в доказательство.

– Я знаю, зайчонок. – Он осторожно дотронулся губами до бинта. – Скоро все заживет, вот увидишь. – Он поцеловал ее в лоб и погладил светлые волосы. – Ах, Лулу, Лулу! Как же ты оказалась на этом острове? – Он обернулся и бросил взгляд на океан, скрывавшийся в кромешной мгле. – Как же ты оказалась в моей жизни?

Она постепенно засыпала и вскоре затихла у него на руках. Том шепотом, который и сам едва слышал, произнес вопрос, который никак не давал ему покоя:

– Как же тебе удается так на меня действовать?

Глава 20

– Я и понятия не имел, что он пытался со мной связаться.

Том с Изабель сидели на веранде. Он вертел в руках старый потрепанный конверт, адресованный ему в «13-й батальон Австралийских Императорских сил». На конверте почти не осталось свободного места от переадресаций и бездушных штампов «Вернуть отправителю», которым являлся отец Тома эскавайр Эдвард Шербурн. Письмо они получили с катером в июне вместе с извещением о смерти Эдварда.

Последнее было отправлено адвокатской конторой «Черч, Хаттерсли и Парфитт» и содержало сухое изложение фактов. Рак горла, 18 января 1929 года. Несколько месяцев ушло на установление адреса Тома. Все имущество унаследовал брат Тома Сесил, если не считать медальона матери, вложенного в конверт письма от 1915 года, искавшего Тома по всему миру.

Включив маяк, Том негнущимися пальцами распечатал конверт и принялся за чтение письма, написанного суровым и колющим почерком.

Мерривейл Сидней

16 октября 1915 года

Дорогой Томас! Пишу это письмо, поскольку узнал, что ты завербовался на фронт. Из меня плохой писатель, но раз ты сейчас

так далеко и может случиться всякое, что помешает нам свидеться, другого выхода у меня нет.

Многих вещей я не смогу объяснить, не представив твою мать в дурном свете, но не хочу усугублять и без того плохие отношения, поэтому о чем-то просто умолчу. Я чувствую себя виноватым, что не выполнил одну просьбу, и хочу это исправить. Прилагаю медальон, который твоя мать просила тебе передать, когда уходила. Портрет на нее очень похож. Тогда мне казалось, что тебе лучше ничем не напоминать о ней, и я не стал его отдавать. Решение, что твоя дальнейшая жизнь сложится лучше без напоминания о матери, далось мне нелегко.

Сейчас, когда она скончалась, я считаю, что должен выполнить ее просьбу, пусть и с большим опозданием.

Я старался вырастить тебя хорошим христианином. Я старался дать тебе самое хорошее образование. Надеюсь, мне удалось научить тебя видеть разницу между добром и злом: никакие мирские успехи или удовольствия не стоят потери своей бессмертной души.

Я горжусь твоим решением пойти на фронт добровольцем. У тебя есть чувство ответственности, и после войны я с удовольствием помогу тебе встать на ноги в бизнесе. У Сесила есть деловая хватка, и я рассчитываю, что после моей отставки он достойно сменит меня на посту руководителя фабрики. Не сомневаюсь, что и для тебя в нашем бизнесе найдется хорошее место.

Мне было больно, что о твоём отбытии на фронт я узнал от других. Я бы с радостью посмотрел на тебя в военной форме и проводил, но, видимо, после поисков матери и новости о ее кончине ты не хочешь иметь со мной ничего общего. Поступай, как считаешь нужным. Если ты решишь ответить на письмо, я буду очень рад. Как-никак ты мой сын, и, пока сам не станешь отцом, ты вряд ли поймешь все, что стоит за этими словами.

Если же ты предпочтешь не отвечать, я приму твой выбор и больше не потревожу. Но все равно я буду молиться, чтобы ты остался цел и невредим и вернулся домой с победой.

Твой любящий отец

Эдвард Шербурн.

Казалось, с момента их последней встречи прошла целая вечность. Как, должно быть, непросто ему было написать такое письмо! Сам факт, что отец пытался связаться с ним после горькой сцены расставания, явился для Тома настоящим потрясением. Он уже не знал, во что и верить. Может, своей нарочитой суровостью отец хотел лишь скрыть кровоточащую рану? Том впервые задумался о том, что за внешней бесчувственностью скрывался человек высоких моральных устоев, уязвленный в самое сердце изменой женщины, которую он любил, и не имевший возможности ни с кем поделиться своей болью.

Том искал мать с вполне определенной целью. Стоя на пороге пансиона в начищенных туфлях и с подстриженными ногтями, он еще раз мысленно повторил давно заготовленную фразу: «Прости меня за все, что случилось». Он вдруг почувствовал себя слабым и неуверенным, совсем как мальчишка, который ждал возможности сказать эти слова целых тринадцать лет. К горлу подкатился комок. «Я только сказал, что видел автомобиль. Что он стоял возле дома. Я не знал...»

Он понял значение этих слов, сказанных без всякой задней мысли, только много лет спустя. Его мать объявили недостойной и изгнали из его жизни. Но паломничество Тома с целью получить прощение было слишком поздним, и она никогда не отпустит ему греха предательства, пусть даже и ненамеренного. Слова обладают способностью повлечь за собой самые нежелательные последствия. И он понял, что своими мыслями лучше никогда и ни с кем не делиться.

Том перевел взгляд на портрет матери в медальоне. Наверное, его любили оба родителя, только каждый по-своему. Он вдруг разозлился на отца. У него даже не было сомнений в своем праве лишить его матери – таком искреннем и таком разрушительном.

Заметив, как от упавшей капли расплзлись чернила, Том понял, что плачет. «Пока ты сам не станешь отцом, ты вряд ли поймешь...»

Сейчас возле Тома на веранде сидела Изабель, и до него донеслись ее слова:

– Хотя вы и не виделись так много лет, он все равно был твоим отцом. И второго у человека быть не может. Понятно, что ты расстроился, милый.

Том подумал, что Изабель, наверное, и сама не понимает всю иронию своего утверждения, особенно в их положении.

– Иди сюда, Люси, и попей какао, – позвала Изабель.

Девочка подбежала и взяла чашку обеими руками. Отпив, она вытерла губы рукой и вернула чашку.

– Скок-скок! – весело прокричала она. – Я скачу в Партагез повидать бабушку и дедушку! – И побежала к деревянной лошадке-качалке.

Том снова опустил глаза на портрет в медальоне.

– Я все время считал, что она меня ненавидела, потому что я выдал ее тайну. Я не знал о медальоне... – Он стиснул зубы. – А это бы многое изменило.

– Я не знаю, что тут сказать. А мне так хочется найти нужные слова... чтобы тебе стало легче.

– Мама, я есть хочу! – заявила, вернувшись, Люси.

– С такой беготней неудивительно, – сказала Изабель, подхватывая ее на руки. – Иди-ка сюда. Давай обнимем папу. Ему сегодня грустно. – И она посадила девочку ему на колени, чтобы они могли обе крепко обнять его.

– Улыбнись, папа, – сказала Люси. – Вот так! – показала она, растягивая рот до ушей.

Солнце с трудом пробивалось сквозь тучи на горизонте и дождь, который шел где-то вдалеке. Люси сидела на плечах у Тома, радуясь своему «высокому» положению. – Туда! – закричала она, показывая пальчиком налево. Том послушно повернул и понес ее к низине. Одна из коз сбежала из огороженного для пастбища загона, и Люси настояла, чтобы ее тоже взяли на поиски.

В бухточке козы не было. Что ж, далеко она не могла уйти.

– Поищем в другом месте, – предложил Том и, вернувшись обратно на поле, спросил: – Куда теперь, Лулу? Выбирай!

– Теперь туда! – показала она на противоположную сторону острова, и они двинулись в путь.

– А какие ты знаешь слова, которые похожи на слово «коза»?

– Стрекоза!

– Верно. А еще?

– Слеза? – предложила девочка.

Том засмеялся.

– А что бывает, когда набегают тучи?

– Дождь.

– Правильно. А что еще, только похоже на слово «коза»? Начинается на букву «Г».

– Гроза! – Он пощекотал ей животик. – «Гроза», «слеза», «коза»... Кстати... Посмотри-ка, Люси, вон туда, возле пляжа.

– Вон она! Бежим, папа!

– Нет, зайчонок. Мы же не хотим ее испугать. Мы подойдем потихоньку.

Отвлекшись на Люси, Том не сразу сообразил, где теперь пасется коза.

– Слезай, малышка. – Он снял Люси с плеч и опустил на траву. – Будь хорошей девочкой и подожди меня здесь, пока я приведу Флосси. Я привяжу ей веревку на шею, и она смиренно пойдет за нами.

– Хорошо, Флосси. Пойдем, не упрямясь. – Коза подняла голову и отпрыгнула. – Ну же, стой смиренно! – Том поймал ее и привязал веревку. – Вот так, хорошо. Лулу... – Обернувшись, он почувствовал, как по спине пробежали мурашки, и тут же понял почему.

Люси сидела на небольшом бугорке, где трава росла гуще, чем вокруг. Обычно он старался избегать этой части острова, которая казалась ему мрачной, каким бы солнечным ни выдался день.

– Смотри, папа, я нашла где посидеть! – с гордостью сообщила Люси.

– Люси, немедленно встань! – закричал он, не сдержавшись.

Личико Люси скривилось, из глаз брызнули слезы, и она разревелась – на нее никогда раньше не кричали.

Том подбежал к ней и подхватил на руки.

– Прости меня, Люси, я не хотел тебя испугать, – успокаивающе произнес он, стыдясь своей несдержанности. Все еще нервничая, он отошел на несколько шагов в сторону. – Это плохое место, чтобы сидеть, малышка.

– А почему? – не успокаивалась она. – Это мое место! Оно волшебное.

– Просто... – Он положил ее головку на сгиб руки и повторил, целуя в макушку: – Просто это плохое место, чтобы сидеть, моя радость.

– Я плохая? – поинтересовалась Люси, явно сбитая с толку.

– Нет, не плохая. Все хорошо. – Он поцеловал ее в щеку и убрал наверх прядь волос, упавшую ей на глаза.

Но впервые за все эти годы он вдруг отчетливо ощутил, что те же самые руки, что держат сейчас Люси, опускали в могилу тело ее отца. Закрыв глаза, он припомнил, как это было, и ему показалось, что Люси весит гораздо больше, чем то мертвое тело.

Он почувствовал, что Люси тербит его за щеку.

– Папа, посмотри на меня! – попросила она.

Он открыл глаза, посмотрел на нее и, сделав глубокий вдох, произнес:

– Пора отвести Флосси домой. Ты возьмешь веревку?

Девочка кивнула, и он, намотав веревку ей на руку, посадил Люси на бедро и зашагал вверх по холму.

Тем же вечером Люси, прежде чем залезть в кресло, обернулась к Тому:

– Это хорошее место, чтобы сидеть, папа?

Он чинил дверную ручку и ответил, не отрываясь от работы:

– Да, это хорошее место, Лулу.

Когда вошедшая Изабель хотела сесть рядом с ней, Люси закричала:

– Нет, мама, не садись! Это плохое место, чтобы сидеть!

Изабель засмеялась:

– Но я всегда здесь сижу, милая. Это очень удобное место.

– Это плохое место. Папа, скажи!

– О чем это она, папа?

– Я потом тебе расскажу, – пообещал он и взял отвертку, надеясь, что Изабель забудет.

Но она не забыла.

Уложив Люси в кроватку, Изабель снова спросила:

– Что это за странные разговоры насчет места, где сидеть? Она снова разволновалась, когда я села на кровать рассказать сказку на ночь. Сказала, что ты очень рассердишься.

– Она просто придумала такую игру. Завтра наверняка все забудет.

Но Люси вызвала к жизни призрак Фрэнка Ронфельдта, и теперь его лицо неизменно возникало перед глазами Тома, стоило ему посмотреть в сторону могил.

«Пока ты сам не станешь отцом...» Он много думал о матери Люси, но только сейчас в полной мере осознал, какое святотатство совершил по отношению к ее отцу. Из-за Тома никакой пастор или священник не мог отслужить подобающую службу по усопшему, и даже память о нем не сохранится в сердце Люси, а любой отец имел право хотя бы на это. Всего лишь мгновение и несколько футов земли отделяли Люси от Ронфельдта и всех поколений ее предков. Том похолодел при мысли, что мог стать убийцей родственников человека, который дал жизнь Люси. А исключать такого было нельзя. И неожиданно из закоулков сознания всплыли осуждающие лица убитых им на войне врагов, которые он так старательно пытался похоронить в глубинах своей памяти.

На следующее утро, когда Изабель и Люси отправились в курятник за яйцами, Том решил прибраться в гостиной, собрать карандаши Люси в оловянную коробку из-под печенья и сложить в стопку разбросанные книги. Среди них он обнаружил Псалтырь, который Ральф подарил Люси на крещение, и Изабель часто читала ей оттуда выдержки. Том полистал тонкие страницы, украшенные по углам золотым тиснением, и наткнулся на псалом 36. «Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут».

В дверях показалась Изабель и устроившаяся у нее на закорках Люси – обе чему-то весело смеялись.

– Вот это чистота! Неужели у нас побывали эльфы? – спросила Изабель.

Том захлопнул книгу и положил сверху стопки.

– Решил помочь навести порядок, – пояснил он.

Через несколько недель сентябрьским днем Ральф и Том, закончив разгрузку, присели отдохнуть у сарая. Блюи был на катере и чинил заедавшую якорную цепь, а Изабель с Люси пекли на кухне имбирные пряники. Мужчины устали и потягивали пиво, глядя на первые робкие лучи весеннего солнца.

Том уже давно решил поговорить с Ральфом и заранее продумал, как выйти на нужную ему тему. Откашлявшись, он спросил:

– Ты когда-нибудь... поступал плохо, Ральф?

Старик бросил на Тома удивленный взгляд:

– Это еще что за вопрос, черт возьми?

Несмотря на подготовку, Том с трудом подбирал слова и говорил запинаясь.

– Я имею в виду... в общем... что ты делаешь, если поступил неправильно? Как исправляешь ошибку? – Том не сводил глаз с черного лебедя на этикетке бутылки и старался не выдавать волнения. – Если она серьезная?

Ральф отхлебнул пива и медленно кивнул, глядя на траву:

– Ты о чем-то конкретном? Решай сам: я не из тех, кто любит совать нос в чужие дела.

Том сидел, не шевелясь и представляя, какое испытает облегчение, если расскажет правду о Люси.

– У меня умер отец, и его смерть заставила задуматься, что я сделал неправильного в жизни и как это исправить. – Том уже собирался продолжить, но тут перед глазами возникла картина, как Изабель обмывала тельце мертворожденного сына, и он замялся. – Я даже не знаю их имен... – Том сам удивился, как быстро услужливая память подсказала ему выход, заменив одну вину другой.

– Имен кого?

Том помолчал, будто в последний раз взвешивая, стоит ли нырнуть с крутого обрыва, и сделал глоток пива.

– Людей, которых я убил. – Слова прозвучали тяжело и веско.

– Это война. Там или убиваешь сам, или убьют тебя, – рассудительно отозвался Ральф.

– Чем больше проходит времени, тем безумнее кажется все, что я делал. – Том начал задыхаться, физически ощущая себя в западне и чувствуя, как безжалостно сжимаются тиски мучивших его годами мыслей, наполненных виной и раскаянием.

Ральф не шевелился, ожидая продолжения. Том, охваченный дрожью, резко к нему повернулся:

– Господи Боже! Я просто хочу поступить правильно, Ральф! Скажи мне, правильно – это как? Я больше так не выдержу! – Он всхлипнул и с яростью грохнул бутылкой о землю. Та угодила в камень и разлетелась на мелкие осколки.

Ральф обнял его за плечо:

– Ну-ну, успокойся! Я пожил на этом свете куда больше тебя и видел всякое. Добро и зло иногда так переплетены вместе, что похожи на клубок змей, отделить которые друг от друга возможно, только убив всех, но может быть уже слишком поздно.

Ральф помолчал, не сводя с Тома глаз.

– Вопрос в том, есть ли смысл ворошить прошлое. Время нельзя повернуть вспять. – Фраза, произнесенная нейтральным тоном и не содержащая ни оценки, ни осуждения, все равно больно кольнула Тома в самое сердце. – Господи, да самый верный способ заставить парня свихнуться – это позволить ему вечно переделывать сделанное.

Ральф потер палец.

– Будь у меня сын, я бы гордился, окажись он хоть наполовину таким, как ты. Ты хороший человек, Том. И счастливый, с такой женой и дочкой. Думай только о том, как сделать их жизнь лучше. Парень на небесах дал тебе второй шанс, и я думаю, что ему не так важно, что ты сделал или не сделал раньше. Живи настоящим. Исправь то, что сегодня еще можно исправить, и оставь остальное в прошлом. И пусть об этом болит голова у ангелов, дьяволов или кого там еще, кто за это отвечает.

– А горечь? От горечи-то никуда не деться! Она разъедает душу как рак, если ничего не сделать, – пробормотал Том, мысленно продолжая разговор с Ральфом. На следующий день после беседы со шкипером он сидел с Люси в зеркальном коконе световой камеры и полировал латунные детали, а девочка понарошку угощала конфетами тряпичную куклу.

– А у Ляли папа тоже ты? – поинтересовалась она, поднимая на Тома лучистый взгляд голубых глаз.

Том остановился.

– Я не знаю. Может, спросишь у самой Ляли?

Девочка наклонилась и, пошептавшись с куклой, объявила:

– Она говорит, что нет. Ты только мой папа!

Лицо малышки уже перестало быть круглым, и теперь в нем угадывались будущие черты. Волосы посветлели, утратив прежний темный оттенок, бледная кожа, голубые глаза. Интересно, на кого она будет похожа: на отца или мать? Том подумал о светловолосом мужчине, тело которого он предал земле. При мысли о вопросах, которые начнет задавать девочка по прошествии лет, у него по спине побежали мурашки. Сейчас, глядя на себя в зеркало, он понимал, что походит на своего отца в этом же возрасте. Время неизменно выявляло сходство. Партатез был маленьким городком – если в младенце мать может и не узнать своего ребенка, то, глядя на взрослую женщину, разве она не заметит, как они похожи? Эта мысль не давала ему покоя. Зачерпнув тряпкой в банке чистящего порошка, он принялся яростно тереть детали, пока в глазах не зашипало от пота.

Тем же вечером Том стоял на веранде и смотрел, как солнце садится за горизонт. Маяк он уже зажег, и теперь до утра на башне было делать нечего. В голове постоянно крутился совет Ральфа: «Исправь то, что сегодня еще можно исправить».

– Вот ты где, милый, – раздался голос Изабель. – Люси уснула. Мне пришлось прочитать «Золушку» целых три раза! – Она обняла Тома за талию и прижалась к нему. – Мне так нравится, как она перелистывает страницы, делая вид, что читает. Она все сказки знает наизусть!

Том промолчал, и Изабель, поцеловав его в шею, сказала:

– Мы можем лечь пораньше. Я, конечно, устала, но не настолько...

Том по-прежнему не отрывал глаз от воды.

– А как выглядит миссис Ронфельдт?

Изабель не сразу сообразила, что он спрашивал о Ханне Поттс.

– Зачем тебе это?

– А как ты думаешь?

– Она совсем на нее не похожа! У Люси светлые волосы и голубые глаза. Наверное, унаследовала от отца.

– Уж не от нас-то точно! – Он повернулся к жене. – Иззи, мы должны ей сказать.

– Люси? Но она еще слишком маленькая.

– Нет, Ханне Ронфельдт.

Изабель с ужасом на него посмотрела:

– Зачем?

– Она заслуживает того, чтобы знать.

Она содрогнулась. Иногда она и сама задумывалась, что было хуже: знать, что твоя дочь мертва или что жива, но увидеть ее невозможно. Изабель отлично представляла всю глубину страданий Ханны и в какую муку превратилась для нее жизнь. Но она также не сомневалась, что, признав хоть на мгновение правоту Тома, она совершит роковую ошибку.

– Том, мы уже приняли решение. Нельзя ставить свои угрызения совести выше блага Люси.

– «Угрызения совести»? Господи Боже, Изабель, мы говорим не о краже монеты из чьей-то коллекции! Речь о жизни ребенка! И жизни ее матери, раз уж на то пошло! Каждое мгновение нашего счастья украдено у нее! Это не может быть правильным, какие бы доводы мы себе ни приводили.

– Том, ты устал, расстроен и сбит с толку. Утром ты на все посмотришь другими глазами. Я не хочу больше говорить об этом сейчас. – Она коснулась его руки и постаралась унять дрожь в голосе. – Мы... мы живем не в идеальном мире. И должны с этим смириться.

Он смотрел на жену, не в силах избавиться от чувства, что ее не существует. И что вообще ничего не существует, ибо между ними пролегла бездонная пропасть, по обе стороны которой находились две разные реальности, не имевшие больше никаких точек соприкосновения.

Люси особенно нравилось разглядывать фотографии, сделанные во время приезда в Партагез. – Это я! – говорит она Тому, сидя у него на коленях и показывая на лежавший на столе снимок. – Но тогда я была еще маленькая. А теперь я большая девочка.

– Конечно, милая. Тебе исполнится целых четыре года.

– А это, – авторитетно заявляет она, – мамина мама!

– Верно. Мамина мама – твоя бабушка.

– А это папин папа.

– Нет, это мамин папа. Твой дедушка.

Люси на него озадаченно смотрит.

– Понимаю, что легко запутаться. Но бабушка и дедушка не мои мама и папа.

– А кто твои мама и папа?

Том пересадил Люси с одного колена на другое.

– Моих маму и папу звали Элеонора и Эдвард.

– Они тоже мои бабушка и дедушка?

Том ушел от ответа.

– Они оба умерли, милая.

– Понятно, – сказала Люси и кивнула с таким серьезным видом, что Том засомневался, так ли это на самом деле. – Как Флосси.

Том уже и думать забыл о козе, которая заболела и умерла несколько недель назад.

– Да, как Флосси.

– А почему умерли твои родители?

– Потому что они были больные и старые, – ответил он и добавил: – Это случилось уже очень давно.

– А я умру?

– Нет, Лулу, я такого не допущу.

В последнее время вопросы маленькой девочки постоянно выбивали его из колеи. Чем шире становился ее словарный запас, тем больше у нее появлялось возможностей познавать окружающий мир и определять в нем свое место. Тома постоянно мучило, что ее понимание жизни и себя будет основано на одной большой лжи, к появлению которой и доведению до совершенства он тоже приложил руку.

В световой камере маяка все сверкало: Том всегда содержал ее в порядке, но теперь он надраил все металлические детали чуть не до зеркального блеска. В последние дни от него постоянно пахло лаком для металлических изделий. Призмы переливались разноцветными россыпями огней, в помещении не было ни пылинки, все узлы механизма плавно скользили и никогда еще не работали так надежно и слаженно. Однако с жилым домом дела обстояли не так благополучно.

– Ты не мог бы замазать хотя бы эту трещину? – спросила Изабель, когда они сидели на кухне после ужина.

– Замажу, когда подготовлюсь к инспекционному осмотру.

– Но у тебя уже давно все готово! Мы же не королевский визит ожидаем!

– Я просто хочу, чтобы все было в полном порядке, вот и все. Я же тебе говорил, что у нас появилась возможность переехать на маяк в Пойнт-Мур. Он стоит на берегу, рядом с Джералдтоном. Мы будем возле людей. И за сотни миль от Партагеза.

– Было время, когда ты и слышать не хотел об отъезде с Януса.

– Времена изменились.

– Времена не изменились, Том, – сказала она. – Ты сам всегда говорил: если кажется, что маяк изменился, то дело вовсе не в маяке.

– Тебе виднее, что изменилось. – С этими словами он поднялся и, забрав гаечный ключ, направился к сараю, ни разу не оглянувшись.

В тот же вечер Том, прихватив бутылку виски, отправился к скалам смотреть на звезды. Глотая обжигавшую небо жидкость, он подставлял лицо ласковому бризу и разглядывал созвездия.

Остановив взгляд на луче маяка, он вдруг горько рассмеялся. Вспышку света было видно издали, а сам остров всегда оставался во мгле. Маяк служил другим людям и никогда не освещал то, что было расположено рядом.

Празднование, устроенное в Партагезе три месяца спустя, было, по местным меркам, довольно пышным. Из Перта прибыли директор Управления торгового флота и губернатор штата. Местных почетных гостей представляли мэр, начальник порта, викарий и три из последних пяти смотрителей. Все они собрались, чтобы отметить сорокалетнюю годовщину маяка, открытого на Янусе в январе 1890 года. По этому случаю семье Шербурнов был предоставлен краткосрочный отпуск на материке.

Том провел пальцем под накрахмаленным воротничком, чтобы хоть немного ослабить давление на шею.

— Я чувствую себя как рождественский гусь, — пожаловался он Ральфу, пока они стояли за кулисами и украдкой поглядывали на собравшихся. Городские инженеры, служащие порта и Маячной службы, словом, все, кто был связан с маяком на Янусе долгие годы, уже сидели на стульях, расставленных на сцене ровными рядами. Сквозь открытые окна зал наполнялся громкими трелями сверчков. Изабель с родителями сидела сбоку, а Люси устроилась на коленях у Билла Грейсмарка и рассказывала ему детские стишки.

— Помни о бесплатном пиве, сынок, — прошептал Ральф на ухо Тому. — Даже Джок Джонсон вряд ли будет долго сегодня распинаться в таком-то одеянии. — Он кивнул на лысого, обливающегося потом мужчину в мантии, отороченной горностаем, и с цепью мэра на шее, который расхаживал взад-вперед, готовясь выступить с речью перед собравшимися в ратуше горожанами.

— Я сейчас вернусь. «Природа зовет», — сказал Том и направился к туалету, располагавшемуся позади здания.

На обратном пути он заметил женщину, которая пристально на него смотрела.

Он проверил, застегнул ли все пуговицы, и обернулся — вдруг она смотрела на кого-то, шедшего сзади. Но нет, там никого не было, а она продолжала смотреть и, когда он приблизился, спросила:

— Вы, наверное, меня не помните?

Том снова на нее взглянул.

— Извините, наверное, вы меня с кем-то перепутали.

— Это было давно, — сказала она, покраснев. Выражение ее лица чуть изменилось, и он сразу узнал девушку с парохода во время его первой поездки в Партагез. Она постарела и сильно похудела, под глазами были темные круги. Он даже подумал, что она, наверное, чем-то больна. Ему живо припомнилась та каюта, где ее, в ночной рубашке и с круглыми от ужаса глазами, прижимал к стене какой-то пьяный идиот. Но эти воспоминания относились к другому человеку и другой жизни. Он никогда и никому не рассказывал, в том числе и Изабель, об этом инциденте, и что-то ему подсказывало, что теперь говорить об этом уже поздно.

— Я просто хотела вас поблагодарить, — начала женщина, но ее прервал голос, послышавшийся из-за дверей:

— Начинается, лучше поторопиться.

— Прошу меня извинить, — сказал Том. — Боюсь, что мне надо идти. Наверное, мы еще увидимся.

Едва он занял место на сцене, как началась торжественная часть. Прозвучали речи официальных лиц, а бывшие смотрители рассказали несколько забавных историй из жизни на Янусе. Затем на сцену вынесли модель маяка.

— Эта модель, — с гордостью сообщил мэр, — изготовлена на средства нашего местного благотворителя мистера Септимуса Поттса. Я очень рад, что мистер Поттс и его очаровательные дочери Ханна и Гвен почтили своим присутствием наше маленькое собрание, и попрошу вас выразить свою искреннюю признательность, как мы это всегда делаем. — Он показал на пожилого мужчину, сидевшего возле двух женщин, первая из которых оказалась той самой девушкой с парохода. У Тома защемило сердце, и он взглянул на Изабель, которая натянуто улыбалась, хлопая вместе со всеми.

Мэр продолжал:

— И конечно, леди и джентльмены, на нашем собрании присутствует нынешний смотритель маяка на Янусе мистер Томас Шербурн. Не сомневаюсь, что Том с удовольствием скажет несколько слов о жизни на Янусе сегодня. — Он повернулся к Тому и жестом пригласил его выйти вперед.

Том похолодел. Никто не предупреждал его о выступлении. К тому же он никак не мог прийти в себя от мысли, что оказался знаком с Ханной Ронфельдт. Послышались аплодисменты. Мэр снова пригласил его выйти, на этот раз более настойчиво.

— Мы ждем!

Тому вдруг на мгновение показалось, что все произошедшее с момента появления на острове ялика было каким-то ночным кошмаром, от которого он никак не мог очнуться. Но здесь, в зале, он видел Изабель, семью Поттсов и Блюи: значит, все это происходит наяву! Он поднялся и, чувствуя, как бешено колотится сердце, медленно двинулся к трибуне, будто всходил на эшафот.

— Если честно, — начал он, вызвав в зале смехи, — для меня это полная неожиданность. — Он вытер ладони о брюки и ухватился за кафедру, чтобы почувствовать хоть какую-то опору. — Сегодня жизнь на Янусе... — Он замолчал, задумавшись, и повторил: — Жизнь на Янусе...

Как объяснить, что такое изоляция? Как рассказать о жизни, оторванной от всего мира и столь же не похожей на обычную, как и другая галактика? Стекланный колпак, защищавший его уединение на Янусе, со звоном разлетелся на мелкие осколки, и он оказался в зале, заполненном людьми, жившими своей жизнью, со своими заботами и проблемами. И в присутствии Ханны Ронфельдт. В зале повисла тишина, нарушаемая лишь редким покашливанием и скрипом сидений.

— Маяк на Янусе был спроектирован талантливыми архитекторами и возведен смельчаками. Я стараюсь их не подвести. И сделать так, чтобы он всегда светил. — Том нашел выход в описании технических деталей, о которых он мог говорить не думая. — Обычно считают, что источник света должен быть очень ярким, но это не так. На самом деле свечение вызвано пламенем топливных испарений, которые горят в газокапельной сетке. Оно усиливается с помощью системы гигантских стеклянных призм высотой в двенадцать футов, называемых ступенчатыми линзами, которые собирают свет в пучок, причем настолько мощный, что его видно на расстоянии более тридцати миль. Просто удивительно, как слабый свет превращается в такой мощный, что его видно за многие мили... Моя работа... моя работа — это содержать механизм в порядке и обеспечить его вращение.

Жизнь на Янусе похожа на пребывание в другом мире и в другое время, где ничего не меняется, кроме времен года. На побережье Австралии есть десятки маяков, на которых трудятся такие же, как я, смотрители. Наша задача — обеспечить безопасность судоходства и зажигать маяк для всех, кому он может помочь, даже если мы никогда больше не увидим этих

людей и не узнаем о них ничего.

Не знаю, что еще добавить. Разве что одну деталь: никогда не знаешь, что принесут течения и чем океаны могут удивить на следующий день.

Он увидел, как мэр достал карманные часы и посмотрел на циферблат.

– Думаю, что на этом лучше закончить – день сегодня жаркий, и у всех пересохло в горле. Спасибо. – Он резко повернулся и направился к своему месту под скромные аплодисменты слегка озадаченной публики.

– С тобой все в порядке, приятель? – шепотом поинтересовался Ральф. – На тебе лица нет.

– Не люблю сюрпризов, – коротко ответил Том.

Обожавшая вечеринки и приемы миссис Хэзлак страдала от отсутствия в Партагезе светской жизни и сейчас буквально светилась от счастья. Как супруга начальника порта она видела свой долг в создании непринужденной обстановки для всех собравшихся, тем более что прибыли гости из Перта. Она переходила от группы к группе, знакомила присутствующих, напоминала имена и находила общие темы. Она приглядывала за преподобным Норкеллсом, не давая ему увлечься хересом, и успела поболтать с женой суперинтенданта о трудностях стирки золотых позументов на мундирах. Она даже убедила старого Невилла Уитниша рассказать, как в 1899 году он спас экипаж загоревшейся шхуны, перевозившей ром.

– Это случилось еще до создания Австралийского Союза [20]. И задолго до того, как Содружество прибрало к рукам все маяки в 1915 году, после чего развелась ужасная бюрократия, – начал он, и жена губернатора согласно кивнула, мысленно спрашивая себя, знает ли старый смотритель о своей перхоти.

Миссис Хэзлак посмотрела по сторонам, определяя, кому еще нужна ее помощь, и ее взгляд остановился на Изабель.

– Изабель, дорогая, – сказала она, беря ее под локоть. – Какую замечательную речь произнес Том! – И тут же заворковала, обращаясь к Люси, сидевшей у матери на боку: – Уже так поздно, а ты еще не спишь, моя маленькая. Надеюсь, ты не капризничаешь и не огорчаешь свою мамочку.

– Только радуется, – улыбнулась Изабель.

Неожиданно миссис Хэзлак ловко ухватила за руку проходившую мимо женщину.

– Гвен, – сказала она, – ты ведь знакома с Изабель Шербурн?

Гвен Поттс смутилась. Они с сестрой были на несколько лет старше Изабель, учились в закрытой школе-интернате в Перте и плохо ее знали. Заметив замешательство Гвен, миссис Хэзлак тут же пришла на помощь:

– Грейсмарк. Ты ее знаешь как Изабель Грейсмарк.

– Я... ну конечно, я знаю, кто вы, – сказала она с вежливой улыбкой. – Ваш отец – директор школы.

– Да, – подтвердила Изабель, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. Она оглянулась, будто искала спасения.

Миссис Хэзлак уже жалела, что свела их вместе. Дочери Поттса всегда держались особняком и мало общались с местными. К тому же после той истории с ее сестрой... О Господи! Миссис Хэзлак задумалась, как лучше поступить, но в это время Гвен обратилась к Ханне, стоявшей в нескольких футах:

– Ханна, а ты знала, что мистер Шербурн, который только что выступал, женат на Изабель Грейсмарк, дочери директора школы?

– Нет, не знала, – ответила Ханна, подходя к ним и думая о чем-то своем.

Изабель замерла, глядя на ее осунувшееся лицо, и сильнее прижала к себе Люси. Она попыталась что-то сказать, но не могла выдать из себя ни слова.

– А как зовут малышку? – с улыбкой спросила Гвен.

– Люси. – Изабель стоило невероятных усилий, чтобы остаться на месте и не броситься из зала на улицу.

– Чудесное имя, – похвалила Гвен.

– Люси, – произнесла Ханна, будто выговаривая иностранное слово. Она посмотрела на девочку и протянула к ней руку.

Изабель с ужасом наблюдала, как Ханна разглядывает ребенка.

При прикосновении Ханны Люси, казалось, впала в транс. Она не мигая смотрела ей в темные глаза, и обе не шевелились, будто пытались решить какую-то важную задачу.

– Мама, – сказала Люси, и обе женщины вздрогнули.

Люси повернулась к Изабель и потеряла глаза:

– Мама, я хочу спать.

На мгновение Изабель представила, как она передает Люси Ханне. Ведь та была настоящей матерью и имела на девочку все права. Нет, прочь подобные мысли! Она уже давно все решила! Люси оказалась на острове по воле Божьей, и Изабель должна не испытывать сомнения, а подчиниться тому, что уготовано провидением!

– Смотрите, а вот и наш герой дня! – воскликнула миссис Хэзлак, заметив подходившего Тома, и устремилась к другой группе.

Том собирался забрать Изабель и потихоньку исчезнуть с мероприятия, пока собравшиеся разбирали со столов пирожки с мясом и сэндвичи. При виде ее собеседниц у него по спине побежали мурашки, а сердце бешено заколотилось.

– Том, это Ханна и Гвен Поттс, – представила Изабель, выдавливая из себя улыбку.

Том взглянул на жену, потом на Люси и взял ее ладошку в руку.

– Здравствуйте, – поздоровалась Гвен.

– Наконец-то мы познакомились по-настоящему, – сказала Ханна, отрывая наконец взгляд от девочки.

Том лишился дара речи.

– «По-настоящему»? – переспросила Гвен.

– Вообще-то нам приходилось встречаться, правда, очень и очень давно, и я не знала его имени.

Теперь уже Изабель с беспокойством переводила взгляд с мужа на нее.

– Ваш супруг оказался настоящим джентльменом и спас меня от человека, который... повел себя недостойно. – Заметив удивленный взгляд Гвен, она пояснила: – Это случилось на пароходе, шедшем из Сиднея. Я расскажу тебе после. Все это уже дела давно минувших дней. – Ханна повернулась к Тому: – Я и понятия не имела, что вы смотритель маяка на Янусе.

Их разделяло всего несколько дюймов, и в воздухе повисла тяжелая тишина.

– Папа, – наконец прервала ее Люси и потянулась к Тому. Изабель не хотела ее пускать, но она обхватила Тома за шею,

перебралась к нему и, прильнув ухом к его груди, принялась слушать, как сильно бьется сердце.

Том уже собирался воспользоваться предоставленной возможностью и откланяться, но Ханна коснулась его локтя.

– Мне понравились ваши слова, что маяк светит для всех, кому может понадобится помощь. Я могу задать вам вопрос, мистер Шербурн?

Чувствуя, как им овладевает ужас, Том все-таки выдал:

– О чем?

– Он может показаться вам странным, но все же... Может быть так, что суда спасают людей, которых находят в открытом море? Подбирают шлюпки и увозят спасенных на другой конец света. Вам приходилось слышать такие истории?

Том откашлялся.

– В океане бывает всякое. Думаю, что там возможно что угодно.

– Понятно... Спасибо. – Ханна глубоко вздохнула и снова посмотрела на Люси. – Я послушалась вашего совета, – добавила она, – относительно того парня на пароходе. Вы правильно сказали, что у него и так проблем хватало. – Она повернулась к сестре: – Гвен, я, пожалуй, поеду домой. Ты попрощаешься за меня с папой? Мне не хочется его отвлекать. – Она повернулась к Тому и Изабель: – Прошу меня извинить.

Она уже собиралась уйти, но тут Люси помахала рукой:

– Пока-пока.

Ханна попыталась улыбнуться.

– Пока-пока, – отозвалась она и сквозь слезы добавила: – У вас такая чудесная дочь. Прошу прощения.

С этими словами она быстро направилась к двери.

– Вы уж нас извините, – сказала Гвен. – Несколько лет назад Ханна пережила ужасную трагедию. Она потеряла в море мужа и дочь, которая сейчас была бы такого же возраста, как и ваша. Она всегда задает эти вопросы. А при виде маленьких каждый раз расстраивается.

– Ужасно, – сумела выдать из себя Изабель.

– Пойду посмотрю, все ли с ней в порядке.

Едва Гвен ушла, как появилась мать Изабель.

– Ты гордишься своим папой, Люси? Правда, он у нас умный и может выступать с речами? – Она повернулась к Изабель: – Отвезти ее домой? А вы с Томом останетесь и продолжите веселиться. Наверное, вы не танцевали целую вечность!

Изабель вопросительно посмотрела на Тома.

– Я обещал Ральфу и Блюи выпить с ними пива. Я не любитель подобных развлечений. – С этими словами он повернулся и, не оглядываясь, исчез в темноте.

Тем же вечером, умываясь перед сном, Изабель взглянула на себя в зеркало, и на мгновение ей почудилось, что в ее отражении отпечатались скорбные черты Ханны. Она долго терла лицо, чтобы смыть мучительное видение, но оно никуда не уходило. Мало того, известие, что жизненные пути Тома и Ханны пересекались в прошлом, наполнило ее необъяснимой тревогой, и она чувствовала, как из-под ног уходит земля.

Видеть в глазах Ханны Ронфельдт черную пустоту, чувствовать сладковатый запах пудры и почти физически ощущать окружающую ее ауру безысходности явилось настоящим потрясением. И в то же время страх потерять Люси усилился. Изабель невольно напрягла руки, будто прижимая к себе малышку, и начала молиться:

– Господи Боже, смилуйся над Ханной и дай ей покой. И не забирай у меня Люси!

Том еще не вернулся. Она прошла в комнату Люси, чтобы провести ее, тихонько вынула книгу из рук спящей девочки и положила на тумбочку.

– Сладких снов тебе, мой ангел, – прошептала она и поцеловала Люси. Потом погладила волосы и, вглядываясь в овал подбородка и изгиб бровей, невольно стала искать ее сходство с Ханной.

Глава 22

– Мама, а можно мы заведем кошку? – спросила на следующее утро Люси, прибежав к Изабель на кухню. Ее поразило экзотическое грациозное существо по имени Табата-Тэбби, разгуливавшее по дому Грейсмарков. Она, конечно, знала кошек по картинкам в книгах, но впервые видела ее живьем и могла потрогать.

– Вряд ли кошечке понравится на Янусе, милая. Ведь ей там будет одиноко без друзей и не с кем играть, – ответила Изабель, думая о своем.

– Папа, а можно мы заведем кошку? – тут же поинтересовалась Люси, не замечая напряжения, витавшего в воздухе.

Том вернулся домой, когда Изабель уже спала, и встал раньше всех. Сейчас он сидел за столом, листая газету недельной давности.

– Лулу, а что, если вы с Табатой отправитесь в сад и попытаетесь поймать мышку? – ответил он вопросом.

Люси подхватила послушное животное обеими руками и побежала с ним на улицу.

Том повернулся к Изабель:

– Сколько еще, Изз? Сколько еще это может продолжаться?

– Ты о чем?

– Как мы можем так поступать? И продолжать изо дня в день? Ты знала, что эта бедная женщина сходит с ума по нашей вине. А теперь увидела это своими глазами!

– Том, но мы ничего не можем сделать! Ты знаешь это не хуже меня! – Перед ее глазами возникло лицо Ханны, а в ушах зазвучал ее голос. Видя, как у Тома заходили желваки на скулах, она постаралась его успокоить: – Может... когда Люси

подрастет, мы скажем Ханне и все встанет на свои места... Но это случится не скоро, Том, должны пройти годы!

Поразившись словам Изабель и ее неадекватности, Том решил надавить.

— Изабель, это не может ждать годы! Ты только представь ее состояние! Тем более что вы знакомы!

Теперь Изабель испугалась не на шутку.

— Судя по всему, и ты тоже, Том Шербурн! Но старался об этом помалкивать, верно?

Такого поворота Том не ожидал.

— Я не знаю ее! Мы виделись всего один раз!

— Когда?

— На пароходе из Сиднея.

— Так вот в чем все дело?! А почему ты никогда мне о ней не рассказывал? И что она имела в виду под «настоящим джентльменом»? Что ты от меня скрываешь?

— Что я скрываю? Ловко!

— Я ничего о тебе не знаю! О чем ты еще не рассказываешь, Том? О каких еще романах на борту?

Том поднялся.

— Перестань! Перестань сейчас же, Изабель! Ты несешь полную чушь, и все для того, чтобы сменить тему разговора. Ты знаешь, что я прав, и не важно, видел я ее раньше или нет! — Он пытался воззвать к ее разуму. — Изз, ты сама видела, во что она превратилась. И это дело наших рук. — Он отвернулся. — На войне я видел всякое, Изз... Видел такое, о чем никогда тебе не рассказывал и никогда не расскажу. Господи, я сам делал такое... — Руки сжались в кулаки, а челюсть окаменела. — Я поклялся, что больше никто не будет страдать по моей вине, если в моих силах этого не допустить. Как думаешь, зачем я вообще подался в зрители? Я решил, что могу принести этим хоть какую-то пользу и, возможно, спасти кого-то, кто сумел выжить после кораблекрушения. И посмотри, что получилось! Да я бы и врагу не пожелал того, на что мы обрекли Ханну Ронфельдт. — Он помолчал, подбирая слова. — Господи, во Франции я понял, что просто иметь еду и зубы, чтобы ее жевать, уже счастье! — Он поморщился от нахлынувших на него воспоминаний. — Поэтому когда я тебя встретил и ты даже обратила на меня внимание, я решил, что оказался в раю!

Он помолчал.

— Что же мы за люди, Иззи? И что о себе возомнили? Я поклялся, что ничто не разлучит нас ни в радости, ни в горе. Что ж, похоже, настала пора испытаний! — воскликнул он и выскочил из дома.

Люси стояла у задней двери, застыв на месте. Она никогда не слышала такой длинной речи из уст Тома, да еще на повышенных тонах. Никогда не видела у него на глазах слез.

Том вернулся домой только после обеда и в сопровождении Блюи. — Она пропала! — были первые слова, которыми встретила его Изабель. — Люси! Я оставила ее играть на улице с кошкой и пошла укладывать вещи. Я думала, что за ней присматривает мама, а она думала, что я!

— Успокойся! Успокойся, Изз, — сказал он, взяв ее руки в свои. — Как давно ты ее видела?

— Час назад! От силы два!

— А когда поняла, что она пропала?

— Да только что! Папа пошел поискать ее в зарослях. — Густые заросли кустарника начинались сразу за ухоженной лужайкой позади дома Грейсмарков и переходили в лес.

— Том, слава Богу, что ты дома! — воскликнула Виолетта, вбегая на веранду. — Господи, это я во всем виновата! Я должна была присматривать за ней! Билл ушел искать на старую дорогу лесорубов...

— А куда еще она могла пойти? — К Тому вернулась способность соображать и действовать. — Вы рассказывали ей о каких-то местах?

— Куда угодно, — ответила Виолетта, качая головой.

— Том, там водятся змеи. И ядовитые пауки! Господи, помоги нам! — запричитала Изабель.

— В детстве я дни напролет пропадал в этих зарослях, миссис Шербурн, — вмешался Блюи. — С ней все будет в порядке, и мы ее обязательно найдем. Не волнуйтесь. Пошли, Том.

— Изз... Мы с Блюи пойдем к зарослям и поищем следы. А вы еще раз проверьте в саду и вокруг дома. Виолетта, осмотрите каждый уголок дома — в шкафах и под кроватями. Везде, куда она могла залезть за кошкой. Если мы не найдем ее в течение часа, надо сообщить в полицию и привлечь аборигенов, которые отлично знают здешние места.

При упоминании полиции Изабель бросила на Тома красноречивый взгляд.

— До этого не дойдет, — заверил Блюи. — Найдется как миленькая, живая и здоровая. Вот увидите, миссис Шербурн.

Когда они отошли от женщин на приличное расстояние и они уже не могли их слышать, Блюи обратился к Тому:

— Будем надеяться, что она, продираясь сквозь кусты, шумела. Змеи днем спят и, если услышат, что кто-то идет, отползут в сторону. Но если застать их врасплох... А она уже убегала раньше?

— Куда, черт возьми, ей сбежать на острове? — сорвался Том и тут же сменил тон. — Извини, Блюи. Я не хотел... просто она плохо чувствует расстояние. На острове негде заблудиться и дом всегда неподалеку.

Они продвигались вперед и постоянно громко кричали, но никто не отзывался. Они держались едва заметной тропы, но отросшие сверху ветки то и дело смыкались на уровне плеч, заставляя Тома и Блюи пригибаться. Однако при своем маленьком росте Люси могла шагать по тропинке без всяких проблем.

Минут через пятнадцать тропа привела на поляну, где разветвлялась.

— Тут полно таких троп, — пояснил Блюи. — Раньше лесорубы расчищали делянку и потом расходились в разные стороны в поисках хорошего участка для вырубki. Тут полно ям, которые выкопали, чтобы вымачивать лес, так что лучше смотреть под ноги, чтобы не провалиться, — добавил он, имея в виду вырытые колодцы, заполненные водой, бывшей из подземных ключей.

Девочка с маяка не испытывала страха. Она знала, что нельзя подходить близко к скалам. Она понимала, что пауки могут укусить и лучше держаться от них подальше. Ей объяснили, что купаться можно, только если рядом папа или мама. В воде она умела отличить плавник дружелюбного дельфина, который то появлялся, то исчезал, от акулы, что мерно разрезал водную гладь. В Партагезе, если потянуть кошку за хвост, она могла оцарапать. На этом представления Люси об опасности

исчерпывались. Вот почему, увязавшись за Табатой-Тэбби, она быстро очутилась за пределами лужайки, даже не подозревая, что может потеряться. А потом, когда кошка исчезла из виду, Люси оказалась уже слишком далеко от дома и не знала, как вернуться: с каждым новым шагом она уходила все дальше и дальше.

Наконец она добралась до поляны, где решила посидеть на бревне и отдохнуть. Она оглянулась по сторонам и заметила муравьев-солдат. Люси знала, что от них лучше тоже держаться подальше, и отодвинулась от тропинки, по которой они бежали. Ей было не страшно – мама и папа ее обязательно найдут.

Она сидела и рисовала прутиком на песчаной почве разные фигуры, и вдруг из-под коряги выползло странное создание величиной чуть больше пальца. Она никогда не видела ничего подобного: тельце длинное, ноги как у насекомого или паука, только впереди две толстые руки, как у крабов, которых папа иногда ловил на острове. Она потрогала его прутиком, и хвост вдруг быстро взлетел вверх и завис в изящной дуге, указывающей на головку. В этот момент в нескольких дюймах появилось второе такое же существо.

Люси с интересом наблюдала, как эти насекомые преследуют прутик, стараясь ухватить его клешнями. Из-под коряги показалось третье насекомое. Время замерло.

Добравшись до поляны, Том окинул ее взглядом и вздрогнул, увидев маленькую ножку в туфельке, выглядывавшую из-за бревна.

– Люси! – Он бросился туда, где девочка играла прутиком, и замер от ужаса при виде изготовившегося к удару скорпиона. – Господи, Люси! – Том подхватил девочку на руки, сбросил насекомое на землю и раздавил ботинком.

– Люси! Что, черт возьми, ты делаешь?! – крикнул он.

– Папа! Ты же его убил!

– Люси, они опасны! Он тебя ужалил?

– Нет. Я ему нравлюсь. Смотри, – сказала она, открывая широкий карман на платице и с гордостью показывая на другого скорпиона. – Я его приберегла для тебя!

– Не двигайся! – Том, стараясь не выдавать страха, опустил девочку на землю. Потом он потерял насекомое прутиком, и когда оно ухватилось за него клешнями, медленно вытащил, бросил на землю и раздавил ногой.

Том внимательно осмотрел Люси, нет ли на коже укусов.

– Ты уверена, что он тебя не ужалил? Где-нибудь болит?

Она отрицательно покачала головой.

– У меня было приключение!

– Что верно, то верно!

– Надо еще раз ее внимательно осмотреть, – посоветовал Блюи. – Укусы иногда плохо видно. Но она не выглядит вялой. Это хороший признак. Если честно, я больше боялся, что она свалится в яму с водой.

– Да ты оптимист! – пробормотал Том. – Люси, милая, на Янусе нет скорпионов. Они опасны. Никогда их не трогай! – Он обнял ее. – Куда ты запропастилась?

– Я играла с Табатой. Как ты и велел.

Том вспомнил, как утром он сам отправил ее на улицу поиграть с кошкой, и ему стало стыдно.

– Пойдем, родная. Нас ждет мама.

После вчерашней встречи на праздновании слово «мама» обрело для него новый смысл.

Завидев их приближение, Изабель рванулась навстречу, схватила Люси в охапку и, прижав к себе, залилась слезами радости.

– Слава Богу! – произнес Билл, стоя рядом с Виолеттой и обнимая ее за талию. – Хвала тебе, Господи! И тебе спасибо, Блюи, – добавил он. – Ты спас нам жизнь!

В тот вечер все мысли о Ханне Ронфельдт выскочили у Изабель из головы, и Том понимал, что снова поднимать этот вопрос бесполезно. Но у него самого перед глазами постоянно стояло ее лицо. Женщина, которая раньше представлялась ему кем-то абстрактным, вдруг оказалась вполне реальным человеком, чья жизнь превратилась в настоящий ад по его вине. Ее осунувшееся лицо, потухший взгляд, изгрызенные ногти мучили его совесть. Труднее всего было вынести то уважение и доверие, с которыми она к нему относилась.

Снова и снова Том задумывался о том, как Изабель удавалось находить в своей душе ниши, где она могла благополучно держать под замком угрызения совести, ни на секунду не дававшие покоя ему.

Когда катер доставил семью на остров и плыл обратно, Блюи заметил: – Похоже, у них в семье не все гладко.

– Дам тебе хороший совет, Блюи: никогда не лезь в чужие семейные дела.

– Да, я знаю. Только когда нашли Люси, я думал, они обрадуются, что с ней ничего не случилось. А Изабель вела себя так, будто Люси пропала по вине Тома.

– Выкинь это из головы. И завари лучше чаю.

Глава 23

Загадка исчезновения Фрэнка Ронфельдта с ребенком широко обсуждалась во всей округе. Некоторые находили в этом подтверждение той очевидной истины, что никаким бошам нельзя доверять: Фрэнк оказался шпионом, и после войны его отозвали обратно в Германию. А то, что он австриец, дела не меняло.

Другие, знакомые с коварным нравом океана, не видели в исчезновении никакой тайны. «О чем он только думал, когда пустился в море в наших-то водах? Совсем, что ли, съехал с катушек? Да с такими течениями никто не продержится и пяти минут!» В целом преобладало мнение, что Господь тем самым выразил свое недовольство Ханне по поводу выбора супруга. Прощать, конечно, нужно, но если припомнить, что вытворяли его соплеменники...

Награда, обещанная стариком Поттсом, лишила покоя немало людей далеко вокруг, начиная от Голдфилдса на севере и заканчивая Аделаидой на востоке. Они рассчитывали, что смогут легко разбогатеть, стоит им предъявить выброшенную на берег доску и сопроводить находку правдоподобной выдумкой. В первые месяцы Ханна жадно выслушивала бесконечные рассказы о ялике, который якобы видели, и крике младенца, донесшемся до берега с моря в ту роковую ночь.

Со временем даже ее столь жаждавшее чуда сердце не могло не замечать явных неувязок в подобных рассказах. Стоило ей сказать, что одежда, будто «найденная» на берегу, отличалась от той, в чем была Грейс в ту ночь, как претендент на награду неизменно вступал в спор: «Подумайте! Вы наверняка так расстроены, что просто забыли! Разве можно это точно помнить?» Или: «Вам наверняка станет легче, миссис Ронфельдт, если вы не будете отрицать очевидного». Затем Гвен, не обращая внимания на их недовольство, благодарила за приезд и выпроваживала из гостиной, снабдив несколькими шиллингами на обратный путь.

В январе снова расцвели стефанотисы, насыщая воздух сладковатым густым ароматом, и еще больше похудевшая Ханна Ронфельдт по-прежнему, как будто совершая ритуал, посещала полицейский участок, берег и церковь, правда, уже не так часто.

– Совсем тронулась, – пробормотал констебль Гарстоун, провожая ее взглядом.

Даже преподобный Норкеллс посоветовал ей проводить меньше времени в каменном полумраке церкви и «поискать Господа в жизни вокруг».

Через пару дней после празднования юбилея маяка Ханна лежала ночью с открытыми глазами и вдруг услышала, как скрипнули ржавые петли почтового ящика. Она посмотрела на часы: три часа ночи! Может, это опоссум? Ханна поднялась и осторожно выглянула из-за шторы в окно, но ничего не увидела. Луна висела низко, кругом темно, и только на небе тускло светились звезды. Снова стукнула дверца почтового ящика, на этот раз от порыва ветра.

Она зажгла фонарь и осторожно направилась к входной двери, стараясь не шуметь и не разбудить сестру и совсем не думая о змеях, которые могут затаиться в крошечной мгле, подстерегая лягушек и мышей.

Дверца почтового ящика тихонько раскачивалась, и было видно, что внутри что-то лежит. Посветив, Ханна увидела маленький продолговатый сверток. Она его вынула. Размером с ладонь, обернут в коричневую бумагу. Она обернулась, пытаясь понять, как он туда попал, но вокруг царил крошечный мрак. Вернувшись в спальню, она разрезала ножницами бечевку.

Посылка была адресована ей и надписана уже знакомым аккуратным и ровным почерком.

Внутри оказался какой-то предмет, завернутый в несколько слоев газетной бумаги и издававший при каждом движении непонятный звук. Наконец обертка была снята, и при свете лампы тускло блеснула серебряная погремушка, которую ее отец заказывал в Перте в подарок внучке. Ошибки быть не могло: она узнала ангелочков, выгравированных на ручке. Рядом лежала записка.

С ней все в порядке. Ее любят, и о ней заботятся. Пожалуйста, помолитесь за меня.

Ни слова больше. Ни даты, ни инициалов, ни подписи. – Гвен! Гвен, вставай! – Она забарабанила в дверь спальни сестры. – Посмотри! Она жива! Грейс жива! Я была уверена!

Гвен со вздохом поднялась, готовясь выслушать очередную фантазию, порожденную большим воображением сестры. Однако при виде погремушки ее отношение моментально изменилось: она сама заказывала ее с отцом в ювелирной лавке в Перте и обсуждала узор с серебряных дел мастером. Она осторожно взяла погремушку в руки, будто та была яйцом, из которого вот-вот могло вылупиться чудовище.

Ханна сквозь слезы улыбалась, блуждая взглядом по комнате.

– Я же говорила! Моя любимая Грейс! Она жива!

Гвен положила ей руку на плечо.

– Давай сохранять спокойствие, Ханна. Завтра утром мы заедем к отцу и попросим сходить с нами в полицию. Там наверняка знают, что нужно сделать. А теперь постарайся уснуть. Завтра нам всем понадобится свежая голова.

О сне не могло быть и речи. Ханна ужасно боялась, что стоит ей закрыть глаза, как все исчезнет. Она отправилась на задний дворик и, устроившись на качелях, где когда-то сидела с Фрэнком и Грейс, принялась разглядывать мириады звезд, светивших на небе. Своим ровным светом они действовали успокаивающе и вселяли надежду. Конечно, в своем бесконечном величии им не было дела до коротких мгновений людских жизней. И все же у нее была погремушка, которая вселяла надежду. Это уж точно никакая не мистификация, а настоящий талисман любви – символ отцовского прощения, который держали в руках и ее дочь, и те, кто ее любил. Ей вспомнился курс античного искусства и миф о Персефоне и Деметре, который вдруг обрел черты реальности и претворился в жизнь: как и в мифе, ее дочь возвращалась из небытия.

Она чувствовала – нет, знала! – что кошмару, в котором она пребывала все последние годы, наступает конец. Когда Грейс окажется рядом, жизнь снова обретет смысл и они обе испытают счастье, которого были лишены так долго. Ханна поймала себя на мысли, что улыбается забавным воспоминаниям: как Фрэнк пытался поменять подгузник; как отец изо всех сил старался сохранять спокойствие, когда его внучка отрыгнула съеденное прямо на рукав его лучшего костюма. Впервые за долгие годы ее душа пела. Только бы дождаться утра!

Чтобы не позволить сомнениям прокрасться в душу, Ханна принялась вспоминать всякие мелочи: как волосики на затылке у Грейс были жиже, чем на макушке, потому что терлись о пеленку; какие крошечные беловатые лунки были у основания ногтей на пальчиках. Она бережно хранила в памяти все мельчайшие детали, и только ее душа знала о дочери все до последней капли. И ее безмерная любовь приведет малютку домой и защитит от всех невзгод.

Город наводнили слухи. Нашли куклу. Нет, детское зубное кольцо. Нечто, что подтверждало смерть младенца. Нечто, что подтверждало, что ребенок жив. Малютку убил отец. Кто-то убил отца. Передаваясь из уст в уста в продуктовых лавках, кузнице и церкви, слухи обрастали новыми подробностями и вымыслами, причем рассказчики многозначительно прикладывали палец к губам, чтобы особо подчеркнуть конфиденциальность и достоверность сообщенных ими сведений.

– Мистер Поттс, мы отнюдь не подвергаем сомнению, что эта вещь принадлежит вам. Но вы, надеюсь, согласитесь, что это никак не подтверждает тот факт, что ребенок жив. – Сержант Наккей старался успокоить пунцового от ярости Септимуса, который стоял перед ним, задрав подбородок и выпятив грудь, будто боксер перед решающей схваткой. – Вы должны провести расследование! Почему кто-то ждал все эти годы и объявился только теперь? Да еще посреди ночи? И не потребовал награды? – Его седые усы на фоне побагровевшего лица казались совсем белыми.

- Со всем уважением, откуда, черт возьми, мне знать?
- Я попрошу вас следить за своим языком! Здесь дамы!
- Прошу прощения. – Наккей облизнул пересохшие губы. – Мы проведем расследование, могу вас заверить.
- И что вы предпримете? – осведомился Септимус.
- Я... мы... даю вам слово!

У Ханны защемило сердце. Значит, все останется по-прежнему. И все же она стала ложиться еще позже и постоянно проверяла почтовый ящик, надеясь найти в нем новую весточку.

- Берни, сделай мне снимок этого, – попросил констебль Линч в фотоателье Гутчера и, вынув из войлочного мешка серебряную погремушку, положил ее на прилавок. – С каких это пор тебя интересуют младенцы? – поинтересовался Берни Гутчер, недоверчиво на нее покосившись.

- С тех пор, как занимаюсь вещдоками! – ответил полицейский.

Пока фотограф готовил оборудование и делал снимок, Линч разглядывал развешанные по стенам фотографии с образцами разных рамок и ракурсов. Его взгляд равнодушно скользил по снимкам, среди которых были футбольная команда, Гарри Гарстоун с матерью, Билл и Виолетта Грейсмарк с дочерью и внучкой.

Через несколько дней на доске объявлений возле полицейского участка появилась фотография погремушки, снятой на фоне линейки. Всем, кто узнает игрушку, предлагалось незамедлительно сообщить об этом в полицию. Рядом висело объявление, что Септимус Поттс, эсквайр, выплатит вознаграждение уже в три тысячи гиней за информацию, которая приведет к нахождению его внучки Грейс-Эллен Ронфельдт, и гарантирует при этом полную конфиденциальность.

В этих краях за тысячу гиней можно было купить целую ферму. А что можно сделать на три тысячи гиней, не позволяла вообразить даже самая богатая фантазия.

- Ты уверен? – снова спросила Блюи мать, нервно расхаживая по кухне, так и не сняв бигуди, в которых спала. – Подумай хорошенько!

- Нет, не уверен. Не совсем уверен, ведь это было так давно! Но я никогда раньше не видел ничего блестящего в колыбели. – Он с трудом скрутил сигарету дрожащими пальцами и неловко чиркнул спичкой. – Мам, что мне делать? – На лбу под рыжими кудрями проступили капельки пота. – Я хочу сказать, что, может, есть другое объяснение. А может, мне показалось. – Он глубоко затянулся и медленно выпустил дым. – Наверное, надо подождать до следующей поездки на Янус и поговорить с ним, как мужчина с мужчиной.

- Скорее, как тряпка с мужчиной. Если это и есть твой план, то у тебя даже меньше мозгов, чем я думала! Три тысячи гиней! – Она сунула ему под нос три растопыренных пальца. – Да ты и за сто лет столько не заработаешь на своей проклятой лодке!

- Но речь идет о Томе! И Изабель! Как будто они могли совершить что-то недостойное! И даже если это та же самая погремушка, ее запросто могло выбросить на берег, а они ее просто нашли. Ты даже не представляешь, что приносят волны. Однажды Том нашел даже мушкет! И коня-качалку!

- Неудивительно, что Китти Келли дала тебе от ворот поворот! Ни на йоту честолубия, ни на йоту здравого смысла!

- Мам! – обиженно произнес уязвленный Блюи.

- Надень чистую рубашку. Мы идем в полицейский участок.

- Но это Том, мам. Он мой друг!

– Три тысячи расчудесных гиней! И если ты не поторопишься, то тебя точно опередит старый Ральф Эддикотт, который все расскажет первым. А Китти Келли уже не станет воротить нос от парня с такими-то деньжищами, – добавила она. – А теперь причешись и выброси эту проклятую сигарету!

Глава 24

Заметив приближавшийся к острову «Уинворд спирит», который появился сразу после циклона, пронесшегося над западным побережьем Австралии, Том не поверил своим глазам. Он позвал Изабель, чтобы убедиться, что ему не мерещится. Они вернулись на Янус всего неделю назад, и катер должен был появиться только в середине марта, когда им предстояло отбыть на материк и на маяк в Пойнт-Мур. Может, у катера забарахлил двигатель во время рейса в другой пункт назначения? А может, Ральф или Блюи поранились, когда боролись со штормом?

Волнение на море было таким сильным, что экипажу пришлось проявить незаурядное мастерство, чтобы пришвартоваться.

- В шторм сгодится любой порт, верно, Ральф? – окликнул Том, стараясь перекричать свист ветра, когда катер встал бортом к причалу, но старик ничего не ответил.

Увидев на корме вместо Блюи Невилла Уитниша, Том удивился еще больше. Затем показались четверо полицейских.

- Господи, Ральф, что случилось?

И снова Ральф не ответил. По спине Тома пробежали мурашки. Он перевел взгляд на склон, ведущий к дому, и увидел, как Изабель пятится назад. Один из полицейских прыгнул на пристань и пошатнулся, еще не привыкнув к твердой почве под ногами. Остальные последовали за ним.

- Томас Эдвард Шербурн?

- Он самый.

- Сержант Спрэгг, полиция Албани. Это мой помощник констебль Страгнелл, сержант Наккей и констебль Гарстоун. Они из полицейского участка в Партагезе. Думаю, вы знакомы.

- Нет.

- Мистер Шербурн, мы прибыли сюда по делу Фрэнка Ронфельдта и его дочери Грейс.

Это был настоящий удар под дых – Том не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Шея онемела, а лицо стало мертвенно-бледным. Это был как сигнал к атаке после долгих дней ожидания в окопах.

Сержант вытащил из кармана листок, который тут же затрепетал на шквальном ветру, и показал Тому, держа в обеих руках:

- Вы узнаете это, сэр?

Том взял фотографию погремушки и, затягивая с ответом, снова взглянул на склон: Изабель исчезла. Наступил момент

истины — потом уже ничего нельзя будет изменить.

Том глубоко вздохнул и медленно выдохнул, будто освобождаясь от тяжести, а потом закрыл глаза и опустил голову. На его плечо легла чья-то рука.

— Том! Том, сынок... Что, черт возьми, все это значит?

Пока полиция допрашивала Тома, Изабель пошла к маленьким деревянным крестам у скал. Кусты розмарина расплывались перед глазами, совсем как мысли, которые постоянно разбегались, и их никак не удавалось удержать в голове. Она с содроганием вспоминала недавнюю сцену. Самый низкорослый из полицейских — и самый молодой — с торжественным видом показал ей фотографию и не мог не заметить, как у нее округлились глаза и перехватило дыхание. — Эту погремушку кто-то послал миссис Ронфельдт на прошлой неделе.

— На прошлой неделе?!

— Судя по всему, тот же самый человек, который написал ей письмо два года назад.

Последнее замечание окончательно сбilo ее с толку.

— Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, когда поговорим с вашим мужем, а пока попросили бы вас... — он смутился, — далеко не уходить.

Перед Изабель открывался вид со скал: вокруг столько воздуха, а дышать становилось нечем, стоило подумать о Люси, которая спала после обеда, пока ее отца в соседней комнате допрашивала полиция. Ее заберут. Мысли беспорядочно скакали: надо спрятать ее где-нибудь на острове. Она... она могла бы уплыть с ней на лодке! Изабель быстро прикинула: спасательная шлюпка была готова к выходу в море в любую минуту. Но куда она ее увезет? Это не имело значения! Она могла бы забрать девочку и уплыть с ней до того, как их хватятся. И если их подхватит верное течение, то их понесет на север... Она представляла, как они добираются до берега, пусть и далеко от Перта, здоровые и невредимые. Но тут же здравый смысл подсказывал, что течение может оказаться южным, и тогда их ждет неминуемая смерть в Южном океане. Изабель лихорадочно обдумывала другие варианты. Она могла бы поклясться, что ребенок ее собственный и к берегу прибило ялик с двумя мертвыми телами и они оставили себе только погремушку. Она цеплялась за любую возможность придумать выход, даже самую призрачную.

И снова в голову пришла навязчивая мысль: «Надо спросить у Тома, что делать», которая тут же сменилась горьким осознанием, что все это его рук дело. К горлу подступил комок, совсем как той ночью после известия о гибели Хью, когда она проснулась и подумала: «Надо сообщить Хью об этой ужасной трагедии».

Постепенно она осознала всю безвыходность положения, и страх уступил место гневу. Почему? Почему он не оставил все так, как есть? Том должен защищать свою семью, а не разрушать ее! Отчаяние будило загнанные глубоко внутрь темные силы, которые, проснувшись, затуманивали ее сознание и овладевали им. Ее мысли поглощала черная мгла: он планировал это целых два года! Как же мог он лгать ей и отнимать ребенка? Она вспомнила, как Ханна Ронфельдт дотронулась до его руки, и задалась вопросом: а что же действительно между ними было? К горлу снова подступила тошнота, и Изабель скорчилась от сильных приступов рвоты.

В сотнях футов внизу океан с ревом обрушивался на скалы, вздымая фонтаны брызг до самой вершины утеса, на котором стояла Изабель. Кресты, покрытые каплями соленой воды, потемнели, а платье пропиталось влагой. — Иззи! Изабель! — донесся крик Тома, принесенный порывом ветра.

В воздухе, нарезая круги, парил буреветник, который неожиданно сорвался вниз и выхватил из бушующей пучины рыбину. Однако шторм и удача оказались не на его стороне, и рыба, рванувшись, выскользнула из клюва птицы и упала в волны.

В нескольких сотнях ярдов показался Том. Буреветник продолжал парить в воздушных потоках, зная, что в бурлящих водах рыба, не успевшая укрыться среди глубоких рифов, может стать легкой добычей.

— У нас мало времени, — сказал Том и привлек ее к себе. — Люси проснется с минуты на минуту.

Полиция допрашивала его целый час, и теперь двое полицейских, вооружившись лопатами, направлялись к старым захоронениям на другом конце острова.

Изабель внимательно рассматривала его лицо, будто видела впервые.

— Полицейский сказал, что кто-то послал Ханне Ронфельдт погремушку...

Он выдержал ее взгляд, но промолчал.

— ...что кто-то ей написал два года назад и сообщил, что ребенок жив. — Не дождавшись никакой реакции, она невольно отшатнулась и с круглыми от ужаса глазами воскликнула с болью: — Том! Как ты мог?!

— Я должен был что-то сделать, Иззи. Видит Бог, я пытался объяснить. Я просто хотел, чтобы она знала, что ее дочь в безопасности.

Изабель смотрела на него с таким видом, будто пыталась разобрать смысл долетевших издали слов, хотя он стоял так близко, что развевающиеся на ветру пряди ее волос касались его лица.

— Я доверяла тебе, Том. — Придерживая волосы руками, она устремила на него полный боли взгляд. — Господи, что же ты с нами сделал? Что ты сделал с Люси?

Его плечи опустились, но во взгляде читалось облегчение. Она убрала руки, волосы упали на лицо как траурная вуаль, и она зарыдала:

— Два года! Неужели все было ложью целых два года?

— Ты же видела эту бедную женщину! Ты сама видела, что мы сделали!

— Неужели она значит для тебя больше, чем наша семья?

— Но Люси не наш ребенок, Иззи!

— Она единственный ребенок, который у нас был! Что же с ней станет?!

Том взял ее за руки:

— Послушай! Сделай то, что я скажу, и с тобой все будет в порядке. Я сказал им, что во всем виноват только я, понятно? Я сказал, что оставить Люси было моей идеей, сказал, что ты была против, но я настоял. Если ты будешь придерживаться этой версии, никто тебя не тронет... Нас отвезут в Партагез, Иззи, и я обещаю, что защищу тебя. — Он притянул ее к себе и коснулся губами ее макушки. — Что будет со мной, не важно. Я знаю, что меня ждет тюрьма, но когда я выйду, мы все еще...

Она вдруг вырвалась и принялась колотить кулаками по его груди.

– «Мы»? Никаких «нас» больше нет, Том. После всего, что ты сделал! – Он не пытался ее остановить. – Ты сделал свой выбор. Тебе абсолютно наплевать и на Люси, и на меня. Поэтому... – она запнулась, подбирая слова, – не рассчитывай, что отныне мне есть дело до твоей судьбы!

– Изз... успокойся. Ты сама не понимаешь, что говоришь.

– Не понимаю? – В ее голосе зазвучали истерические нотки. – У меня отбирают дочь! Неужели до тебя не доходит? То, что ты совершил... нельзя простить!

– Господи, Изз...

– Лучше бы ты убил меня, Том. Это лучше, чем убить нашего ребенка! Ты просто чудовище! Безжалостное и бессердечное!

Эти хлесткие слова больно ранили Тома. Он заглянул ей в лицо, надеясь найти в нем хоть какие-то признаки любви, в которой она так часто ему клялась, но видел только неистовое бешенство, сопоставимое с яростью бушевавшего вокруг океана. Буревестник вновь спикировал в волны и через мгновение торжествуя взмыл с добычей. На этот раз он прочно держал рыбу в клюве, и было видно только ее голову, беспомощно разевавшую рот.

– Волны слишком большие, чтобы выходить в океан, – сообщил Ральф сержанту Наккею. Сержант Спрэгг – старший полицейский чин из Албани – настаивал на том, чтобы отплыть немедленно.

– Если ему уж так не терпится, пусть плывет сам! – отрезал шкипер.

– Что ж, тогда пусть Шербурн сидит на катере под охраной. Я не собираюсь потакать тому, чтобы он сговаривался с женой. Благодарю покорно! – не унимался Спрэгг.

Сержант Наккей взглянул на Ральфа и приподнял брови. Презрительная усмешка, скривившая его губы, красноречиво свидетельствовала о его отношении к коллеге.

Ближе к вечеру у катера появился Невилл Уитниш.

– В чем дело? – поинтересовался у него констебль Страгнелл, весьма серьезно воспринявший приказ охранять арестованного.

– Шербурн должен передать мне дела. Ему надлежит подняться со мной на маяк. – Отличаясь немногословностью, Уитниш вообще редко открывал рот, но всегда говорил тоном, не допускающим возражений.

Не зная, как следует поступить, Страгнелл все же нашелся:

– Ладно, только я буду его сопровождать.

– Вход на маяк посторонним запрещен! Предписание Содружества. Я сам приведу его назад, когда мы закончим.

Том и смотритель молча дошли да башни маяка, и только у двери Том тихо поинтересовался:

– К чему все это? Ты можешь обойтись и без меня.

– Никогда не видел, чтобы маяк содержался в таком идеальном порядке! Что ты там еще натворил, меня не касается. Но ты наверняка захочешь попроситься. Я подожду внизу, – пояснил он и отвернулся, глядя в круглое окно на бушующий океан. И Том – в последний раз! – поднялся по сотням ступенек. В последний раз он сотворил волшебство превращения серы и мазута в ослепительный огонь. В последний раз он послал сигнал морякам на многие мили вокруг: «Будьте осторожны!»

К следующему утру шторм стих, и небо снова сияло безмятежной синевой. На пляжах виднелись желтые пятна пены и выброшенные волнами водоросли. Когда катер отчаливал от причала и выходил в океан, путь ему указывала стая дельфинов, игравших перед носом судна, то удаляясь от него, то совсем близко. Изабель с опухшими и заплаканными глазами сидела в одном углу каюты, а Том – в другом. Полицейские обсуждали график дежурств и чем лучше чистить ботинки, чтобы они блестели. На корме полусгнивший брезент источал тошнотворный запах своего ужасного содержимого.

Люси, сидя на коленях у Изабель, снова спросила:

– А куда мы плывем, мама?

– Обратно в Партагез, мое солнышко.

– А зачем?

Изабель бросила на Тома красноречивый взгляд.

– Я не знаю зачем, Люси. Но так надо. – И она еще крепче прижала ее к себе.

Потом девочка сползла с колен матери и забралась на колени к Тому. Он крепко держал ее, стараясь запечатлеть в памяти как можно больше: запах волос, форму маленьких пальчиков, дыхание, которое становилось слышным, когда она тыкалась ему в лицо.

Остров постепенно удалялся, превращаясь в свою миниатюрную копию, и наконец совсем исчез. Он остался только в памяти, и ассоциации, которые он вызывал у разных людей, вспомилавших о нем, совсем не похожи.

Том смотрел на Изабель и пытался поймать ее взгляд. Ему хотелось увидеть на ее лице ту улыбку, которая так часто напоминала ему свет маяка на Янусе – верный, надежный и вселяющий уверенность, что в этом мире он не одинок и не потеряется. Но свет погас, и теперь ее лицо казалось чужим и лишенным жизни.

Он отмерял свой путь на материк вспышками провожающего его маяка.

Часть III

Глава 25

Едва они ступили на берег, сержант Спрэгг вытащил из кармана наручники и направился к Тому. Вернон Наккей остановил его жестом и отрицательно покачал головой.

– Так положено, – напомнил Спрэгг, который имел больше полномочий, поскольку участок в Албани занимал более высокую

ступень в полицейской иерархии, чем партагезский.

– Не важно. Тут же маленькая девочка! – Наккей кивнул на Люси, которая подбежала к Тому и обняла его за ногу.

– Папочка! Возьми меня на ручки!

Встретившись с ней взглядом, выражавшим самую обычную просьбу, Том почувствовал почти физическую боль. На верхушке эвкалипта устроилась пара трясогузок, которые весело чирикали, подрагивая длинными хвостиками. Том с трудом сглотнул и с силой сжал кулаки, вонзив ногти в ладони.

– Посмотри, Лулу! Видишь, какие там сидят красивые птички? У нас таких нет! Беги и посмотри поближе!

Возле пристани уже ждали два автомобиля, и сержант Спрэгг повернулся к Тому:

– Туда. В первую машину.

Том посмотрел на Люси, восторженно разглядывавшую беззаботных птичек, хотел обнять на прощание, но удержался, представив ее реакцию. Лучше просто незаметно исчезнуть.

Увидев, что Том отвернулся, Люси снова к нему потянулась.

– Папочка! Возьми меня на ручки! – опять попросила она, уже чувствуя неладное.

– Пора! – поторопил сержант Спрэгг и взял Тома под локоть.

С трудом переставляя ноги, Том двинулся к машине, а Люси бросилась за ним, протягивая руки.

– Папочка, подожди Лулу! – испуганно умоляла она, не понимая, что происходит. Потом споткнулась и, растянувшись на земле лицом вниз, закричала от боли. Том не выдержал и, вырвав руку, бросился к ней.

– Лулу! – Он подхватил ее и поцеловал оцарапанный подбородок. – Люси, Люси, Люси, – бормотал он, водя губами по щеке. – Не плачь, малышка, все хорошо. Все скоро заживет.

Вернон Наккей опустил глаза и откашлялся.

– Родная, мне сейчас надо уйти. Я надеюсь... – Он запнулся, заглянул ей в глаза, потрепал волосы и поцеловал на прощание. –

До свидания, малышка.

Видя, что Люси вцепилась в Тома еще сильнее и не отпускала, Наккей повернулся к Изабель:

– Миссис Шербурн?

Изабель забрала ребенка.

– Иди ко мне, моя сладкая. Все в порядке. Мама тебя возьмет, – говорила она, но девочка продолжала твердить:

– Папа! Я хочу пойти с папой!

– Теперь ты доволен, Том? Ты этого хотел? – По лицу Изабель струились слезы и капали на щеки Люси.

При виде искаженных болью лиц двух самых дорогих на свете существ Том оцепенел. Он вспомнил, как обещал Биллу Грейсмарку заботиться о них и всячески оберегать. Наконец ему с трудом удалось выдавить из себя:

– Господи, Изз... мне так жаль!

Кеннет Спрэгг, потеряв терпение, снова схватил его за руку и потащил к машине. Когда Том залезал за заднее сиденье, Люси разревелась:

– Папочка, не уходи! Пожалуйста! Папочка! Пожалуйста!

Ее лицо покраснелось, слезы скатывались в открытый ротик, и Изабель никак не могла ее успокоить.

– Мама, пусть они перестанут! Они плохие, мама! Они обижают папу!

– Я знаю, милая, я знаю. – Она поцеловала Люси в макушку и прошептала: – Мужчины иногда совершают очень плохие поступки, милая. Очень плохие.

Она знала, что худшее еще впереди.

Ральф наблюдал за этой сценой с палубы катера. Оказавшись дома, он посмотрел на Хильду так, как, наверное, не смотрел ни разу за последние двадцать лет.

– Ты что? – спросила его жена, не зная, что и думать.

– Так... ничего, – ответил он и крепко прижал к себе.

В кабинете Вернона Наккея состоялся разговор с Кеннетом Спрэггом.

– Повторяю вам еще раз, сержант. Сегодня вы не повезете его в Албани. Он будет туда доставлен после того, как ответит на все мои вопросы.

– Он все равно окажется у нас. Не забывайте, что Маячная служба – это структура Содружества, поэтому надо действовать по закону.

– Я знаю законы не хуже вашего. Он будет препровожден в Албани в установленном порядке.

Все полицейские по эту сторону Перта отлично знали, как любил Кеннет Спрэгг показать свою значимость. В свое время он проявил малодушие и не ушел добровольцем на фронт и теперь пытался утвердить свой авторитет заносчивостью и начальственным окриком.

– Я хочу сам расколоть Шербурна и докопаться до истины. Я сейчас здесь и заберу его с собой.

– Если он вам так сильно нужен, можете остаться. На этом участке команду я!

– Надо позвонить в Перт.

– Что?

– Дайте мне позвонить в Перт. Если окружное начальство распорядится, я оставляю его здесь. Если нет – сажаю в машину и везу в Албани.

Изабель так долго уговаривала расстроенную девочку сесть во вторую машину, что, когда они приехали в полицейский участок, Том уже находился в камере.

В приемной измученная долгим путешествием и напуганная последними событиями Люси сидела на коленях у Изабель. Девочка трогала мать за лицо и пыталась добиться ответа.

– Где папа? Я хочу его видеть!

Бледная как мел Изабель только хмурилась и думала о чем-то своем. Ей никак не удавалось сосредоточиться, и она рассеянно разглядывала царапину на деревянной стойке дежурного и прислушивалась к крикам сороки за окном. Время от времени прикосновение Люси выводило ее из забытья, и она с ужасом возвращалась в реальность.

Возле стойки пожилой мужчина, пришедший оплатить штраф за оставленный без присмотра скот, который перекрыл шоссе, ждал, пока ему выпишут квитанцию. Чтобы скоротать время, он подошел к Люси и попытался поиграть с ней.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Люси, — застенчиво ответила она.

— Это тебе так кажется, — пробормотал Гарри Гарстоун и криво ухмыльнулся, продолжая выписывать квитанцию.

В этот момент в приемной появился доктор Самптон с саквояжем в руке и небрежно кивнул Изабель, избегая ее взгляда. Она густо покраснела, вспомнив свой последний визит к нему и неутешительный диагноз.

— Сюда, сэр, — сказал Гарстоун и, проводив его в заднюю комнату, повернулся к Изабель: — Ребенка должен осмотреть доктор. Я заберу девочку.

— Осмотреть? Зачем? С ней все в порядке!

— Это не вам решать, миссис Шербурн.

— Но я ее... — Запнувшись, она не закончила фразы. — Ей не нужен никакой доктор! Пожалуйста! Пожалейте ее!

Полицейский подхватил упавшего ребенка и увел в комнату к доктору. По всему участку разнесся отчаянный вопль Люси, услышав который Том содрогнулся, представив, что там сейчас происходит.

В кабинете Наккея Спрэгг положил трубку и хмуро обратился к своему коллеге: — Ладно. Пусть пока будет по-вашему... — Поправив ремень, он изменил тактику: — Думаю, женщину тоже нужно посадить под замок. Наверняка она замешана во всем этом не меньше!

— Я знаю эту девушку всю свою жизнь, сержант, — сказал Наккей. — Она и церковь-то ни разу не пропускала! Вы слышали рассказ Тома Шербурна: похоже, она и сама такая же жертва.

— Его рассказ! Говорю вам, у нее тоже рыльце в пушку! Дайте мне с ним поговорить по-своему, и мы скоро узнаем, как на самом деле умер этот Ронфельдт...

Наккей был наслышан о методах Спрэгга выбивать признания и пропустил эти слова мимо ушей.

— Послушайте, Шербурна я не знаю совсем. По мне, он может оказаться даже Джеком Потрошителем. И если он виновен, то ему точно не поздоровится! Но держать за решеткой его жену просто так, на всякий случай, я не позволю, так что советую попридержать коней. Вы не хуже меня знаете, что по закону замужняя женщина не несет ответственности за то, что ее заставил сделать муж. — Он переложил на столе бумаги. — У нас тут маленький городок. И грязь пристаёт очень быстро. Мы не бросаем женщину в тюрьму, пока на то нет серьезных оснований. Поэтому будем действовать так, как положено.

Когда сержант Спрэгг, недовольно поджав губы, вышел из участка, Наккей отправился в комнату, где доктор осматривал Люси, и вскоре появился, ведя ее за руку.

— Доктор сказал, что с ней все в порядке, — сообщил он и добавил, понизив голос: — Сейчас мы отведем девочку к матери, Изабель. Я был бы очень признателен, если ты не станешь ничего осложнять. Поэтому... как насчет того, чтобы просто с ней попрощаться?

— Пожалуйста! Не делайте этого!

— Не нужно ничего усугублять. — Вернон Наккей, который долгие годы видел, как мучается Ханна Ронфельдт, и не сомневавшийся, что она пребывает в мире печальных галлюцинаций, теперь подумал то же самое и об этой женщине.

Решив, что теперь в объятиях матери она снова в безопасности, Люси крепко прижалась к ней, и Изабель поцеловала ее в щеку, не в силах оторвать губ от нежной и мягкой кожи. Гарри Гарстоун ухватил девочку за талию и оторвал от матери.

Хотя за последние сутки все вело именно к этому и страх, что подобное может произойти, не покидал Изабель с той самой минуты, как младенца нашли в лодке, она так и не смогла с этим внутренне смириться, и ее сердце разрывалось.

— Пожалуйста! — молила она. — Будьте милосердны! — Ее голос гулко разносился по скудно обставленной приемной. — Не забирайте у меня ребенка!

Когда у нее отобрали Люси, Изабель лишилась чувств и упала на каменный пол.

Ханна Ронфельдт не находила себе места. Она постоянно смотрела то на свои часы, то на часы на камине, то на сестру, не в силах понять, сколько прошло времени. Катер ушел на Янус вчера утром, и каждая минута с тех пор тянулась целую вечность.

Казалось невероятным, что она сможет снова обнять свою дочь. С той минуты как в почтовом ящике обнаружилась погремушка, она постоянно представляла себе, как они встретятся. Объятия. Слезы. Улыбки. Ханна нарвала в саду плюмерий и поставила их в детской, так что их изысканный аромат наполнял весь дом. Улыбаясь и напевая, она везде убиралась, еще раз вытерла пыль и рассадилла на комод куклол. Затем вдруг занервничала, чем будет кормить малышку, и послала Гвен за яблоками, молоком и конфетами. Не дождавшись ее возвращения, Ханна вдруг засомневалась, что может понадобиться что-то еще. Поскольку сама она ела очень мало, то решила проконсультироваться, чем кормят детей в возрасте Грейс, у своей соседки миссис Дарнли, которая воспитывала пятерых малышей. Фанни Дарнли, всегда любившая посплетничать, тут же отправилась в бакалейную лавку мистера Келли, где рассказала, что Ханна окончательно тронулась умом, поскольку готовит еду для призраков. Весть о том, что дочь Ханны нашлась, еще не разлетелась по городу.

— О соседях, конечно, не принято плохо отзываться, но, наверное, дома для сумасшедших существуют не просто так? Мне бы не хотелось, чтобы рядом с моими детьми жил человек, у которого с головой не все в порядке. На моем месте вы бы чувствовали то же самое!

Телефонный разговор был непонятным. — Вам нужно явиться в участок лично, мистер Грейсмарк. У нас тут ваша дочь.

Билл Грейсмарк явился в полицейский участок, не зная, что и думать. После звонка ему сразу представилось тело Изабель на столе в морге, которое должны забрать родственники. Он с трудом улавливал слова, которые продолжали говорить по недавно установленному телефонному аппарату: смерть казалась самым очевидным объяснением. Только не их третий ребенок! Он не мог потерять всех детей — Господь же такого не допустит? Билл слышал, но не понимал, при чем здесь Ронфельдты, но уловил слова «Том» и «тело».

В участке его проводили в заднюю комнату, где на деревянном стуле сидела его дочь, сложив на коленях руки. Он был так

уверен в ее смерти, что не смог сдержать слез.

– Изабель! Дочка! – прошептал он, бросаясь к ней и заключая в объятия. – А я так испугался, что больше никогда тебя не увижу!

И тут он заметил, что его дочь была явно не в себе: она не ответила на его объятия и не подняла глаз, а просто безжизненно обмякла – бледная и отрешенная.

– Где Люси? – спросил он сначала у дочери, а потом у констебля Гарстоуна. – Где маленькая Люси? И Том? – Его мозг снова заработал: наверное, они утонули. Неужели...

– Мистер Шербурн находится в камере, сэр. – Полицейский ставил печати на какие-то бумаги. – Его переведут в Албани после предварительного расследования.

– «Предварительного расследования»? Какого черта? Где Люси?

– Ребенок находится со своей матерью, сэр.

– Совершенно очевидно, что ребенок не со своей матерью! Что вы с ней сделали? Что все это значит?

– Судя по всему, настоящей матерью ребенка является миссис Ронфельдт.

Билл решил, что ослышался, и продолжал бушевать:

– Я требую немедленно освободить моего зятя!

– Боюсь, что это невозможно. Мистер Шербурн арестован.

– Арестован? За что, черт возьми?

– Пока за искажение сведений официальной отчетности Содружества. Неисполнение обязанностей государственного должностного лица. Это для начала. Затем похищение ребенка. И к тому же на Янусе выкопали тело Фрэнка Ронфельдта.

– Вы с ума сошли? – Билл повернулся к дочери, теперь ясно понимая причину и ее бледности, и оцепенения. – Не волнуйся, дорогая. Я все улажу. Тут наверняка какая-то ужасная ошибка! Я разберусь!

– Мне кажется, вы не понимаете, мистер Грейсмарк... – начал полицейский.

– Вы, черт возьми, правы – я ничего не понимаю! И вы за это ответите! Держать мою дочь в полицейском участке из-за какой-то безумной истории. Оклеветать моего зятя! – Он повернулся к дочери: – Изабель, скажи ему, что это полная чушь!

Она продолжала сидеть, не шевелясь и не говоря ни слова.

Полицейский откашлялся.

– Миссис Шербурн отказывается давать показания, сэр.

Том чувствовал, как его обволакивала густая липкая тишина в камере. Его жизнь так долго отмеряли яркие вспышки маяка и окружал шум ветра и набегавших волн. И вдруг они исчезли. Он прислушивался к похожим на удар хлыста крикам птицы-бича, прятавшейся где-то в ветвях эвкалипта. Одиночество ему было знакомо и напоминало о времени, когда он жил на Янусе один, и теперь годы, проведенные на острове с Изабель и Люси, казались ему миражом. Он полез в карман, достал детскую атласную ленточку и вспомнил улыбку, с которой Люси ему ее вручила, когда та соскользнула с волос. «Сохрани ее, пожалуйста, папа».

Гарри Гарстоун пытался отобрать ленточку в участке, но Наккей его остановил:

– Бога ради, парень! Он же не задушит нас ею!

И Том с благодарностью убрал ее в карман.

Ему никак не удавалось примирить раздражающие его противоречивые чувства: печаль от содеянного и огромное облегчение.

Эти две силы порождали необъяснимую реакцию, но все эти переживания казались пустяком при мысли о том, что он отнял у жены ребенка. Он физически ощущал эту потерю: наверное, подобные страдания испытывала Ханна Ронфельдт, а что уж говорить об Изабель, на долю которой выпало столько неудачных родов? И теперь его жена снова была вынуждена переживать потерю, только на этот раз уже горячо любимого ребенка. У Тома не укладывалось в голове, как он мог причинить столько страданий. Что, черт возьми, он наделал?

Он пытался разобраться в своих чувствах и понять, как его любовь могла принести столько горя и так причудливо преломиться, будто оказалась лучом света в хитроумной системе линз.

Вернон Наккей знал Изабель с младенчества. Ее отец учил пятерых его детей. – Самое лучшее – это забрать ее домой, – рассудительно сказал он Биллу. – Я поговорю с ней завтра...

– А как быть с...

– Отведи ее домой, Билл. Отведи бедняжку.

– Изабель! Родная! – Мать заключила дочь в объятия, едва она переступила порог дома. Виолетта Грейсмарк тоже не знала, что и думать, но при виде состояния дочери не решилась ничего расспрашивать. – Я тебе уже постелила. Билл, отнеси ее вещи.

Изабель, с трудом передвигая ноги, прошла в комнату – на ней не было лица. Виолетта подвела ее к креслу и, усадив, принесла с кухни стакан.

– Тут теплая вода с бренди. Чтобы успокоить нервы, – сказала она.

Изабель послушно выпила и поставила пустой стакан на журнальный столик. Виолетта принесла плед и накрыла ей ноги, хотя в комнате и так было тепло. Изабель принялась машинально поглаживать плед, водя указательным пальцем по клетчатому узору. Она была так погружена в свои мысли, что никак не отреагировала на вопрос матери.

– Тебе принести что-нибудь, милая? Ты не голодна?

Билл выглянул с кухни и жестом позвал жену.

– Она сказала хоть слово?

– Нет. Мне кажется, у нее настоящий шок!

– Я тоже так думаю. Я ничего не могу понять! Первым делом с утра я отправлюсь в полицейский участок и все выясню. У этой Ханны Ронфельдт уже много лет с головой не все в порядке. А что до старого Поттса, то он уверен, что за деньги можно все! – Он раздраженно одернул жилетку. – Я не допущу, чтобы тут плясали под дудку какой-то сумасшедшей и ее отца, сколько бы у него ни было денег!

Той ночью Изабель лежала на своей узкой девичьей кровати, которая теперь была такой чужой и неудобной. Легкий ветерок шевелил тюлевые занавески, а под мерцающими звездами за окном громко стрекотали сверчки. Казалось, что совсем недавно в одну из таких же ночей она лежала, не в силах заснуть, перед свадьбой. Она благодарила Господа за то, что он послал ей Тома Шербурна, за то, что он вообще родился, прошел всю войну без царапины, оказался по велению судьбы у них в городке и что она была первой, кого он встретил, ступив на берег.

Ей вспомнилось, как она никак не могла дождаться свадьбы, ничуть не сомневаясь, что после всех несчастий и потерь, которые принесла война, жизнь станет радостной и счастливой. Но теперь от этого чувства не осталось и следа: все казалось ошибкой и обманом. Ее счастье на Янусе было эфемерным и таким далеким! На протяжении двух лет каждое слово Тома и даже его молчание были ложью. И если она об этом не догадывалась, то чего еще она не видела? Почему он никогда не рассказывал, что знает Ханну Ронфельдт? Почему скрывал? Ей вдруг представилась счастливая семья: Ханна, Том и Люси, и к горлу подступил комок. В голове снова зашевелились мысли об измене Тома, не дававшие ей покоя на Янусе, только теперь, явившись из самых темных закоулков сознания, они стали настойчивыми и не оставляли места для сомнений. Не исключено, что у него были другие женщины и другие жизни. Может, на востоке он оставил жену – или жен! – и даже детей! Эти предположения казались вполне вероятными и легко заполняли огромную пропасть, разделившую ее чаяния перед свадьбой и чудовищную реальность. Маяк предупреждает об опасности и советует держаться подальше. А она по ошибке приняла его за надежное убежище.

Потерять ребенка! Видеть на лице Люси невыразимое смятение и ужас при расставании с единственными в мире людьми, которых она действительно знала, уже было невыносимо само по себе. Но знать, что все это случилось по вине ее мужа – человека, которого она обожала, которому отдала всю свою жизнь, – просто не укладывалось в голове! Он обещал заботиться о ней, а сам сделал все, чтобы уничтожить!

Размышления о Томе, какими бы они ни показались болезненными, спасли Изабель от гораздо более опасных мыслей. И в голове стало набирать силу желание покарать обидчика – инстинктивная реакция самки, потерявшей детеныша. Завтра полиция начнет ее допрашивать. Когда звезды на небе начали гаснуть, Изабель уже не сомневалась: Том заслуживал самой жестокой кары за то, что сделал. И он сам вложил в ее руки оружие.

Глава 26

Как и многие дома в Партагезе, здание полицейского участка было построено из местного камня и древесины окрестных лесов. Летом тут было невыносимо жарко, а зимой – настоящий ледник, и в дни экстремальных температур полицейским приходилось одеваться не совсем по форме. Во время сильных дождей потолок в камерах протекал, крыша в отдельных местах просела и однажды даже обрушилась и убила заключенного. Начальство в Перте скупилось выделять деньги на нормальный ремонт, поэтому здание вечно походило на раненого, лечение которого ограничивалось одними перевязками.

За столом возле стойки дежурного сидел Септимус Поттс и помогал заполнять бланк, вспоминая некоторые детали о своем зяте. Он сумел восстановить в памяти полное имя Фрэнка и дату его рождения – они фигурировали на квитанции, выданной при изготовлении надгробия. Что же до места рождения или имен его родителей...

– Послушайте, молодой человек, вряд ли у кого возникнут сомнения, что родители у него были. Так давайте из этого и будем исходить! – заявил он не терпящим возражения тоном, который выработал за долгие годы занятия бизнесом. Констебль Гарстоун, не зная, что возразить, предпочел согласиться, что для возбуждения дела против Тома этого будет достаточно. Дата исчезновения Фрэнка сомнений не вызывала: День памяти 1926 года. А как быть с датой смерти?

– Об этом вам придется спросить у мистера Шербурна! – скривившись, ответил Поттс, и в этот момент в дверях показался Билл Грейсмарк.

Септимус обернулся, и несколько мгновений оба старика смотрели друг на друга, как разъяренные быки.

– Я позову сержанта Наккея. – Констебль вскочил так проворно, что невольно опрокинул стул, который с грохотом стукнулся об пол. Торопливо постучав, Гарстоун скрылся за дверью кабинета и через мгновение появился снова и пригласил к сержанту Билла, и тот решительным шагом проследовал мимо Септимуса.

– Вернон! – обрушился он на сержанта, едва закрылась дверь. – Я не знаю, что тут у вас творится, но требую, чтобы мою внучку немедленно возвратили матери! Да как вы могли?! Боже праведный, ей же нет и четырех лет! – Он махнул рукой в сторону приемной. – Конечно, все, что случилось с Ронфельдтами, очень печально, однако же это не дает Септимусу Поттсу никакого права забирать мою внучку!

– Билл, – произнес сержант, – я понимаю, как это тяжело...

– Черта с два ты понимаешь! Это уже ни в какие ворота не лезет! И устроить такое только со слов женщины, которая уже несколько лет не в себе!

– Я плесну тебе немного бренди...

– Не нужно мне от тебя никакого бренди! Я прошу всего лишь проявить здравый смысл! Неужели это так сложно?! С каких это пор ты отправляешь за решетку людей по безосновательным обвинениям... сумасшедшей?

Наккей сел за стол и повертел ручку.

– Если ты имеешь в виду Ханну Ронфельдт, то она ничего не говорила против Тома. Все начал Блюи Сمارт – это он опознал погребушку. – Сержант помолчал. – Изабель вообще не проронила ни единого слова. И отказывается давать показания. – Разглядывая ручку, он добавил: – Тебе не кажется это странным, если речь идет об ошибке?

– Понятно, что она не в себе после того, как у нее отняли ребенка.

Наккей поднял глаза.

– Тогда объясни мне, Билл, почему Шербурн не отрицает этого?

– Да потому что он... – начал Билл, но осекся, когда до него дошел смысл сказанного. – Что значит – не отрицает?

– Он сообщил, что к острову прибило ялик, в котором находился младенец и мертвый мужчина, и он настоял, чтобы они оставили ребенка. Он думал, что мать утонула, потому что ребенок был завернут в женскую кофту. Сказал, что Изабель хотела заявить об этом, но он не позволил. И считал ее виновной, что у них нет детей. Судя по всему, потом было сплошное вранье! Мы

должны во всем разобраться, Билл. — Он помолчал и, понизив голос, добавил: — И еще остается неясным, как именно умер Фрэнк Ронфельдт. Кто знает, что еще скрывает Том Шербурн? Это очень запутанное и неприятное дело!

Город бурлил от волнения. Как выразился в беседе с коллегами в баре редактор «Саут-вестерн таймс»: «Это все равно, как если бы сюда появился сам Иисус Христос и угостил нас пивом! Тут и воссоединение матери и ребенка, и загадочная смерть, и расщедлившийся, как на Рождество, старина Поттс... Такого в наших краях еще не было!»

На следующий день после возвращения ребенка дом Ханны был по-прежнему нарядно украшен лентами из цветной бумаги. Новая кукла с точеным фарфоровым личиком одиноко сидела в кресле, удивленно глядя на мир широко раскрытыми глазами. Часы на камине равнодушно отсчитывали минуты, а из музыкальной шкатулки слышалась мелодия колыбельной, которая почему-то казалась зловещей. Но все эти звуки перекрывали громкие крики, доносившиеся с заднего двора. На траве надрывался в плаче ребенок с перекошенным от страха и злости лицом: кожа на щеках была натянута, а крошечные зубки сверкали, как клавиши миниатюрного пианино. Она старалась уползти от Ханны и вырывалась каждый раз, когда она пыталась ее поднять, и снова заходила в крике.

— Грейс, милая, ну что ты, успокойся! Пойдем, ну пожалуйста!

Ребенок упрямо твердил:

— Я хочу к маме! И к папе! Уходи! Ты мне не нравишься!

Воссоединение ребенка с матерью стало главным событием города. Фотографы делали снимки, повсюду славил Господа и отдавали должное полиции. Городские сплетницы с удовольствием делились новостями, красочно описывая, какое мечтательное выражение было на лице малышки и каким счастьем светилась улыбка матери.

— А малютка совсем выбилась из сил, и глазки у нее так и слипались. Настоящий ангелочек! Хвала Господу, что ей удалось вырваться из лап этого чудовища! — делилась впечатлениями Фанни Дарнли, которая была в курсе всех событий благодаря матери констебля Гарстоуна.

На самом деле вялость Грейс была вызвана вовсе не усталостью, а сонным зельем, которым напоил ее доктор Самптон, когда понял, что расставание с Изабель вызвало у девочки настоящую истерику.

Ханна столкнулась с неприкрытой враждебностью перепуганной насмерть дочери. Все эти годы любовь в ее сердце не угасала ни на мгновение, и ей даже не приходило в голову, что ребенок может чувствовать по-другому. Когда Септимус Поттс вошел в сад, его сердце сжалось при виде двух скорбных фигур и отчаяния на их лицах.

— Грейс, милая, я не сделаю тебе ничего плохого. Подойди к мамочке, — умоляла Ханна.

— Я не Грейс! Я — Люси! — кричала девочка. — Я хочу домой! Где моя мама? Ты не моя мама!

Чувствуя, как каждое слово больно ранит в самое сердце, Ханна беспомощно прошептала:

— Я так долго тебя ждала... И не переставала любить...

Септимус вспомнил собственную беспомощность, когда Гвен примерно в том же возрасте, что и Грейс, продолжала настойчиво звать свою маму, как будто он прятал погибшую жену где-то в доме. От подобных воспоминаний его неизменно бросало в дрожь.

Заметив отца, Ханна поняла по выражению его лица, что он все видел, и от унижения чуть не разрыдалась.

— Ей просто нужно время привыкнуть. Наберись терпения, Ханни, — сказал он.

Девочка нашла убежище в маленьком проеме между старым лимонным деревом и кустом крыжовника и настороженно оттуда выглядывала, готовая в любой момент пуститься наутек.

— Она понятия не имеет, кто я такая, папа. И бежит от меня... — расплакалась Ханна.

— Она выйдет, — заверил Септимус. — Она устанет и уснет там или проголодается и выйдет сама. Нужно подождать.

— Я знаю. Ей надо просто заново ко мне привыкнуть.

Септимус положил ей руку на плечо.

— Насчет «заново» ты ошибаешься. Ты же для нее совершенно незнакомый человек!

— Попробуй ты! Пожалуйста, попытайся ее оттуда выманить... От Гвен она тоже сбежала.

— Думаю, что на сегодня ей и так хватит незнакомых лиц. И моя уродливая физиономия вряд ли исправит положение. Дай ей немного прийти в себя и успокоиться.

— Папа, чем я провинилась, чтобы заслужить такое?

— Здесь нет твоей вины. Она — твоя дочь и находится там, где и должна. Надо просто набраться терпения, дочка. Все образуется. — Он погладил ее по голове. — А я позабочусь о том, чтобы Шербурн получил по заслугам! Обещаю!

Направившись обратно в дом, он заметил Гвен, наблюдавшую за сестрой с порога. Она покачала головой и прошептала:

— Папа, видеть, как страдает эта крошка, просто невыносимо! От ее плача разрывается сердце. — Она пожала плечами и вздохнула: — Может, все еще и образуется... — Но по глазам было видно, что она и сама в это не верила.

У всех животных, обитающих в окрестностях Партагеза, имеются свои защитные механизмы. Самыми безопасными для человека являются те, кто выживает благодаря своей скорости: юркие ящерицы, попугаи, опоссумы. Они исчезают при малейшей опасности: их средством выживания являются бегство и окраска, позволяющая сливаться с окружающей средой. Есть животные, которые опасны для людей, только если последние оказываются на их пути. К ним относятся тигровые змеи, акулы, пауки-каменщики: они сами нападают на людей, если видят в них угрозу. Но больше всего следует бояться тех, чьи защитные механизмы обычно дремлют и просыпаются, только если их случайно разбудить. Они поражают всех без разбора. Взять хотя бы кусты гастролобиума с красивыми листьями в форме сердечка: стоит их съесть, и сердце перестанет биться. Такие создания просто защищают себя. Но не дай вам Бог подобраться к ним слишком близко! И такие же механизмы Изабель Шербурн оказались разбужены.

Вернон Наккей сидел в кабинете и нервно барабанил пальцами по столу, не решаясь начать допрос Изабель, которая находилась в соседней комнате. В Партагезе у полицейских было мало работы. Редкие правонарушения обычно ограничивались мелкими кражами и пьяными драками. Для продвижения по службе сержант мог переехать в Перт, где случались более серьезные преступления, но той жестокости, которой он насмотрелся на войне, ему хватило до конца жизни. Вот почему он был вполне удовлетворен выписыванием штрафов за пьяные выходы и раскрытием мелких краж. А вот Кеннет Спрэгг, напротив, мечтал о громком расследовании, которое поможет ему перебраться в Перт. И для этого он не остановится

ни перед чем.

Вернон с горечью подумал, что Спрэггу не было никакого дела до того, что, скажем, Билл и Виолетта Грейсмарк потеряли на войне двух сыновей... Он вспомнил, как на его глазах росла Изабель, как маленькой она пела ангельским голоском в церковном хоре на Рождество. Потом его мысли переключились на старого Поттса, который после смерти жены воспитывал дочерей один... И каким ударом для него оказалась свадьба Ханны и Фрэнка... Что же до бедняжки Ханны... Она, конечно, не писаная красавица, но зато на редкость образованная и славная. Правда, Вернон все эти годы считал, что у нее, наверное, не все дома, если она продолжала верить, что дочь найдется, однако же вон как все обернулось...

Он сделал глубокий вдох, нажал на ручку и, войдя в комнату, где сидела Изабель, обратился к ней сдержанно и в то же время почтительно:

— Изабель, миссис Шербурн, я должен задать вам несколько вопросов. Я понимаю, что речь идет о вашем муже, но дело очень серьезное. — Он снял с ручки колпачок и положил на стол. На кончике пера собралась крошечная капелька, и он помахал ручкой из стороны в сторону, чтобы чернила распределились по перу равномерно.

— Он утверждает, что вы хотели сообщить властям о ялике, но он вам не позволил. Это правда?

Изабель, опустив глаза, молча разглядывала свои руки.

— Он был недоволен, что вы не могли родить ему детей, и решил все взять в свои руки, так?

Эти слова отозвались в ней болью. Неужели в своей лжи он невольно выдал правду?

— Неужели вы не пытались образумить его? — не сдавался Наккей.

Она ответила, причем совершенно искренне:

— Когда Том Шербурн считает, что поступает правильно, переубедить его невозможно.

— Он угрожал вам? Применял физическое насилие? — мягко поинтересовался полицейский.

Изабель, чувствуя, как ее охватывает та же ярость, что не давала покоя ночью, окончательно замкнулась.

Наккей частенько сталкивался с тем, как жены и дочери здоровенных лесорубов при одном взгляде на них предпочитали не перечить и проявляли покорность.

— Вы боялись его?

Она поджала губы и промолчала.

Наккей оперся локтями о стол и подался вперед.

— Изабель, закон признает, что жена может оказаться беспомощной в руках мужа. Согласно уголовному кодексу, вы не несете ответственности за то, что он заставил вас сделать или, наоборот, не позволил, так что вам нечего беспокоиться на этот счет. А сейчас я задам вам вопрос и прошу хорошенько подумать, прежде чем ответить. Напоминаю, что у вас не будет никаких неприятностей из-за того, что он насильно вас втянул во все это. — Сержант откашлялся. — По словам Тома, Фрэнк Ронфельдт был уже мертв, когда ялик прибило к острову. — Он заглянул ей в глаза. — Это правда?

Вопрос застал Изабель врасплох. Она уже собиралась подтвердить слова Тома, но тут вспомнила о его предательстве, и на нее нахлынула горечь потери Люси, злость и просто изнеможение, и она закрыла глаза.

— Это правда, Изабель? — мягко повторил полицейский.

Она уперлась взглядом в свое обручальное кольцо и заявила:

— Мне нечего сказать!

Из ее глаз брызнули слезы.

Том медленно пил чай, наблюдая, как пар из кружки растворяется в теплом воздухе. Сквозь высокие окна скудно обставленной комнаты падали косые лучи полуденного солнца. Том поскреб отросшую щетину, и ему невольно вспомнилось время, когда бритье, да и просто умывание были непозволительной роскошью. — Налить еще? — равнодушно поинтересовался Наккей.

— Нет, спасибо.

— Курите?

— Нет.

— Итак! К острову прибывает ялик. Откуда ни возьмись.

— Я уже рассказывал это на Янусе.

— И будете рассказывать столько, сколько потребуется! Итак! Вы увидели ялик.

— Да.

— И в нем младенца.

— Да.

— В каком состоянии был младенец?

— Здоровый. Он плакал, но был здоровый.

Наккей что-то записал.

— И в ялике оказался мужчина.

— Тело.

— Мужчина, — повторил Наккей.

Том внимательно на него посмотрел, стараясь понять, к чему тот клонит.

— Вы ведь привыкли на острове чувствовать себя «царем горы», верно?

Том про себя отметил, что любой зритель маяка углядел бы в этой фразе не только переносный, но и прямой смысл, и ничего не ответил. Наккей продолжил:

— Наверное, считаете, что там с рук может сойти все, что угодно. Никого же вокруг нет!

— Это не имело никакого отношения к безнаказанности.

— И решили, что можете оставить младенца себе. У Изабель же как раз случился выкидыш! И никто ничего не узнает. Верно?

— Я уже объяснял. Я принял решение. И заставил Изабель подчиниться.

— Вы били жену?

Том поднял глаза на полицейского.

– С чего вы взяли?

– А почему она потеряла ребенка?

На лице Тома отразился шок.

– Это она так сказала?

Наккее промолчал, и Том сделал глубокий вдох.

– Послушайте, я уже рассказал, как все было. Она старалась меня отговорить. Я признаю вину во всем, в чем вы меня обвините, так что давайте на этом закончим, только оставьте мою жену в покое.

– Я сам буду решать, когда и что делать! – рявкнул Наккей. – Я вам не ординарец, так что нечего командовать! – Он чуть отодвинулся от стола и скрестил на груди руки. – Этот мужчина в лодке...

– Что – мужчина?

– В каком он был состоянии, когда вы его нашли?

– Он был мертв.

– Откуда такая уверенность?

– В свое время я посмотрелся на трупы.

– А почему я должен вам верить?

– А зачем мне врать?

Наккее выдержал паузу, заставив вопрос повиснуть в воздухе, чтобы заключенный в полной мере осознал все его значение. Том неловко шевельнулся.

– Вот именно! Зачем вам врать?

– Жена подтвердит, что он был мертв, когда ялик прибило к берегу.

– Та самая жена, которую вы заставили лгать?

– Послушайте, одно дело – дать ребенку приют, и другое...

– Убить человека? – закончил за него Наккей.

– Спросите у нее!

– Уже спросил, – тихо произнес полицейский.

– Тогда вы знаете, что он был мертв.

– Я ничего не знаю! Она отказывается говорить об этом.

Том почувствовал, как у него сжалось сердце.

– И что она сказала? – спросил он, глядя в сторону.

– Что ей нечего сказать!

Том опустил голову.

– Боже милостивый... – пробормотал он и поднял глаза. – Я могу только повторить то, что уже говорил. Этот человек был мертв. – Он сцепил пальцы. – Если бы только я мог ее увидеть и поговорить с ней...

– Это невозможно. Во-первых, это запрещено, а во-вторых, мне кажется, что она не станет с вами разговаривать, даже если на земле не останется больше людей.

Поразительное вещество ртуть! Такое непредсказуемое! Оно способно выдержать тонну стекла на маяке, но стоит надавить пальцем на ее каплю, как она тут же ускользнет на свободу. Этот образ то и дело вставал перед глазами Тома, когда он думал об Изабелле после допроса Наккея. Ему вспомнилось, как после последнего выкидыша он пытался успокоить и утешить жену.

– Все будет хорошо! Даже если Бог и не даст нам детей, я буду счастлив до конца жизни, потому что у меня есть ты.

Она медленно подняла глаза, и ее взгляд выражал такое отчаяние и безысходность, что у Тома кровь застыла в жилах.

Он хотел коснуться ее, но она отодвинулась.

– Иззи, все обязательно наладится. Вот увидишь! Нужно просто набраться терпения.

Она неожиданно вскочила и тут же согнулась от резкой боли, потом выпрямилась и, прихрамывая, бросилась в ночную мглу.

– Иззи, Бога ради, стой! Ты упадешь!

– Я знаю, что делать!

На безоблачном небе тихой теплой ночи качалась луна. Длинная белая ночная рубашка, которую Изабель надела в их первую брачную ночь четыре года назад, казалась крошечным бумажным фонариком в безбрежном океане темной мглы.

– Я больше не могу! – закричала она так громко и пронзительно, что разбудила коз, которые заметались по загону, звеня колокольчиками. – Я так больше не могу! Господи, ну почему ты оставляешь в живых меня, а не моих детей? Лучше смерть! – И она, спотыкаясь, бросилась в сторону утеса.

Он догнал ее, обнял, но она вырвалась и снова побежала, то и дело корчась от приступов резкой боли.

– И не надо меня успокаивать! Это ты во всем виноват! Ненавижу это место! Ненавижу тебя! Верните мне ребенка! – Высоко наверху ночную мглу прорезал луч маяка, но тропинку он не осветил. – Ты не хотел его! Поэтому он и умер! Он знал, что был тебе не нужен!

– Успокойся, Изз. Пойдем домой.

– Ты же ничего не чувствуешь, Том Шербурн! Я не знаю, что ты сделал со своим сердцем, но у тебя его нет!

У каждого человека есть свои пределы того, что он может вынести. Том не раз в этом убеждался на фронте. Он знал здоровых и сильных парней, которые прибывали с пополнением, горя желанием задать фрицам жару, годами выносили обстрелы, мороз, вшей и грязь, а потом вдруг ломались и уходили в себя, где до них невозможно было достучаться. Или внезапно, как безумные, бросались со штыком наперевес, смеясь и плача одновременно. Господи, стоит только вспомнить, в каком он был сам состоянии, когда все кончилось...

Разве можно осуждать Изабеллу? Она просто дошла до своей черты, вот и все. У каждого есть такая черта. У каждого. И, забрав у нее Люси, он заставил ее переступить эту черту.

Той же ночью Септимус Поттс снял ботинки и размял пальцы в тонких шерстяных носках. Привычно хрустнули кости в спине, и он невольно охнул. Старик сидел на краю массивной деревянной кровати, вырезанной из эвкалипта, срубленного в его

собственный лесу. Тишину нарушало только мерное тиканье часов на тумбочке. Он со вздохом окинул взглядом роскошный интерьер своей спальни, освещенной электрическими лампами в матовых розовых плафонах: крахмальное белье, сверкающий глянец на мебели, портрет покойной жены Эллен. Перед ним снова возник образ перепуганной и растерянной внучки, похожей на затравленного зверька. Никто не верил, что она могла выжить, и только Ханна не теряла надежды. Жизнь! Кому ведомо, что нам в ней уготовано? До сцены в саду он был уверен, что после смерти Эллен ему больше никогда не придется видеть на лицах близких такого отчаяния и безутешного горя от потери матери. Казалось, что жизнь уже не могла преподнести ему никаких сюрпризов, но как горько он ошибался! Представив всю глубину страданий малышки, он почувствовал, как предательские сомнения закрадываются в его душу. Кто знает... возможно, отнимать у девочки женщину, которую она считала матерью, было слишком жестоко...

Он снова взглянул на портрет Эллен. У Грейс такой же подбородок. Может, она вырастет такой же красивой, как и ее бабушка. Снова нахлынули воспоминания, вернув его в прошлое, и перед глазами пронеслись картины семейных праздников, когда они все вместе отмечали Рождество и дни рождения. Он так хотел, чтобы в их семье все было хорошо! Ему вспомнилось искаженное мукой лицо Ханны, и стало не по себе от стыда: точно такое же выражение было и у него, когда он пытался отговорить дочь от брака с Фрэнком.

Нет! Девочка должна находиться с ними, ведь это и есть ее настоящая семья! Они же в ней души не будут чаять! И в конце концов она привыкнет к своему настоящему дому и родной матери. Только бы у Ханны хватило сил все это пережить и дождаться.

К глазам подступили слезы, и старик почувствовал, как его охватывает гнев. Кто-то должен за это ответить! Ответить за все страдания, которые причинили его дочери! Как можно было найти крошечного младенца и оставить его себе, как какой-то сувенир?

Септимус отбросил назойливые сомнения. Он не мог изменить прошлого и те годы, что отказывался признавать существование Фрэнка, но в его силах было хоть что-то сделать сейчас! Шербурн понесет наказание за те страдания, что причинил Ханне. Обязательно!

Старик погасил лампу и снова посмотрел на портрет Эллен в серебряной рамке, тускло поблескивавшей в лунном свете. И выкинул из головы все мысли о переживаниях, которые наверняка не давали Грейсмаркам спать той ночью.

Глава 27

С момента возвращения в Партагез Изабель постоянно ловила себя на мысли, что ищет Люси – куда она могла запропасться? Не пора ли укладывать ее спать? Чем она будет кормить ее на ужин? Затем разум напоминал обо всем случившемся, и она каждый раз заново переживала трагедию потери ребенка. Что происходит с ее девочкой? Кто ее кормит, переодевает? Люси наверняка никак не может успокоиться!

При мысли о том, как жалобно сморщилось личико девочки, когда ее заставили проглотить горькую таблетку снотворного, у Изабель комок подкатывался к горлу и сжималось сердце. Она старалась вытеснить эти воспоминания другими: как Люси играла в песке; как закрывала нос, прыгая в воду; как спала ночью – такая спокойная, тихая и безмятежная. На свете нет ничего прекраснее, чем наблюдать за своим спящим ребенком. Воспоминания о Люси хранила каждая клеточка Изабель: пальцы помнили мягкость волос, когда она их расчесывала; бедра помнили тяжесть сидевшего на них ребенка и как она крепко обхватывала ее за талию своими ножками; какая мягкая у нее на щеках кожа...

Она погружалась в эти воспоминания и находила в них утешение, будто нектар в умирающем цветке, и при этом сознавала, что где-то глубоко внутри в ней поселилось нечто темное, посмотреть на которое она не решалась. Это приходило к ней во сне, непонятное и страшное, и звало: «Иззи, Иззи, любимая...» – но она не могла обернуться и только съеживалась, будто хотела плечами закрыть уши и ничего не слышать. Она просыпалась, жадно хватая воздух и чувствуя тошноту.

Тем временем родители принимали молчание Изабель за неуместную верность мужу. «Мне нечего сказать» были единственными словами, которые она произнесла в самый первый день после возвращения домой и повторяла каждый раз, когда Билл и Виолетта пытались заговорить о Томе и выяснить, что случилось.

Камеры в полицейском участке обычно служили для того, чтобы дать возможность арестованным пьяным проспать, а разбушевавшимся мужьям образумиться и пообещать впредь не давать воли кулакам. При этом дежурные даже не всегда запирали камеры, а если под стражей содержался кто-то из знакомых, то его могли запросто привести в приемную и скоротать с ним скучную смену за картами, взяв, естественно, клятвенное обещание, что тот не попытается сбежать. Сегодня Гарри Гарстоуну наконец-то довелось охранять настоящего преступника, что наполняло его душу волнующим трепетом. Он до сих пор переживал, что той ночью в прошлом году, когда из Карридейла доставили Боба Хитчинга, дежурил не он. После Галлиполи Боб был не в своем уме: повздорив с братом, жившим на соседней ферме, из-за материнского наследства, он в беспамятстве схватил нож для разделки мяса и зарезал его. За это преступление его потом повесили. И вот теперь Гарстоун, сверившись с инструкцией по содержанию заключенных, был преисполнен решимости не отступать от предписаний ни на йоту.

Когда Ральф попросил о встрече с Томом, констебль устроил настоящее представление: он полистал инструкцию, надул щеки и, скривив губы, произнес:

- Извините, капитан Эддикотт. Я бы вас, конечно, пропустил, но здесь говорится...
- Не болтай чепухи, Гарри Гарстоун, не то я все расскажу твоей матери!
- Но здесь черным по белому написано...

Стены в полицейском участке были тонкими, и констебля прервал сержант Вернон Наккей, которому и не нужно было подниматься из-за стола и выходить из кабинета, чтобы отдать нужные распоряжения:

- Не дури, Гарстоун! У нас сидит смотритель маяка, а не Нед Келли [21]! Пропусти его!

Униженный констебль обиженно гремел ключами, пока отпирал дверь, спускался по ступенькам и вел Ральфа по коридору, где находились несколько камер, забранных решетками. В одной из них на койке у стены сидел Том.

- Том! – произнес скипер. Его посеревшее лицо казалось застывшим.
- Ральф! – кивнул в ответ Том.

– Я пришел сразу, как смог. Хильда передает привет. И Блюи тоже, – сказал он, передавая приветы, будто опустошая карманы от мелочи.

Том снова кивнул.

Какое-то время оба сидели, не произнося ни слова. Наконец Ральф нарушил молчание:

– Если хочешь, я уйду...

– Нет, я рад, что ты пришел. Правда, сказать мне особо нечего. Ничего, если мы немного помолчим?

У Ральфа было много вопросов, как своих, так и тех, что наказала задать жена, но он послушно замолчал и устроился на хлипком стуле. Воздух постепенно прогревался, и деревянные стены потрескивали, будто разминая после сна мышцы. Доносился веселый щебет медоносов [22] и трясогозук. Пару раз проехали машины, заглушая ревом двигателей звонкое стрекотание сверчков и цикад.

В голове у Ральфа роилось множество мыслей, и он прилагал немалые усилия, чтобы удержаться от расспросов. Ему так хотелось подняться и встряхнуть Тома за плечи, что пришлось даже засунуть ладони под себя. Наконец, не в силах больше сдерживаться, он воскликнул:

– Бога ради, Том, в чем дело? Что это за слухи, что Люси – ребенок Ронфельдтов?

– Это правда.

– Но... как... какого черта?..

– Я уже объяснял это полиции, Ральф. Я не горжусь тем, что совершил.

– Ты... ты это имел в виду тогда на Янусе, когда говорил, что хочешь поступить правильно?

– Все не так просто.

Наступило долгое молчание.

– Расскажи мне, что произошло.

– Это ни к чему, Ральф. Я принял плохое решение тогда и теперь должен за него ответить.

– Бога ради, парень, позволь мне по крайней мере тебе помочь!

– Это не в твоих силах. Во всем виноват я один, мне и отвечать.

– Что бы там ни было, ты хороший человек, и я не допущу, чтобы ты вот так пошел ко дну! – Шкипер поднялся. – Позволь мне найти хорошего адвоката – посмотрим, что он посоветует.

– Адвокат тоже ничем не может помочь, Ральф. Скорее, тут нужен священник.

– Но все, что о тебе болтают, – просто чушь несусветная!

– Не все, Ральф.

– Тогда скажи мне в глаза, что все это правда! Что ты угрожал Изабель! Посмотри мне в глаза и скажи это, и я от тебя отстану.

Том внимательно разглядывал трещинку на деревянной доске.

– Видишь? – торжествуя воскликнул Ральф. – Ты не можешь!

– На дежурстве был я, а не она. – Том посмотрел на Ральфа, будто прикидывая, может ли он сказать ему что-нибудь в свое оправдание, не ставя под удар Изабель. Наконец он произнес: – Иззи и так страдала больше, чем достаточно. С нее довольно!

– Подставить себя под удар вовсе не выход! Тут нужно во всем хорошенько разобраться.

– Тут не в чем разбираться, Ральф. И содеянного не вернуть. Я виноват перед ней.

Чудеса все-таки возможны, и теперь это ни у кого не вызывало сомнений. После возвращения Грейс преподобный Норкеллс столкнулся с неожиданным увеличением числа прихожан, особенно за счет женщин. Многие матери, потерявшие всякую надежду увидеть своих сыновей, как и многие жены, овдовевшие во время войны, вновь обратились к молитвам с утроенной силой, уже не считая это бессмысленным. Никогда еще святой Иуда не устаивался такого внимания. Боль от потери близких снова обострилась, и смягчить ее могла только вновь вспыхнувшая надежда.

Джеральд Фицджеральд сидел напротив Тома, а разделявший их стол был завален бумагами и папками. Низкорослый и коренастый адвокат был похож на одетого в костюм-тройку жокея – плотного, но подвижного. Он прибыл из Перта на поезде вчера вечером, остановился в гостинице «Эмпресс» и успел войти в курс дела за ужином. – Против вас выдвинули официальное обвинение. Окружной судья приезжает в Партагез раз в два месяца, и, поскольку он был здесь совсем недавно, вас будут содержать под стражей до следующего его появления. Но тут вам будет куда лучше, чем в тюрьме Албани, уж можете мне поверить! А мы за это время успеем подготовиться для предварительного слушания.

Перехватив вопросительный взгляд Тома, он пояснил:

– На предварительном слушании будет решаться, есть ли основания для предъявления обвинения. Если да, то суд состоится в Албани или Перте. Это зависит...

– От чего? – поинтересовался Том.

– Давайте пройдемся по обвинениям, – сказал Фицджеральд, – и вы все поймете. – Он бросил взгляд на лежавший перед ним лист бумаги. – Надо сказать, что сеть они раскинули очень даже широко. Уголовный кодекс Западной Австралии, Закон Содружества о государственных служащих, Закон Западной Австралии о причинении насильственной смерти, Закон Содружества о преступных действиях. – Он улыбнулся и потер руки. – И это мне очень нравится!

Том удивленно приподнял бровь.

– Это значит, что они все собирают в одну кучу, так как не уверены, какое именно нарушение удастся вам вменить, – пояснил адвокат. – Невыполнение должностных обязанностей – два года заключения и штраф. Неуважительное обращение с телом – два года каторжных работ. Недонесение об обнаружении мертвого тела... – он презрительно усмехнулся, – всего лишь штраф в десять фунтов стерлингов. Заведомо неправомочная регистрация факта рождения – два года каторжных работ и штраф в двести пятьдесят фунтов стерлингов. – Он потер подбородок.

– А как насчет обвинения в похищении ребенка? – не удержался Том. Он впервые произнес эти слова и невольно вздрогнул.

– Статья 343 Уголовного кодекса. Семь лет каторжных работ. – Адвокат снова потер подбородок и кивнул каким-то своим мыслям. – Вам повезло, мистер Шербурн, что закон пишется для наиболее типичных случаев. Законы охватывают правонарушения, которые встречаются чаще всего. Статья 343 применяется... – он взял потрепанный свод законов, нашел

нужную страницу и прочитал: – «...к лицам, имеющим намерение отобрать ребенка у законных родителей... силой или обманным путем выкрадывающим ребенка или же удерживающим его».

– И что? – не понял Том.

– Им не удастся вменить вам это в вину. На ваше счастье, обычно младенцы все время находятся с матерями, и потому их отнять можно только похищением и незаконным удержанием. А сами младенцы вряд ли могут самостоятельно добраться до практически необитаемого острова. Понимаете? Обвинению не удастся обосновать свой иск о незаконном похищении, поскольку в данном случае отсутствуют необходимые признаки состава преступления. Вы не «удерживали» ребенка: с юридической точки зрения он мог покинуть остров, как только пожелает. Вы, понятно, не «выкрадывали» младенца. И вас нельзя обвинить в желании «отобрать» ребенка у законных родителей, поскольку мы заявим, что вы искренне считали их погибшими. Поэтому с данным обвинением мы легко разберемся. К тому же вы герой войны, имеющий боевые награды. Большинство судов с пониманием отнесется к парню, который рисковал своей жизнью за страну и никогда не был замечен ни в чем предосудительном.

Том с облегчением выдохнул, но адвокат продолжил, и на этот раз на его лице не осталось и тени улыбки.

– Однако суды очень не любят лжецов, мистер Шербурн. Не любят настолько сильно, что наказывают лжесвидетельство сроком в семь лет каторжных работ! А если лжесвидетельство позволяет ускользнуть от наказания истинному преступнику, то это уже препятствование осуществлению правосудия, что карается еще семью годами каторги. Вы понимаете, к чему я клоню?

Том молча смотрел на него.

– Закон хочет быть уверенным, что карает виновного. Вот почему судьи столь нетерпимы к лжесвидетельству. – Он поднялся, подошел к окну и посмотрел сквозь прутья решетки на росшие во дворе деревья. – Вот если бы у меня имелась возможность рассказать в суде о несчастной женщине, которая была вне себя от горя из-за неудачных родов и не могла здраво мыслить и отличать добро от зла... А ее муж – хороший, законопослушный и ответственный парень, – глядя на ее страдания и желая хоть чем-то их облегчить, в кои-то веки позволил чувствам взять верх над разумом и согласился на ее предложение... Вот тогда мне удалось бы убедить и судью, и присяжных воспользоваться своим правом на снисхождение и вынести мягкий приговор, в том числе и в отношении жены.

Но сейчас мой подзащитный, по его же собственным словам, является не только лжецом, но и домашним тираном. Человеком, который, видимо, так боялся, что его сочтут не способным иметь детей, что решил оставить младенца и заставил свою жену лгать.

Том расправил плечи:

– Я не буду менять показаний.

Фицджеральд не сдавался:

– А если вы в принципе можете совершить подобный поступок, то, по мнению полиции, запросто способны и на нечто большее. Если вы относитесь к тем, кто берет все, что хочет, и силой заставляет жену подчиняться своей воле, то не исключено, что ради достижения своей цели способны и на убийство. Тем более что на войне убивать вам уже приходилось, и немало, и это всем известно. – Адвокат помолчал и добавил: – Вот с какими доводами мы можем столкнуться.

– Меня в этом не обвиняют.

– Пока не обвиняют. Но я слышал, что этот полицейский из Албани жаждет вашей крови. Мне уже приходилось с ним сталкиваться раньше, и можете мне поверить – он тот еще мерзавец!

Том сделал глубокий вдох и снова покачал головой.

– И этого полицейского особенно радует, что ваша жена отказывается подтверждать, что Ронфельдт в ялике был уже мертв, когда вы его нашли. – Адвокат намотал на палец красную тесемку, которой завязывалась папка. – Судя по всему, она вас ненавидит. – Разматывая тесемку, Фицджеральд медленно произнес: – Она может вас ненавидеть, потому что вы заставили ее солгать насчет ребенка. Или даже потому, что вы убили человека. Но мне кажется, что причиной является другое – вы предали гласности то, что она хотела сохранить в тайне.

Том промолчал.

– Доказать, как он умер, – дело властей. А с телом, пролежавшим в земле более четырех лет, это будет непросто. От тела мало что осталось. Никаких сломанных костей, а что у него было большое сердце, ни для кого не секрет. Если вы расскажете правду, коронер скорее всего вынесет «открытый вердикт», констатирующий, что причина смерти не установлена.

– Если я признаю себя виновным по всем пунктам обвинения, скажу, что заставил Изабель подчиниться, а других доказательств не окажется, к ней не будет вопросов со стороны закона?

– Нет, но...

– Тогда пусть будет как будет.

– Однако нельзя исключать, что ваша участь может оказаться гораздо печальнее той, к которой вы считаете себя готовым, – сказал Фицджеральд, убирая бумаги в портфель. – Мы понятия не имеем, что ваша жена может заявить на суде, если вдруг решится заговорить. На вашем месте я бы хорошенько все обдумал еще раз.

Если люди и раньше с пристрастием поглядывали вслед Ханне, то после возвращения Грейс внимание к ней только возросло. Многие считали, что после воссоединения матери и ребенка с Ханной произойдут некие чудесные изменения, но их ждало разочарование: ребенок выглядел измученным, а мать – еще более подавленной. На щеках Ханны не только не появилось румянца, но она осунулась еще больше, и каждый плач Грейс вновь и вновь заставлял мать испытывать горькие сомнения в правильности решения забрать дочь к себе. Для сличения почерка на письмах, полученных Ханной, с почерком зрителя полиция затребовала старые вахтенные журналы с Януса: то, что письма и записи в журнале были сделаны одной рукой, сомнений не вызывало. Как не вызывало сомнений и происхождение погребушки, опознанной Блюи.

А вот ребенок изменился до неузнаваемости. Ханна отдавала мужу крошечного темноволосого младенца весом двенадцать фунтов, а судьба вернула ей испуганную и не желавшую ничего слышать девочку со светлыми волосами, которая уже умела ходить и плакала навзрыд так горько, что залитое слезами личико становилось пунцовым, а слез было так много, что они стекали с мокрого подбородка. От той уверенности, что была у Ханны после нескольких недель ухода за новорожденной, не осталось и следа. Она так рассчитывала на восстановление былой внутренней близости, которая позволяла им чувствовать

друг друга без всяких слов, но этого не случилось: поведение дочери было непредсказуемым и удручающим. Они были как пара танцоров, не способных двигаться слаженно.

Ханну пугали моменты, когда у нее опускались руки от бесконечного противостояния. Сначала ее дочь удавалось накормить, уложить спать или искупать только после скандала с ревом, а потом малышка вообще замкнулась и ушла в себя. Даже в самых страшных ночных кошмарах за годы разлуки ей не мог представиться тот ужас, в который превратилась ее жизнь.

В отчаянии она привела ребенка к доктору Самптону.

— Что ж, — сказал полный доктор, кладя стетоскоп на стол, — физически она абсолютно здорова. — Он подвинул банку с разноцветным драже в сторону Грейс. — Угощайся, маленькая леди.

Девочка, отлично помнившая кошмар их первой встречи в полицейском участке, не шевельнулась, и Ханна обратилась к ней:

— Ну же, родная, выбери себе конфетку того цвета, что нравится.

Но ее дочь отвернулась и начала наматывать на палец прясть волос.

— И вы говорите, что она мочится в постели?

— И часто! В ее возрасте вряд ли нормально...

— Наверное, мне нет необходимости напоминать, что все, происходящее с ней, не является нормальным. — Он позвонил в колокольчик на столе, и после осторожного стука в дверь в комнату вошла пожилая женщина.

— Миссис Флипп, вы не побудете с малышкой Грейс, пока мы с ее мамой кое-что обсудим?

Женщина улыбнулась.

— Пойдем, дорогая, поищем вместе, не найдется ли у нас где-нибудь для тебя печеньица, — сказала она и увела с собой понурого ребенка.

— Я не знаю, что делать, что говорить... — начала Ханна. — Она по-прежнему спрашивает... — женщина запнулась, — Изабель Шербурн.

— А что вы ей сказали про нее?

— Ничего. Я сказала ей, что ее мама я, что люблю ее и...

— Вам надо обязательно сказать что-нибудь про миссис Шербурн.

— Но что?

— Я предлагаю вам сказать, что ей с мужем пришлось уехать.

— Куда уехать? Зачем?

— В этом возрасте не важно куда. Просто у нее должен иметься ответ. Со временем Грейс забудет о Шербурнах, если, конечно, ничто ей не будет о них напоминать. Она привыкнет к новому дому. Я не раз в этом убеждался на примере усыновленных сирот.

— Но она в таком состоянии... Я просто хочу сделать так, чтобы ей было хорошо.

— Боюсь, что нельзя сделать яичницы, не разбив яиц, миссис Ронфельдт. Судьба обошлась с этой девочкой очень сурово, и тут уж ничего не поделаешь. Рано или поздно, но воспоминания о Шербурнах сотрутся из ее памяти, если исключить с ними любые контакты. А пока, если видите, что девочка слишком возбуждена и неспокойна, давайте ей на ночь немного снотворного. Вреда от этого точно не будет.

Глава 28

— Держись от него подальше! Ты меня понял?

— Я должен его навестить, мам. Он в тюрьме уже бог знает сколько! И все по моей вине! — причитал Блюи.

— Не болтай ерунды! Ты вернул матери ее законное дитя и получишь три тысячи гиней награды! — Миссис Смарт сняла разогретый утюг с печи и раздраженно водила им по скатерти, которую пыталась погладить. — Подумай сам! Ты сделал все, что нужно, и теперь не вмешивайся!

— Да ему сейчас труднее, чем первым поселенцам, мам. Боюсь, что для него все это плохо кончится.

— Это не твоя забота, сынок! А теперь ступай на задний двор и займись-ка прополкой клумбы.

Блюи машинально сделал шаг к задней двери, а мать пробормотала:

— Наградил же Господь недоумком!

Блюи замер на месте и, к ее изумлению, расправил плечи и выпрямился в полный рост.

— Да, может, я и недоумок, но уж точно не предатель! И не из тех, кто бросает товарищей в беде! — Он развернулся и направился к входной двери.

— Куда это ты собрался, Джеремайя Смарт?!

— На улицу!

— Только через мой труп! — закричала она и встала в проходе, загораживая путь.

Она была не выше пяти футов ростом, в то время как Блюи — больше шести.

— Извини, — сказал он и легко, будто деревянную жердь, приподнял мать за талию и отставил в сторону. Она молча смотрела ему вслед с раскрытым от изумления ртом и полным ярости взглядом.

Блюи окинул взглядом крошечное помещение: в углу помойное ведро, на столе, привинченном к полу, оловянная кружка. За все годы знакомства он никогда не видел Тома небритым, непричесанным и в грязной одежде. Теперь у зрителя под глазами были темные круги, а скулы, подобно скалам, выступали над квадратной челюстью. — Том! Рад тебя видеть, дружище! — произнес посетитель, разом напомнив обоим те славные времена, когда после долгого плавания и трудной швартовки они действительно искренне радовались встрече.

Разглядеть лицо Тома получше мешали толстые прутья решетки. Наконец Блюи удалось произнести:

— Ну как ты?

— Бывало и лучше.

Блюи, помяв в руках шляпу, набрался храбрости.

— Я не стану брать награды, приятель. — Было видно, что слова давались ему с трудом. — Это было бы нечестно.

Том отвел взгляд.

– Я так и подумал, что должна быть причина, почему ты не приехал с полицейскими. – В его словах звучала не злость, а какое-то безразличие.

– Я виноват! Меня заставила мать. Я не должен был ее слушать. И я не притронулся к этим деньгам.

– Уж лучше эти деньги достанутся тебе, а не кому-то другому. Мне теперь все равно.

Блюи ждал от Тома чего угодно, но только не равнодушия.

– И что будет дальше?

– Понятия не имею, Блюи.

– Тебе что-нибудь нужно? Я могу чем-то помочь?

– Немного неба и моря точно не повредит.

– Я серьезно.

– Я тоже. – Том глубоко вздохнул и задумался.

– Вообще-то у меня есть одна просьба. Зайди к Иззи. Она наверняка у родителей... Просто... убедись, что с ней все в порядке. Ей сейчас очень трудно. Люси для нее была всем. – Его голос дрогнул. – Передай ей, что я понимаю. И больше ничего. Скажи, что я понимаю, Блюи.

Не зная, что и думать, молодой человек отнесся к поручению как к святому долгу. Он передаст сообщение в точности, как если бы от этого зависела его собственная жизнь.

Когда Блюи ушел, Том лег на койку и снова подумал, как все переносят Люси и Изабель. Он вновь и вновь спрашивал себя, мог ли поступить иначе, начиная с того самого первого дня. И ему вспомнились слова Ральфа: «Есть ли смысл ворошить прошлое? Время нельзя повернуть вспять».

Он постарался переключить внимание на что-то другое и мысленно представил, как выглядит звездное небо сегодня ночью. Сириус, как обычно, сияет ярче других звезд, затем Южный Крест, потом планеты – Венера и Уран, – которые так хорошо видны в небе над островом. Он мысленно прошелся по всем созвездиям, скользившим по небосводу от заката до рассвета. Их невозмутимость, постоянство и вечность вселили в Тома чувство свободы. Все, что с ним происходило, звезды когда-то уже обязательно видели, и со временем их память поглотит его жизнь и исцелит рану. Все забудется, и все страдания исчезнут. А потом ему вспомнился атлас звездного неба и надпись Люси: «...всегда-всегда-всегда...» – и боль от настоящего вновь вернулась.

Он помолился за Люси: «Пусть с ней все будет хорошо. Пусть она проживет счастливую жизнь. И пусть простит меня». А потом помолился за Изабель: «Господи, дай ей силы все пережить и вернуться к жизни, пока не стало слишком поздно!»

Блюи переминался с ноги на ногу на пороге дома Грейсмарков и мысленно повторял заготовленную речь. Дверь открылась, и в ее проеме показалась Виолетта, настороженно его разглядывая. – Я могу вам чем-то помочь? – спросила она, но за ее учтивостью скрывалась боязнь новых неприятностей.

– Здравствуйте, миссис Грейсмарк. – Видя, что она никак не реагирует, Блюи добавил: – Я Блю... Джеремайя Смарт.

– Я знаю, кто вы такой.

– Я могу... мне можно поговорить с миссис Шербурн?

– Она никого не принимает.

– Я... – Он уже собирался повернуться и уйти, но тут ему вспомнилось лицо Тома, и он передумал. – Я не задержу ее. Я просто должен...

Из темной гостиной донесся голос Изабель:

– Пропусти его, мама.

Мать недовольно поджала губы:

– Проходите. И не забудьте вытереть ноги. – Она смотрела, как он долго и тщательно вытирал подошвы о половик перед тем, как войти.

– Все в порядке, мама. Оставь нас, – попросила Изабель, продолжая сидеть в кресле.

Увидев ее, Блюи невольно подумал, что выглядит она не лучше Тома – такая же потухшая и осунувшаяся.

– Спасибо... что согласились увидеть меня... – произнес он и смешался, нервно теребя шляпу мокрыми от пота руками. – Я видел Тома.

Ее лицо потемнело, и она отвернулась.

– Ему плохо, миссис Шербурн. Очень плохо.

– И он прислал вас об этом сообщить?

Блюи продолжал мять шляпу.

– Нет. Он попросил передать сообщение.

– Вот как?

– Он просил передать, что понимает.

Изабель не могла сдержать удивления.

– Что понимает?

– Он не сказал. Просто просил передать эти слова.

Ее глаза были по-прежнему устремлены на Блюи, но видели совсем не его. После затянувшейся паузы, когда Блюи уже не знал, куда деваться от ее немигающего взгляда, она наконец медленно поднялась и сказала:

– Вы передали. Я провожу вас.

– Но... как же?

– «Как же» что?

– Что мне ему сказать? Что передать? – Она не ответила. – Он всегда хорошо ко мне относился, миссис Шербурн. И вы тоже.

– Сюда, пожалуйста, – продолжила она, будто не слыша, и показала на входную дверь.

Едва он ушел, Изабель оперлась о стену, не в силах унять дрожь.

– Изабель, милая! – воскликнула мать. – Пойдем, тебе надо прилечь, вот так, моя девочка. – И она проводила дочь в ее

комнату.

– Меня сейчас снова стошнит, – пожаловалась Изабель и, едва Виолетта успела поставить ей на колени тазик, содрогнулась в рвотных спазмах.

Билл Грейсмарк гордился тем, что умел разбираться в людях. Будучи директором школы, он наблюдал, как формируется характер учеников по мере взросления. Он редко ошибался, из кого в жизни выйдет толк, а из кого – нет. Но весь его опыт говорил о том, что Том Шербурн не был лжецом или не склонен к насилию. Одного взгляда на то, как к нему тянулась Люси, было достаточно, чтобы понять – она его совершенно не боялась. А уж более заботливого мужа для дочери он не мог и желать.

Однако, лишившись внучки и понимая, что Изабель больше не сможет родить, Билл инстинктивно принял сторону дочери, единственной из всех его детей, кому удалось выжить. Кровные узы значат куда больше, чем собственная интуиция, а в справедливости пословицы «Кровь людская не водица» он убедился на собственном опыте.

– Это ужасно, Вернон. Просто ужасно! Несчастная Изабель никак не может успокоиться, – говорил он полицейскому, с которым они устроились за столиком в углу бара.

– Если она даст показания против Тома, ей нечего беспокоиться, – заверил Наккей.

Билл удивленно на него посмотрел.

– Она не подлежит уголовной ответственности за то, что заставил ее сделать муж. Ей надо просто рассказать все, как было на самом деле, – пояснил полицейский. – Она является ценным свидетелем, чьи показания суд принимает наравне с другими, однако принудить ее к этому суд не может: закон разрешает супругам не свидетельствовать друг против друга. Муж тоже имеет право хранить молчание и не давать показаний против жены, а Том дал ясно понять, что не собирается говорить ни слова.

Немного помолчав, полицейский спросил:

– А Изабель... никогда не проявляла беспокойства в отношении ребенка?

Билл бросил на него взгляд:

– Давай не будем отвлекаться от сути дела, Вернон.

Наккей не стал настаивать и принялся размышлять вслух:

– Дело в том, что зрители маяков – это люди, которые облечены особым доверием. Вся наша страна, да и весь мир, если смотреть с другой стороны, зависят от честности и порядочности этих людей, чья репутация должна быть безупречной. Мы не можем допустить, чтобы в их рядах оказался человек, который утаил правду от властей и силой принудил жену к противоправным действиям. Не говоря уже о том, что он мог сделать с Фрэнком Ронфельдом до того, как предал его тело земле. – Вернон заметил, что на лице Билла отразилась тревога, но продолжил: – Нет, подобные вещи надо пресекать на корню. Через несколько недель приедет судья и состоится предварительное слушание. Учитывая уже данные Шербурном показания... его скорее всего отправят в Албани, где суд полномочен разбирать тяжкие преступления и выносить соответствующие приговоры. А может, все обернется для него совсем плохо, и тогда его отправят в Перт. Спрэгг землю роет, чтобы доказать, что Ронфельдт был жив, когда оказался на Янусе. – Полицейский допил пиво и подвел итог сказанному: – Перспективы у парня неважные, Билл, уж можешь мне поверить.

– Ты любишь книжки, малышка? – спросила Ханна. Она отчаянно искала любую возможность наладить отношения с дочерью. Она сама в детстве обожала сказки, и одним из редких воспоминаний о матери, сохранившихся в ее памяти, было чтение «Сказки про Кролика Питера» солнечным днем на лужайке их особняка в Бермондси. Ханна помнила светло-голубую шелковую блузку матери и цветочный аромат ее духов. И еще ее улыбку – самое дорогое сокровище на свете.

– А что это за слово? – спрашивала она Ханну. – Ты же знаешь его, правда?

– Морковка! – с гордостью отвечала она.

– Какая же ты у меня умница! – улыбалась мама. – Я тобой горжусь!

На этом воспоминания обрывались, совсем как конец сказки, и Ханна вновь и вновь проигрывала в памяти всю картину заново.

Теперь она пыталась заинтересовать Грейс той же самой книгой.

– Видишь? Здесь рассказывается про кролика. Давай читаем вместе.

Но девочка смотрела на нее угрюмо и враждебно.

– Я хочу к маме! Ненавижу книжку!

– Ну пожалуйста! Ты же даже не взглянула. Давай прочитаем одну страничку, а если тебе не понравится – больше не будем.

Девочка вырвала книгу у нее из рук и запустила в Ханну: угол оцарапал щеку, едва не попав в глаз. Малышка бросилась из комнаты и натолкнулась на Гвен, которая как раз входила в комнату.

– Эй, маленькая мисс! – сказала Гвен. – Разве можно так себя вести? Пойди и попроси прощения.

– Оставь ее, Гвен. Она не нарочно, просто так получилось. – Подбрав книгу с пола, Ханна убрала ее на полку. – Хочу угостить ее куриным супом на ужин. Куриный суп ведь всем нравится, верно? – спросила она, уже ни в чем не уверенная.

А вечером того же дня ползала по полу, вытирая рвоту после того, как Грейс стошнило этим супом.

– А если подумать, что мы о нем знаем? Все эти рассказы о Сиднее могут оказаться сплошной выдумкой. Мы точно знаем только одно – он не из Партагеза. – Виолетта разговаривала с мужем, когда Изабель уже спала. – Что он за человек? Дождался, когда наша дочь привязалась к ребенку, а потом отнял его. – Она разглядывала фотографию внучки в рамке, которую теперь держала не на камине, а в ящике с нижним бельем. – И что ты хочешь этим сказать, Ви?

– Господи Боже! Даже если он и не приставлял к ее голове пистолет, он все равно виновен! После третьего выкидыша она явно была не в себе. И разве можно ее винить за это... Если уж действовать по инструкции, то нечего было откладывать! А не идти спустя годы на попятную, когда от этого пострадает так много людей. Мы живем с теми решениями, которые принимаем, Билл. Это и есть мужество. Надо уметь отвечать за свои ошибки.

Билл промолчал, и она, продолжая переключать мешочки с сушеной лавандой, продолжила:

– Поставить собственные угрызания совести превыше всего и не думать, чем это обернется для Изабель и Люси или... – она накрыла руку мужа своей, – для нас. В конце концов, он осмысленно причинил всем нам боль. Все равно что специально посыпал солью на раны! Как будто мало у нас в жизни было горя! – В ее глазах заблестели слезы. – Наша маленькая внучка, Билл. Вся наша любовь... – Она медленно закрыла ящик.

– Ну, Ви, милая, не надо. Я знаю, что ты чувствуешь. И все понимаю.

Он обнял жену и прижал к себе. За эти дни седины в ее волосах заметно прибавилось. Они так и стояли обнявшись: Виолетта плакала, а Билл произнес:

– Какой же я глупец, когда поверил, что все плохое осталось в прошлом!

Неожиданно он всхлипнул и еще крепче обнял жену, будто пытался этим жестом уберечь свою семью от новых потрясений.

Наконец пол был вытерт, Грейс уснула, и Ханна села у ее кровати и разглядывала дочь. Днем это сделать невозможно: Грейс прятала лицо, если думала, что за ней наблюдают. Она сразу отворачивалась или убегала в другую комнату. Горела всего одна свеча, но ее света хватало, чтобы разглядеть овал лица малышки, изгиб ее бровей, в ней она видела Фрэнка. Сходство было настолько велико, что у Ханны сжималось сердце, и ей казалось, что стоит заговорить с этой спящей фигуркой, как та отзовется его голосом. Пламя свечи отбрасывало тени, колебавшиеся в такт дыханию дочери, и отражалось блеском на волосах или капельке слюны в уголке розовых губок, казавшихся полупрозрачными.

Ханна поймала себя на мысли, что была бы только рада, если бы Грейс не просыпалась целыми днями, а если надо, и годами, лишь бы во сне из ее памяти стерлись все воспоминания об этих людях и своей прежней жизни. Она чувствовала внутри пустоту, которая образовалась в тот самый момент, когда она увидела страдания на лице возвращенной дочери. Если бы только рядом был Фрэнк! Он бы знал, что делать и как с этим справиться. Жизнь столько раз обходилась с ним жестоко, но все невзгоды он встречал с улыбкой и несокрушимым оптимизмом.

Воспоминания унесли Ханну в прошлое, когда у колыбели дочери, родившейся всего неделю назад, Фрэнк тихонько напевал: «Schlaf, Kindlein, schlaf» – «Спи, моя радость, усни». Перед ее глазами возникла склонившаяся над колыбелью фигура мужа, тихонько шептавшего что-то на немецком. «Я желаю, чтобы ей приснились сладкие сны, – говорил он. – Когда человек думает о хорошем, все обязательно будет хорошо. Я это точно знаю».

Ханна выпрямилась. Этих воспоминаний было достаточно, чтобы придать ей сил на следующий день. Грейс – ее дочь. И рано или поздно, но ее душа обязательно это почувствует и узнает в ней мать. Просто надо набраться терпения, и все образуется. Так уверял отец. И тогда эта маленькая девочка снова станет ее дочерью и наполнит жизнь радостью, как в тот день, когда только родилась.

Ханна тихо задула свечу и пошла к себе в комнату. Укладываясь в постель, она остро ощутила, какой пустой и холодной она казалась.

Изабель шла по улице. Было три часа ночи, и она выскользнула из дома родителей через заднюю дверь. Высокий эвкалипт ухватил луну двумя длинными ветками, похожими на крючковатые пальцы. Под босыми ногами тихо хрустела сухая трава: здесь, среди палисандровых деревьев и делониксов [23], когда-то давно играли в крикет.

Она никак не могла сосредоточиться, и ее разум тщетно пытался примирить ее с реальностью, в которой она потеряла сначала первого ребенка, потом второго и третьего, а теперь еще и Люси. И Том, тот самый Том, которого она любила столь безоглядно и за которого вышла замуж, тоже оказался лжецом, строчившим за ее спиной письма другой женщине и замышлявшим отнять у нее дочь.

«Я понимаю».

Что он хотел этим сказать?

Она почувствовала, как живот свело резью. Мысли разбегались в разные стороны, и вдруг ей с необыкновенной ясностью припомнились те ощущения, что довелось пережить в девятилетнем возрасте, когда понесла лошадь. Наткнувшись на дороге на тигровую змею, она встала на дыбы и тут же рванулась вперед, прямо в лесную чащу, не обращая внимания на хлещущие ветки и ребенка, отчаянно вцепившегося в гриву. Изабель, прильнув к шее обезумевшего животного, изо всех сил за нее держалась, пока оно не выбилось из сил и не пришло в себя, проскакав не меньше мили.

– Тут уж ничего не поделаешь, – сказал ей тогда отец. – Если лошадь понесла, надо держаться из последних сил и молиться. Нельзя остановить животное, охваченное слепым ужасом.

Она ни с кем не могла поговорить. Ее никто не сможет понять. Какой смысл в ее жизни без семьи, ради которой она жила? Она провела рукой по коре палисандрового дерева и нашла две зарубки, которые оставили братья за день до отплытия во Францию. Первую Элфи сделал по ее росту и сказал:

– Это чтобы знать, сестренка, как ты выросла, когда мы вернемся. Поэтому можешь сюда приходить и проверять сама.

– А вы точно вернетесь? – спросила она.

Братья переглянулись – на их лицах промелькнуло выражение и тревоги, и нетерпения.

– Вернемся, когда ты дорастешь вот до сюда, – пообещал Хью и сделал зарубку на шесть дюймов выше. – Как только ты станешь такого роста, мы и вернемся.

Она так и не доросла до той зарубки.

По стволу пробежала ящерица, и Изабель, очнувшись от воспоминаний, возвратилась в настоящее, где так много непонятого. Луна, чей серебристый диск виден сквозь ветви, бледнела на глазах. В голове роились вопросы, на которые у нее не было ответа. Кем же на самом деле оказался Том? Человек, которого, ей казалось, она знает. Как мог он совершить такое предательство? Какой была ее жизнь с ним? И что стало с душами их детей, которые так и не сумели найти свой путь в этот мир, чтобы остаться с ней? И где-то в глубинах сознания зарождается крамольная мысль: зачем жить завтра? Какой в этом смысл?

Недели после возвращения Грейс оказались для Ханны куда страшнее тех, что были после ее исчезновения, ибо она столкнулась с реалиями, о которых раньше старалась не думать. Прошло столько лет! Фрэнк действительно умер. Часть жизни ее дочь прожила не с ней, и исправить это уже невозможно. Отсутствие Грейс рядом с Ханной означало ее присутствие рядом с другими людьми. Мысль о том, что за всю свою жизнь ее дочь ни разу о ней не подумала, отозвалась в сердце Ханны острой болью. И она со стыдом почувствовала себя преданной. Преданной своей собственной дочерью, еще такой маленькой. Она вспомнила о жене Билли Уишарта, и как ее радость от возвращения мужа, которого она считала погибшим в битве на реке

Сомма во Франции, обратилась в отчаяние. После газовой атаки он так и не смог оправиться и вернулся домой инвалидом, который не узнавал своих близких. Промучившись с ним пять лет, его жена одним морозным утром забралась в коровнике на перевернутый бак и повесилась, и вынимали ее из петли дети, поскольку сам Билли был не способен даже держать в руке нож.

Ханна молилась о терпении, силе и понимании. Каждое утро она просила Господа помочь ей дотянуть до вечера.

Однажды, проходя мимо детской, она услышала голос. Замедлив шаг, Ханна на цыпочках подошла к приоткрытой двери и заглянула внутрь.

При виде дочери, играющей в куклы, у нее радостно забилося сердце: все прежние попытки увлечь девочку игрой заканчивались неудачей. А теперь на покрывале расставлен игрушечный чайный сервиз. На одной кукле было красивое кружевное платье, а на другой – только блузка и шаровары. На подоле куклы, одетой в платье, лежала деревянная прищепка для белья.

– Пора ужинать, – сказала девочка за куклу в платье и, поднеся игрушечную чашку к прищепке, громко почмокала. – Хорошая девочка! А теперь пора спать, моя сладкая. Спокойной ночи. – Она поднесла прищепку к губам куклы, чтобы та могла ее поцеловать на ночь. – Посмотри, папа, – продолжала она, поглаживая прищепку рукой куклы. – Люси спит!

– Спокойной ночи, Люси, спокойной ночи, мама. – На этот раз говорила уже кукла в шароварах. – Мне пора зажигать маяк. Солнце уже почти село. – И кукла отправилась под одеяло.

Кукла в платье сказала:

– Не волнуйся, Люси. Никакая колдунья тебя не украдет! Я их всех прогнала!

Не в силах больше сдерживаться, Ханна влетела в комнату и выхватила куклы.

– Хватит! – со злостью закричала она и, потеряв голову от охватившего ее негодования, ударила малышку по руке. – Ты меня поняла?

Девочка застыла, но не заплакала и только молча смотрела на мать.

Ханна уже успела опомниться и сама была в ужасе от собственной вспышки гнева.

– Милая, прости меня! Я совсем не хотела сделать тебе больно. – И тут ей вспомнился совет доктора. – Эти люди уехали. Они совершили плохой поступок и забрали тебя из дома. А теперь они уехали. – При слове «дом» Грейс озадаченно на нее посмотрела, и Ханна вздохнула: – Когда-нибудь ты все поймешь.

К обеду, когда Ханна всхлипывала на кухне, стыдясь своей несдержанности, ее дочь снова играла в прежнюю игру, только уже не с куклами, а с тремя прищепками.

В тот вечер Ханна до глубокой ночи что-то мастерила, вооружившись иголкой с ниткой, а утром ее дочь, проснувшись, увидела на подушке новую тряпичную куклу – маленькую девочку, на переднике которой было вышито «Грейс».

– Я с ума схожу при одной мысли, в каком она сейчас состоянии, мама, – сказала Изабель. Они сидели в плетеных креслах под навесом на заднем дворе. – Она скучает по нам, скучает по дому. Бедная малышка не может понять, что происходит. – Я знаю, дорогая. Я знаю, – отозвалась мать.

Виолетта налила ей чашку чая, Изабель поставила ее на колени. Ее дочь было трудно узнать: лицо посерело, глаза ввалились, под ними – темные круги; волосы тусклые и спутанные.

– Даже похорон и тех не было... – произнесла Изабель вслух пришедшую ей мысль, будто отвечая на мучившие ее вопросы.

– Ты о чем? – спросила Виолетта. В последнее время понимать дочь становилось все труднее.

– Все, кого я потеряла, они просто исчезли в никуда. А будь похороны нормальными... я не знаю... может, и была бы разница. У нас есть фотография могилы Хью в Англии, а имя Элфи выбито на мемориале. А трое моих детей... – целых трое, мам! – просто преданы земле без всякой службы. А теперь, – ее голос дрогнул от слез, – теперь еще и Люси...

Виолетта была рада, что не устраивала похорон сыновей: это было бы неоспоримым свидетельством смерти и означало ее признание. И предание земле. А раз похорон не было, то всегда оставалась надежда, что в один прекрасный день они заглянут к ней на кухню узнать, когда ужин; и они все вместе посмеются над такой нелепой ошибкой, которая едва не заставила ее поверить – подумать только! – что они больше не вернуться.

Она ответила, тщательно подбирая слова:

– Милая, Люси не умерла! – Изабель, казалось, не обратила на ее слова никакого внимания, и мать нахмурилась: – Во всем, что произошло, нет твоей вины. И я никогда не прошу этого человека.

– Я думала, что он меня любит, мама. Он говорил, что дороже меня у него нет никого на свете. А сам поступил так низко...

Позже, занявшись приведением в порядок серебряных рамок с фотографиями сыновей, Виолетта в который уже раз задумалась о случившемся.

Любовь к ребенку выходит за рамки категорий добра и зла. Она знала женщин, рожавших от мужей, к которым питали отвращение, или, хуже того, от насильников. И все же они любили своих детей неистово и иступленно, хотя и испытывали ненависть к тем, кто волей судьбы оказался их отцом. Виолетта знала, что от любви не бывает лекарств.

Глава 29

– Почему ты ее защищаешь?

Услышав вопрос, Том замер, настороженно посмотрев на Ральфа сквозь решетку.

– Да тут и слепому все видно! Стоит мне упомянуть Изабель, как ты тут же меняешься в лице и теряешь способность мыслить здраво!

– Я должен был защищать ее лучше. От себя самого.

– Не болтай ерунды!

– Ты всегда был мне настоящим другом, Ральф. Но ты... многого обо мне не знаешь.

– Но и знаю я о тебе тоже много, парень.

Том поднялся.

– Движок удалось наладить? Блюи сказал, что с ним проблемы.

Ральф внимательно на него посмотрел:

– Есть такое.

– Этот катер тебе славно служил многие годы.

– Да, я всегда доверял ему и не думал, что с ним что-то может случиться. Начальство во Фримантле хочет отправить его в утиль. – Ральф посмотрел Тому в глаза. – Жизнь так коротка! Как можно выбрасывать на ветер лучшие годы своей жизни?

– Лучшие годы моей жизни были очень давно, Ральф.

– Вздор, и ты сам это знаешь! Пора наконец очнуться и взяться за ум, черт тебя побери!

– И что, по-твоему, я должен сделать, Ральф?

– Ты должен сказать правду, какой бы она ни была! Любая ложь ведет к одним неприятностям.

– Иногда бывает и так, что и правда тоже! У каждого человека есть свой предел, и кому, как не мне, это знать! Иззи была обычной счастливой девушкой, пока не связалась со мной. Ничего подобного бы не произошло, не отправься она со мной на Янус. Она считала, что там настоящий рай. И понятия не имела, что ее ожидало. Я не должен был позволять ей ехать.

– Она взрослая женщина, Том.

Он посмотрел на шкипера и произнес, медленно подбирая слова:

– Ральф, к этому шло уже очень давно. Рано или поздно, но за содеянное приходится держать ответ. – Он вздохнул и перевел взгляд на паутину в углу камеры, в которой висело несколько мух, походивших на брошенные елочные украшения. – Я должен был умереть много лет назад. Одному Богу известно, сколько раз мне чудом удавалось избежать пули или удара штыком. Я и так пережил отпущенное мне время. – Он с трудом сглотнул. – Для Изз без Люси жизнь и так сплошное мучение. Она не выдержит в тюрьме... Ральф, это самое малое, что я могу для нее сделать. Хотя чем-то загладить вину.

– Это нечестно! – Девочка повторяла эту фразу снова и снова, но уже не жалобным тоном, а в отчаянной попытке пробить брешь непонимания. Она говорила это так, будто хотела объяснить простую английскую фразу иностранцу. – Это нечестно! Я хочу домой! Иногда Ханне удавалось отвлечь ее на несколько часов. Они вместе пекли пирог. Вырезали из бумаги кукол. Сыпали крошки на пороге дома для крапивников, чтобы эти крошечные птички прыгали на своих тоненьких ножках совсем близко и изящно клевали угощение под восхищенным взглядом Грейс.

Увидев, как загорелись у Грейс глаза при виде кошки, которую они случайно встретили на улице, Ханна опросила знакомых, нет ли у кого котят, и вскоре маленькое черное создание с белыми лапками стало законным членом их семьи.

Несмотря на то что котенок Грейс точно понравился, она держалась настороженно.

– Ну же, он твой! Весь целиком, – сказала Ханна, осторожно вкладывая ей в руки маленький комочек. – Только теперь тебе придется за ним ухаживать. А как мы его назовем?

– Люси! – не раздумывая, ответила девочка.

Ханна не соглашалась:

– Мне кажется, Люси – это имя маленькой девочки, а не кота. А как же нам назвать кота?

– Табата-Тэбби, – предложила Грейс единственное кошачье имя, которое знала.

– Ладно, пусть будет Табата-Тэбби, – уступила Ханна, подавляя в себе желание возразить, что так называют кошек, а не котов. По крайней мере ей удалось хоть как-то разговорить дочь.

Когда на следующий день Ханна предложила угостить котенка фаршем, Грейс, накручивая на палец прядь волос, ответила:

– Ты ей не нравишься! Она любит только меня!

Она говорила это без всякой злости, просто констатировала.

– Может, стоит дать ей повидаться с Изабель Шербурн? – предложила Гвен после очередной бурной сцены между матерью и дочерью по поводу надевания ботинок. Ханна пришла в ужас.

– Гвен!

– Я знаю, как ты к этому относишься. Просто я подумала... а вдруг, если Грейс будет считать, что вы с ней дружите, это поможет?

– Мы с ней дружим? Да как ты можешь такое говорить?! И к тому же ты отлично знаешь, что сказал доктор Самптон. Чем быстрее она забудет об этой женщине, тем лучше!

Однако она отлично понимала, как сильно привязана ее дочь к тем, другим, родителям и той, другой, жизни. Когда они гуляли по пляжу, Грейс так и норовила залезть в воду. А вечерами, когда большинство детей радовались, что смогли найти на небе луну, Грейс показывала пальчиком на самую яркую звезду и торжественно провозглашала:

– Сириус! И Млечный Путь!

Она говорила это таким уверенным тоном, что Ханна невольно пугалась и торопилась увести ее в дом.

– Пора спать, пойдём скорее.

Ханна молилась о том, чтобы Господь избавил ее от чувства горечи и обиды.

– Боже милосердный, спасибо Тебе, что вернул мою дочь. Наставь меня на путь истинный и научи, как поступить.

Но она тут же вспоминала Фрэнка и как его тело предали земле в безымянной могиле, завернув в кусок брезента. Ханна вспоминала выражение его лица, когда он в первый раз взял на руки дочь, будто ему доверили поддержать весь рай и всю Вселенную, которые уместились в маленьком розовом одеяльце.

Это было неправильно! И Том Шербурн заслуживал суда! И если суд решит отправить его в тюрьму – что ж, око за око, как говорится в Библии. И пусть свершится правосудие!

Но потом она вспоминала, как тогда на пароходе много лет назад этот человек спас ее от бог знает чего. Она вспоминала, как от одного его присутствия вдруг почувствовала себя в безопасности. При мысли о таком странном несоответствии ей делалось не по себе. Кто знает, что на самом деле у человека внутри? Она видела, с какой решительностью и внутренней силой он моментально образумил пьяного. Неужели он считал себя выше всех и что правила не для него? А как тогда быть с записками, написанными таким красивым и ровным почерком? «Помолитесь за меня». И Ханна вновь возвращалась к молитвам и молилась уже за Тома Шербурна: пусть суд над ним будет справедливым, хотя где-то внутри ей и хотелось заставить его страдать за содеянное.

На следующий день Гвен взяла отца под руку, пока они прогуливались по лужайке. – Знаешь, я скучаю по этому месту, – сказала она, оглядываясь на огромный каменный особняк.

– Дом тоже по тебе скучает, Гвен, – ответил отец и, сделав несколько шагов, добавил: – Теперь, когда Грейс дома с Ханной, может, тебе пора вернуться к старому отцу...

Она закусила губу.

– Мне бы этого тоже хотелось. Честно. Но...

– Что – но?

– Мне кажется, Ханна еще не оправилась. – Она вынула руку и посмотрела на отца. – Мне ужасно неприятно говорить об этом, папа, но я сомневаюсь, что что-то изменится. А малышка! Я и не представляла, что ребенок может быть таким несчастным!

Септимус дотронулся до ее щеки.

– Я знаю одну маленькую девочку, которая была несчастна не меньше. Я думал, что, глядя на тебя, у меня разорвется сердце. После смерти матери ты не могла успокоиться долгие месяцы. – Он остановился и наклонился к отцветавшей розе с алыми бархатными лепестками. Глубоко вдохнув пьянящий аромат, он с трудом выпрямился, приложив руку к спине.

– Но самое печальное то, что ее мать жива, – не сдавалась Гвен. – И она здесь, в Партагезе.

– Да, Ханна действительно здесь, в Партагезе.

Гвен хорошо знала отца и не стала настаивать. Они продолжили путь в молчании: Септимус разглядывал клумбы, а Гвен пыталась заглушить жалобный плач племянницы, продолжавший звучать у нее в ушах.

Той ночью Септимус долго размышлял, как ему следует поступить. Ему уже приходилось иметь дело с маленькими девочками, потерявшими мать, и он знал, чем можно их отвлечь. Разработав план, он погрузился в здоровый и крепкий сон.

Утром он приехал к Ханне и объявил: – Мы отправляемся в таинственное путешествие! Грейс давно пора поближе познакомиться с Партагезом и узнать, откуда она.

– Но мне надо сделать шторы для церкви, – растерялась Ханна. – Я обещала преподобному Норкеллсу...

– Я сам отвезу ее. С ней все будет отлично!

«Таинственное путешествие» началось с посещения лесопильного завода Поттса. Септимус помнил, как обожали маленькие Ханна и Гвен угощать яблоками и сахаром имевшихся там лошадей-тяжеловозов. Сейчас бревна подвозили по узкоколейке, но какое-то количество лошадей продолжали держать на случай, если дожди в лесу размоют часть железнодорожного полотна.

Поглаживая одну из лошадей, он сказал:

– А эту лошадь, маленькая Грейс, зовут Арабелла. Ты можешь произнести «Арабелла»? Запряги-ка нам ее в повозку! – велел он подскочившему конюху, и вскоре во дворе уже стояла готовая к поездке двуколка.

Усадив Грейс, Септимус устроился рядом.

– Ну что, поехали? – спросил он и тронул вожжи.

Грейс никогда не видела такой большой лошади и никогда не была в настоящем лесу. Ее познания о лесе ограничивались впечатлениями, полученными во время той злополучной экскурсии по кустарникам, росшим за домом Грейсмарков. На протяжении почти всей своей жизни она видела только две сосны, росшие на Янусе.

Септимус держался старой просеки, проложенной среди высоких эвкалиптов, и показывал на то и дело встречавшихся кенгуру и варанов – девочке казалось, что она попала в настоящую сказку. Время от времени она показывала на птичку или валлаби [24] и спрашивала:

– А это кто?

И дед рассказывал, как они называются.

– Посмотри! Видишь, там кенгуру-детеныш! – восторженно закричала она при виде маленького сумчатого, неспешно прыгавшего вдоль просеки.

– Это не детеныш, а уже взрослое животное, и называется оно квокка. Они совсем как кенгуру, только короткохвостые и очень маленькие. Они больше не вырастают. – Он погладил девочку по голове. – Так приятно видеть, что ты улыбаешься. Я знаю, как тебе грустно... Ты скучаешь по прежней жизни. – Септимус помолчал. – Я тебя понимаю, потому что сам прошел через это.

Малышка озадаченно на него посмотрела, и он продолжил:

– Я был чуть старше тебя, когда мне пришлось попрощаться с мамой и отправиться через весь океан на паруснике во Фримантл. Я знаю, что это трудно представить, но так оно и было. Однако я приехал и здесь нашел новых маму и папу. Их звали Сара и Уолт. И они стали обо мне заботиться. И полюбили меня точно так же, как моя Ханна любит тебя. Видишь, в жизни у человека может оказаться больше одной семьи.

По лицу Грейс сложно было понять, что она вынесла из этой беседы, и Септимус сменил тему. Лошадь неспешно переступала по разбитой дороге, а лучи поднимавшегося все выше солнца начинали пробиваться сквозь высокие кроны.

– Тебе нравятся эти деревья?

Грейс кивнула.

Септимус показал на молодые побеги:

– Видишь, там растут маленькие деревца? Мы срубаем большие деревья, а на их месте вырастают новые. Со временем все вырубки восстанавливаются. Когда ты доживешь до моего возраста, это маленькое деревце превратится в настоящего гиганта. Вот так все здорово устроено. – Ему пришла в голову неожиданная мысль. – Когда-нибудь этот лес станет принадлежать тебе. Это будет твой лес!

– Мой лес?

– Он принадлежит мне, потом будет принадлежать твоей маме и тете Гвен, а после них – тебе. Как тебе это?

– А можно я подержу вожжи? – спросила она.

Септимус засмеялся:

– Давай мне свои ладошки, и мы будем править вместе.

– Возвращаю в целости и сохранности, – сказал Септимус, передавая Грейс Ханне.

– Спасибо, папа. – Она присела на корточки, чтобы лучше видеть дочь. – Тебе понравилось?

Грейс кивнула.

– А лошадку удалось погладить?

– Да, – тихо ответила она и потерла глаза.

– Сегодня был долгий день. Сейчас мы тебя искупаем, а потом уложим спать.
– Он подарил мне лес! – сказала Грейс. Ее губы тронула улыбка, и у Ханны защемило сердце.

После ванны Ханна присела у кровати дочери:

– Я так рада, что тебе понравилось! Расскажи мне, что ты видела, родная.

– Квотту.

– Что?

– Она такая маленькая и прыгает.

– А! Квокка! Правда, они хорошенькие? А что еще?

– Большую лошадь. Я ею управляла.

– А ты помнишь, как ее зовут?

Девочка задумалась.

– Арабелла.

– Правильно, Арабелла. Она просто замечательная. И у нее тоже есть друзья. Их зовут Самсон, Геркулес и Диана. Арабелла уже старенькая. Но она очень и очень сильная. Тебе дедушка показывал конный ворот, который она может тащить? – Видя на лице дочери недоумение, Ханна пояснила: – Это такая повозка на двух огромных колесах. На них срубленные деревья вывозятся из леса. – Девочка отрицательно покачала головой. – Ах ты, моя радость! Мне так хочется тебе показать все-все! Ты очень полюбишь лес, обещаю!

Когда Грейс уснула, Ханна еще долго сидела возле нее и строила планы на будущее. Весной она покажет ей полевые цветы. Она купит ей шетлендского пони, и они вместе будут кататься верхом по узким лесным тропинкам. Ей вдруг представилось, как много хорошего их ждет впереди, и впервые она не испытывала страха, думая о будущем.

– Добро пожаловать домой, – прошептала она спящей дочери. – Добро пожаловать домой, любовь моя.

Она занялась хлопотами по хозяйству и в тот вечер даже что-то напевала себе под нос.

Глава 30

В Партагезе живет не так много людей, и мест, которые они посещают, тоже не так много. Так что рано или поздно, но обязательно встретишь человека, с которым совсем не хочешь видеться.

Виолетта долго уговаривала дочь выйти из дома.

– Пойдем, сходи со мной до магазина – мне надо купить еще шерсти, чтобы закончить покрывало. – Уже больше никаких веселых кофточек и нарядных платьиц. Виолетта снова начала вязать крючком пледы для несчастных репатриантов, прозябавших в приюте. Это занятие давало работу рукам, однако не спасало от мыслей.

– Мама, не стоит. Мне правда не хочется. Лучше я останусь дома.

– Я тебя очень прошу – ну пойдем!

Они шли по улице, и прохожие старались не разглядывать их слишком уж откровенно. Некоторые вежливо раскланивались, однако никто уже не спрашивал, как в прежние времена: «Что нового, Ви?» или «Ты будешь в церкви в воскресенье?» Были и такие, кто, завидев их, предпочитал перейти на другую сторону. Горожане пытались разузнать побольше из газет, но в последнее время там тоже ничего нового не сообщалось.

Столкнувшись на выходе из галантерейного магазина с Виолеттой и ее дочерью, Фанни Дарнли охнула и остановилась с круглыми глазами в предвкушении скандала.

В магазине пахло ароматическими смесями из сухих лепестков лаванды и роз, лежавших в корзине возле кассы. По стенам развешаны ткани из шелка, муслина, льна и хлопка, на прилавках разложены бесконечные разноцветные ряды ниток и мотков шерсти. Хозяин – мистер Мушмор – обслуживал пожилую женщину и показывал ей образцы разных кружев. От стойки продавца у дальней стены по обе стороны магазина были расставлены столики со стульями для удобства покупателей.

За одним из столиков спиной к Изабель сидели две женщины: блондинка и брюнетка. Последняя ощупывала светло-лимонную льняную ткань, рулон которой лежал на столе. Рядом с ней, насупившись и теребя в руках тряпичную куклу, сидела маленькая светловолосая девочка в чудесном розовом платьице и белых носочках с кружевами.

Пока женщина приценивалась к ткани, спрашивая продавца о качестве, девочка повернула голову посмотреть, кто вошел. В следующее мгновение, выронив куклу, она сорвалась с места и, вытянув ручки, бросилась к Изабель.

– Мама! – закричала она. – Мама! Мама!

Прежде чем кто-нибудь успел опомниться, Люси вцепилась Изабель в ногу и крепко к ней прижалась.

– О, Люси! – Изабель подхватила ее и обняла, а ребенок уткнулся носом ей в шею. – Моя ненаглядная Люси!

– Эта плохая тетя забрала меня, мама! Она меня ударила! – всхлипывала она, показывая рукой.

– Ах ты, моя бедненькая! – Чувствуя, как малышка привычно обняла ее ногами за талию и пристроила голову у нее под подбородком, Изабель залилась слезами. Она не видела и не слышала ничего вокруг.

Ханна в ужасе наблюдала за этой сценой, чувствуя унижение и отчаянную зависть при виде того, как Грейс с любовью тянулась к Изабель. Видя воочию, чего она оказалась лишена, Ханна впервые осознала масштабы кражи, совершенной много лет назад. Она подумала о сотнях дней и тысячах объятий, которые связывали эту женщину с ее дочерью благодаря украденной любви. У нее подкосились ноги, и она боялась, что лишится чувств. Гвен взяла ее за локоть, не зная, как поступить.

Ханна изо всех сил пыталась сдержать слезы и взять себя в руки. Эта женщина и ребенок были единым целым, они жили в своем мире, путь в который был закрыт для всех остальных. Стараясь сохранить достоинство и удержаться на ногах, она почувствовала, как к горлу подкатил комок. Ханна заставила себя дышать ровно, взяла со стойки сумочку и направилась к Изабель.

– Грейс, дорогая, – начала она. Изабель с ребенком, вцепившимся в нее, не шевельнулись. – Грейс, дорогая, нам пора домой. – Она протянула руку дотронуться до малышки, но она ответила оглушительным истошным воплем, вырвавшимся на улицу:

– Мама, пусть она уйдет! Мама, прогони ее!

На улице стали останавливаться прохожие: на лицах мужчин была растерянность, а на лицах женщин – ужас. Лицо девочки

перекосилось и побагровело.

– Мама, пожалуйста! Мама! – всхлипывая, умоляла она, будто пыталась до нее докричаться. Ее крошечные ладошки непрестанно гладили Изабель по лицу, и она не могла произнести ни слова.

– Может, мы... – начала Гвен, но сестра ее перебила.

– Отпустите ее! – закричала Ханна, не в силах обратиться к Изабель по имени. – Неужели вам мало того, что вы сделали? – продолжила она уже спокойнее, но в ее голосе звучала горечь.

– Как же можно быть такой жестокой? – не выдержала Изабель. – Разве вы не видите, в каком она состоянии? Вы же ничего о ней не знаете! Ни того, что ей нужно, ни как за ней ухаживать! Проявите хотя бы здравый смысл, если у вас нет ни капли жалости к ней!

– Отпустите мою дочь! Немедленно! – потребовала Ханна, вся дрожа. Ей хотелось как можно скорее убраться из этого проклятого магазина и разорвать невидимые узы, связывавшие ее дочь с этой женщиной. Взяв малышку за талию, она оторвала ее от Изабель, и девочка, брыкаясь, истошно завопила:

– Мама! Я хочу к маме! Пусти меня!

– Все хорошо, маленькая, – сказала Ханна. – Я знаю, что ты расстроена, но нам пора идти. – Она говорила мягким голосом, пытаясь успокоить упиравшуюся девочку, но держала ее крепко, чтобы она не вырвалась и не убежала.

Гвен посмотрела на Изабель и сокрушенно покачала головой. Потом повернулась к племяннице.

– Ну же, малышка, успокойся. Не надо плакать, – сказала она и вытерла ей личико изящным кружевным платочком. – Пойдем домой и поищем тебе ириску. Табата-Тэбби уже наверняка соскучилась и ждет тебя. Пойдем, милая.

Осыпая упирающегося и всхлипывающего ребенка ласковыми уговорами, сестрам удалось вывести Грейс на улицу. В дверях Гвен обернулась и ужаснулась, увидев в глазах Изабель невыразимую муку.

На какое-то время в магазине все замерли. Изабель боялась пошевелиться, будто могла этим продлить ощущение близости с дочерью, которую держала на руках всего мгновение назад. Виолетта с вызовом окинула взглядом продавцов, и они стыдливо отвернулись. Наконец один из них начал сворачивать развернутый рулон с льняным полотном.

Ларри Мушмор последовал этому примеру и повернулся к пожилой женщине, которую обслуживал:

– Так вам нужно два ярда? Именно этого кружева?

– Да... да, всего два ярда, – ответила она, стараясь говорить нормальным голосом, хотя, расплачиваясь, достала из сумки не деньги, а расческу.

– Пойдем, дорогая, – мягко сказала Виолетта дочери и громко добавила, обращаясь к продавцу: – Я не уверена, что мне нужна такая же шерсть, как и в прошлый раз. Я еще раз проверю рисунок и тогда решу.

Фанни Дарнли, сплетничавшая со знакомой неподалеку, замерла на полуслове, увидев, как Виолетта и Изабель выходят из магазина, и только когда они удалились, осмелилась посмотреть им вслед.

Наккей размеренно шагал по перешейку, слушая, как с обеих сторон накатывали волны. Он приходил сюда проветрить голову вечерами после чая. Как обычно, он вытер посуду, помытую женой. Он до сих пор вспоминал, как раньше им всегда помогали дети и они вместе превращали процесс мытья посуды в настоящую игру. Теперь они уже большие. Почти все. Он грустно улыбнулся при мысли, что маленькому Билли так и осталось всего три годика. Между большим и указательным пальцами он вертел прохладную и круглую, как монета, ракушку. Семья! Бог знает, что бы с ним стало, не будь у него семьи. Для женщины иметь ребенка – самое естественное на свете желание. Его Айрин пошла бы на что угодно, лишь бы вернуть обратно Билли. На что угодно! Когда дело касается детей, родителями руководят лишь инстинкт и надежда. И еще страх. Все законы и правила тут же забываются.

Закон есть закон, а люди есть люди. Он мысленно возвращался в тот злополучный День памяти, когда началась вся эта печальная история. Он сам уехал в Перт на похороны тетки. Он мог бы привлечь к суду их всех, включая Гарстоуна. Всех, кто тогда дал волю чувствам и выместил накопившуюся боль на несчастном Фрэнке Ронфельдте. Но от этого вышло бы только хуже. Нельзя пристыдить целый город. Иногда единственным средством, позволяющим зажить прежней нормальной жизнью, является забвение.

Его мысли вернулись к заключенному. Этот Том Шербурн был для него настоящей загадкой. Твердый орешек, ничего не скажешь! И никак не понять, что скрывалось за его гладкой и прочной скорлупой без единого пятнышка, указывавшего на слабое место. Как же этот чертов Спрэгг жаждал его крови! Пока Вернону удавалось держать его подальше, но скоро он уже не сможет помешать ему приехать и допросить Шербурна. А в Албани или Перте кто знает, как все обернется для Тома. Тем более что Шербурн вел себя так, будто сам себе враг.

Но Вернону все же удалось помешать Спрэггу допросить Изабель.

– Вам известно, что мы не можем заставить жену свидетельствовать против мужа, а если на нее надавить, она может вообще замолчать и не проронить ни слова. Вы этого хотите? – спросил он сержанта. – Оставьте ее мне.

Господи, ну что за напасть! Он рассчитывал на спокойную жизнь в тихом городе, а теперь приходится разбираться с таким запутанным делом. От него требовалось провести беспристрастное и основательное расследование и своевременно передать дело в Албани.

Вернон с силой швырнул ракушку в море, и она скрылась в волнах, заглушивших всплеск.

Сержант Спрэгг, еще не пришедший в себя после утомительной дороги из Албани, стряхнул с рукава пушинку и медленно повернулся к разложенным на столе бумагам. – Томас Эдвард Шербурн. Дата рождения: 28 сентября 1893 года.

Том промолчал. В лесу пронзительно стрекотали цикады, будто их пение было голосом самой жары.

– Да ты настоящий герой! Награжден «Военным крестом». Я читал твое дело: в одиночку захватил пулеметное гнездо немцев, вынес под огнем снайпера четырех раненых и все такое. – Спрэгг выдержал паузу. – Наверняка в свое время убил кучу людей.

Том по-прежнему хранил молчание.

– Я сказал, – Спрэгг навис над столом, – что ты наверняка в свое время убил кучу людей.

Дыхание Тома оставалось ровным. Он смотрел прямо перед собой, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

Спрэгг стукнул кулаком по столу:

– Когда я задаю вопрос, ты должен отвечать! Это понятно?

– Когда я услышу вопрос, я на него отвечу, – спокойно произнес Том.

– Зачем ты убил Фрэнка Ронфельдта? Это вопрос.

– Я не убивал его.

– Потому что он был немцем? Судя по всему, он так и не избавился от акцента.

– У него не было никакого акцента, когда я его увидел. Он был мертв.

– Тебе уже приходилось убивать много его соплеменников, так что одним больше или меньше – разницы нет, верно?

Том глубоко вздохнул и скрестил руки на груди.

– Это тоже вопрос, Шербурн.

– К чему все это? Я уже говорил, что виновен в том, что оставил Люси и что, когда ялик прибило к берегу, этот человек был уже мертв. Я похоронил его и признаю свою вину. Что еще нужно?

– Ах, какие мы смелые и правдивые и как сладко поем, лишь бы только не отправиться на виселицу! – издевательски произнес Спрэгг. – Но со мной этот номер не пройдет! И отвертеться от убийства тебе не удастся!

Спокойствие Тома выводило сержанта из себя.

– Мне доводилось сталкиваться с такими, как ты. Ох уж эти «герои» войны! Они возвращались и думали, что их будут носить на руках до конца жизни. И смотрели на тех, кто не служил, как на людей второго сорта! Но война кончилась! И видит Бог, сколько подобных «героев» съехали с катушек! Но выжить на войне и жить в цивилизованном обществе – это разные вещи! И тебе это с рук не сойдет!

– К войне это не имеет никакого отношения.

– Кто-то должен стоять на страже справедливости, и я обещаю, что добьюсь ее!

– Подумайте сами, сержант! Какой в этом смысл? Я же мог все отрицать! Я мог заявить, что Фрэнка Ронфельдта вообще не было на ялике, и что тогда? Вы бы в жизни о нем не узнали! Я сказал правду потому, что его жена должна знать, что случилось, и потому, что он заслуживал достойного погребения.

– А может, ты сказал не все потому, что хотел успокоить свою совесть и отделаться легким наказанием.

– Я спрашиваю: какой в этом смысл?

Сержант смерил его холодным взглядом.

– Тут говорится, что при захвате пулеметного гнезда ты убил семь человек. На такое способен только человек, склонный к насилию. Или жестокий убийца. Твой героизм может обернуться виселицей, – сказал Спрэгг, собирая бумаги. – Трудно быть героем, болтаясь в петле.

Закрыв папку, он позвал Гарри Гарстоуна и велел отвести заключенного в камеру.

Глава 31

После инцидента в галантерейном магазине Ханна старалась не выходить из дома, а Грейс окончательно замкнулась в себе, и все попытки матери вывести ее из оцепенения оканчивались неудачей.

– Я хочу домой. Я хочу к маме, – постоянно повторяла она жалобным голосом.

– Грейс, родная, твоя мама – это я. Я понимаю, что ты совсем запуталась. – Ханна нежно провела пальцем по ее подбородку. – И я очень тебя люблю с самого первого дня, как только ты появилась на свет. И все время ждала, когда ты вернешься. Придет день, и ты обязательно во всем разберешься. Обещаю.

– Я хочу к папе! – обреченно сказала девочка, отворачиваясь.

– Папа не может с нами быть, но он очень тебя любил. Очень-очень! – Перед глазами Ханны всплыла картина, с каким трепетом Фрэнк держал на руках малышку. Девочка смотрела на Ханну с непониманием, иногда со злостью, но в конце концов на ее лице появлялось выражение безысходности.

На следующей неделе Гвен возвращалась домой от портнихи и – в который уже раз! – прокручивала в голове душераздирающую сцену, разыгравшуюся в магазине. Она очень переживала за племянницу: видеть, как она страдает, было просто невыносимо! И стоять в стороне и молча наблюдать за происходящим Гвен больше не могла.

Дойдя до конца парка, где начинались кусты, она заметила женщину, которая сидела на скамейке, устремив в пустоту невидящий взгляд. Сначала Гвен обратила внимание на красивый цвет ее зеленого платья и только потом сообразила, что это была не кто иная, как Изабель Шербурн. Она невольно ускорила шаг, но ее страхи быть узнанной оказались напрасными: Изабель была так погружена в себя, что не замечала ничего вокруг. В следующие два дня эта картина повторилась: Изабель сидела на прежнем месте с тем же отсутствующим видом.

Вполне возможно, решение созрело у Гвен еще до того, как Грейс вырвала все страницы из книги сказок. Ханна отругала ее, а потом в слезах стала собирать разбросанные страницы первой и единственной книги, купленной Фрэнком для дочери, – сказки братьев Гримм на немецком с изумительными акварельными иллюстрациями.

– Что ты сделала с книгой папы? Милая, разве так можно?

Девочка отреагировала тем, что забилась под кровать и свернулась там калачиком, чтобы никто не мог ее оттуда вытащить.

– У нас так мало вещей, оставшихся после Фрэнка... – снова всхлипнула Ханна, глядя на разорванные страницы в руках.

– Я знаю, Ханни, знаю. А вот Грейс нет! Она же не специально! – Гвен положила руку сестре на плечо. – Вот что, пойдика приляг, а мы с Грейс прогуляемся.

– Она должна привыкать к дому.

– Мы проведем папу. Он будет рад, да и ей свежий воздух не повредит.

– Лучше не стоит. Я не хочу...

– Ну же, Ханна! Тебе надо отдохнуть!

– Хорошо, – вздохнула она. – Но только туда и обратно.

Как только они оказались на улице, Гвен вручила племяннице леденец на палочке.

– Ты же хочешь конфетку, верно, Люси?

– Да, – ответила девочка и удивленно склонила голову набок, услышав, как к ней обратились.

– А теперь будь хорошей девочкой, и мы навестим дедушку.

При упоминании человека с большими лошадьми и большими деревьями малышка оживилась. Она послушно шла, облизывая леденец. Гвен обратила внимание, что, хотя племянница и не улыбалась, она уже перестала капризничать и упираться.

Вообще-то идти через парк никакой необходимости не было – путь до особняка Септимуса через кладбище и методистскую церковь был намного короче.

– Ты не устала, Люси? Может, немного передохнем? Путь до дедушки неблизкий, а ты еще такая крохотуля...

Девочка молча продолжала шагать, сосредоточенно проверяя пальчиками липкость леденца, сжимая его, как щипчиками. Краем глаза Гвен заметила на скамейке одинокую фигуру Изабель.

– А теперь пробежись немного вперед вон до той скамейки, а я пойду следом.

Малышка не побежала, а просто ускорила шаг, волоча по земле тряпичную куклу. Гвен же шла сзади и наблюдала.

Изабель не верила своим глазам.

– Люси?! Радость ты моя ненаглядная! – воскликнула она и заключила девочку в объятия, даже не подумав, как она могла здесь оказаться.

– Мама! – закричала малышка и крепко в нее вцепилась.

Изабель обернулась и увидела невдалеке Гвен, которая кивнула, будто говоря, что не против.

Чем руководствовалась эта женщина, Изабель было не важно. Она залилась слезами, прижимая девочку к себе, и потом чуть отстранилась, чтобы получше ее разглядеть. А вдруг, несмотря ни на что, они с Люси снова окажутся вместе! При этой мысли ее окатила волна радостного предчувствия.

– Как же ты похудела, малышка! Совсем кожа да кости! Нужно вести себя хорошо и есть! Ради мамы! – Теперь она видела в дочери и другие перемены: волосы расчесаны на пробор с другой стороны, платье – из тонкого муслина с цветочным рисунком, пряжки на новеньких туфельках украшены бабочками.

На душе у Гвен отпустило: оказавшись с матерью, которую она любит, ее племянница почувствовала себя в безопасности и преобразилась в глазах. Дав им время побыть вместе, Гвен наконец решилась подойти.

– Думаю, нам уже пора. Я не была уверена, что застану вас здесь.

– Но... я не понимаю...

– Все это очень тяжело. Для всех нас. – Она покачала головой и вздохнула: – Моя сестра – очень хорошая женщина. Правда! И на ее долю выпало столько переживаний! – Гвен кивнула на девочку: – Я постараюсь привести ее еще. Обещать наверняка я, конечно, не могу. Наберитесь терпения. Наберитесь терпения, и кто знает... – Она не закончила фразы. – Но пожалуйста, никому не говорите. Ханна этого не поймет и никогда меня не простит... Пойдем, Люси, – позвала она и протянула к ней руки.

Малышка вжалась в Изабель:

– Нет, мама! Не уходи!

– Все хорошо, любовь моя. Давай пожалею мамочку и не будем ее огорчать? Сейчас тебе надо пойти с этой тетей, но скоро мы снова обязательно увидимся. Обещаю!

Ребенок по-прежнему не отпускал Изабель.

– Если ты пообещаешь себя хорошо вести, мы сможем снова сюда прийти, – улыбнулась Гвен, тихонько забирая ребенка.

Изабель с трудом сдерживалась, чтобы намертво не вцепиться в девочку, но здравый смысл все-таки взял верх. Нет! Эта женщина обещала ей снова привести малышку, надо только проявить терпение. А там... кто знает, как все еще может обернуться?

Гвен не сразу удалось успокоить племянницу. Она ее обнимала, несла на руках и всячески пыталась отвлечь разными загадками и детскими стишками. Она и сама толком не знала, как будет выполнять данное обещание, но видеть страдания малышки, оторванной от матери, было выше ее сил. Ханна всегда отличалась определенным своеобразием, и Гвен боялась, что оно мешает сестре смотреть на вещи объективно. Теперь было важно сохранить встречу в тайне от Ханны. По крайней мере сделать для этого все возможное. Дождавшись, когда Грейс успокоится, Гвен спросила:

– А ты знаешь, что такое секрет, малышка?

– Знаю, – неохотно призналась та.

– Хорошо! Тогда мы сыграем в одну игру и сохраним все в секрете. Договорились?

Девочка непонимающе уставилась на нее снизу вверх.

– Ты же любишь маму Изабель?

– Да.

– И я знаю, что ты хочешь снова ее увидеть. Но Ханна может огорчиться, потому что ей очень грустно, и мы не станем рассказывать об этом никому-никому. Ни ей, ни дедушке. Договорились?

Лицо малышки окаменело.

– Это будет только наш с тобой секрет, и если кто-нибудь спросит, что ты сегодня делала, ты скажешь, что просто ходила к дедушке. И никому не будешь рассказывать, что видела маму. Ты меня поняла, милая?

Девочка вытянула губки и серьезно кивнула, хотя в глазах по-прежнему было непонимание.

– Она очень умный ребенок. Она знает, что Изабель Шербурн жива – мы видели ее в галантерейном магазине Мушмора. – Ханна снова сидела в кабинете доктора Самптона, правда, на этот раз она пришла к нему без дочери. – Говорю вам как профессионал: единственным лекарством для вашей дочери является время и отсутствие контактов с миссис Шербурн.

– Я тут подумала... а что, если попросить ее рассказать мне... о той, другой жизни? На острове. Вдруг поможет?

Доктор выпустил из трубки клуб дыма.

– Я вам приведу для наглядности пример. Представьте, что я вырезал у вас аппендикс, и вы вряд ли захотите, чтобы я каждые пять минут вскрывал зашитый шов, чтобы посмотреть, как идет заживление. Я понимаю, вам сейчас нелегко, но поверьте – в данном случае чем меньше воспоминаний, тем для девочки лучше. Время сделает свое дело и залечит все раны.

Однако на практике Ханна не наблюдала никаких перемен к лучшему. Малышка с непонятной одержимостью стала следить за тем, чтобы игрушки были расставлены в определенном порядке, а кровать застелена аккуратно. Она наказывала котенка за то, что тот опрокидывал дом для кукол, и практически все время молчала, чтобы никоим образом не выказать хоть какую-то

привязанность к самозваной матери.

Но Ханна не теряла надежды. Она рассказывала дочери разные истории: о лесах и людях, которые в них работали; о школе в Перте и чем она там занималась; о Фрэнке и его жизни в Калгурли. Она продолжала петь дочери короткие песенки на немецком, хотя девочка и не обращала на них внимания. Единственной реакцией дочери на происходящее были рисунки. Она рисовала всегда одно и то же. Мама, папа и Лулу на маяке, луч которого шел через весь лист, разгоняя обволакивавшую все вокруг тьму.

Из кухни Ханна наблюдала за Грейс, которая играла с прищепками на полу в гостиной. В последние дни малышка вела себя особенно беспокойно и успокаивалась, только когда уходила к Септимусу, и мать сейчас радовалась тому, что она наконец-то тихо играет. Ханна подошла поближе к двери, чтобы лучше слышать разговоры дочери с прищепками. — Люси, съешь ириску, — сказала прищепка.

— Ням-ням, — ответила другая, делая вид, что подхватила конфету из руки девочки.

— А у меня есть секрет, — сказала первая прищепка. — Пойдем с тетушкой Гвен, когда Ханна уснет.

Ханна, похолодев, затаила дыхание.

Грейс достала из кармана передника лимон и обернула его платком.

— Спокойной ночи, Ханна, — произнесла тетушка Гвен. — А теперь мы пойдем навестить маму в парке.

— Чмок-чмок, — поцеловались две другие прищепки, прижимаясь друг к другу.

— Моя любимая Люси. Пойдем, моя радость. Пора возвращаться на Янус. — И две прищепки дружно потопали по ковру.

Свист вскипевшего чайника заставил девочку вздрогнуть от неожиданности, и она, обернувшись, увидела в дверях Ханну.

Малышка бросила прищепки и ударила себя по руке:

— Плохая Люси!

Ужас, который охватил Ханну во время этого представления, сменился отчаянием. Так вот, значит, как она выглядела в глазах дочери — не любящей матерью, а настоящим тираном. Пытаясь сохранить самообладание, Ханна лихорадочно думала, как лучше поступить.

Трясущимися руками она приготовила какао и принесла в гостиную.

— Милая, в какую интересную игру ты играла, — сказала она, пытаясь подавить дрожь в голосе.

Девочка не шевелилась, молча застыв с чашкой в руке.

— А у тебя есть секреты, Грейс?

Она медленно кивнула.

— Наверняка очень интересные секреты.

Маленький подбородок снова качнулся вверх-вниз, а в глазах читалась неуверенность, по каким правилам играть дальше.

— Давай с тобой поиграем?

Не зная, как реагировать, девочка начала выписывать на полу дугу носком туфельки.

— Давай сыграем с тобой в игру, где я попытаюсь угадать твой секрет. Он все равно останется секретом, потому что ты мне ничего не сказала. А если я угадаю, ты получишь в награду леденец на палочке. — Ханна неловко улыбнулась, а малышка совсем растерялась. — Мне кажется... ты ходила навещать ту леди с Януса. Я угадала?

Девочка начала кивать, но тут же остановилась.

— Мы ходили к дяде в большой дом. У него было розовое лицо.

— Я не буду на тебя сердиться, милая. Иногда так приятно встретить знакомых, правда? А эта женщина крепко тебя обнимала?

— Да, — медленно подтвердила девочка, пытаясь сообразить, было ли это тоже секретом или уже нет.

Когда час спустя Ханна снимала с веревки высохшее белье, она все еще никак не могла успокоиться. Как могла ее собственная сестра так поступить? Перед глазами возникли лица всех, кто тогда был в магазине Мушмора, и ей показалось, что все они, включая Гвен, смеялись за ее спиной. Оставив юбку висеть на одной прищепке, она бросилась в дом и ворвалась в комнату Гвен.

— Как тебе не стыдно?!

— Ты о чем? — спросила Гвен.

— Как будто ты не знаешь!

— Да что случилось, Ханна?

— Мне известно, что ты сделала! Я знаю, куда ты водила Грейс!

Увидев на глазах сестры слезы, Ханна растерялась.

— Мне ее так жалко, Ханна.

— Что?!

— Она такая несчастная! Да, я водила ее повидаться с Изабель Шербурн. В парке. И позволила им поговорить друг с другом. Но я это сделала ради нее! Ребенок совсем запутался и ничего уже не понимает! Я сделала это ради нее, Ханна, ради Люси!

— Ее зовут Грейс! Ее зовут Грейс, и она моя дочь, и я хочу, чтобы она была счастлива, и... — Она запнулась и всхлипнула. — Мне так не хватает Фрэнка! Господи, как же мне его не хватает! — Она посмотрела на сестру. — А ты водила ее к жене человека, который закопал его в яме! Да как ты могла?! Грейс нужно забыть о них! О них обоих! Это я — ее мать!

Гвен, колебавшись, подошла к сестре и ласково ее обняла.

— Ханна, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю. Я старалась изо всех сил, лишь бы тебе хоть чуть-чуть стало легче... После того самого дня. И я продолжала делать все, что от меня зависит, когда она вернулась домой. Но в том-то и проблема! Ее дом не здесь! Я не могу видеть, как она страдает! И не могу видеть, какую боль это причиняет тебе!

Ханна с трудом сделала вдох между рыданиями.

Гвен обняла ее за плечи:

— Мне кажется, ее нужно вернуть обратно. К Изабель Шербурн. Другого выхода просто нет. Ради ребенка, Ханни. И ради тебя самой, дорогая, ради тебя самой!

Ханна отстранилась и произнесла твердым голосом, не допуская никаких возражений:

– Пока я жива, она никогда больше не увидит эту женщину! Никогда!

Ни одна из сестер не заметила маленького личика, подглядывавшего за ними в дверную щель. В этом непонятном доме маленькие уши слышали все-все и ничего не пропускали.

Вернон Наккей сидел за столом напротив Тома.

– Я считал, что меня уже ничем не удивить, пока не столкнулся с тобой. – Он снова взглянул на лежавший перед ним лист бумаги. – Ялик прибывает к берегу, и ты говоришь себе: «Какой замечательный ребенок! Оставлю-ка я его себе, и никто ничего не узнает».

– Это вопрос?

– Ты не хочешь отвечать?

– Отнюдь.

– Сколько детей потеряла Изабель?

– Троих. И вам это известно.

– Но оставить ребенка решил ты! А вовсе не женщина, потерявшая троих детей? И решил так, чтобы не выглядеть в глазах людей слабаком, потому что не можешь иметь детей? Ты что – принимаешь меня за полного кретина?

Том промолчал, и Наккей продолжил, но уже совсем другим тоном:

– Я знаю, что такое потерять малыша. И я знаю, как восприняла это моя жена. Она чуть с ума не сошла! – Он подождал, но ответа не последовало. – К ней отнесутся с пониманием.

– Ее никто не посмеет тронуть!

Наккей покачал головой:

– На будущей неделе в город приезжает окружной судья Бик и состоится предварительное слушание. А потом тобой займется в Албани, где тебя ждет не дождется Спрэгг, и бог еще знает что! Он решил на тебе отыграться по полной, и там я уж ничем не смогу ему помешать.

Том снова промолчал.

– Сообщить кому-нибудь о слушании?

– Нет, спасибо.

Наккей смерил его взглядом и уже собрался уходить, как Том вдруг спросил:

– А можно мне написать жене?

– Конечно, нельзя! Никаких контактов с возможными свидетелями! Если уж ты решил держаться этой линии, будь готов к последствиям, парень.

Том испытующе посмотрел на полицейского.

– Всего лишь лист бумаги и карандаш. Можете прочитать письмо, если хотите... Она же моя жена!

– А я полицейский, черт тебя подери!

– Только не говорите, что никогда не нарушали правил и не жалели бедняги, попавшего в переделку... Всего лишь лист бумаги и карандаш!

После обеда Ральф принес Изабель письмо. Она неуверенно взяла его дрожащей рукой. – Я пойду, а ты почитай, – сказал он и добавил, дотронувшись ей до локтя: – Ему нужна твоя помощь, Изабель.

– Как и моей малышке, – ответила она со слезами на глазах.

Когда он ушел, она прошла к себе в комнату и долго разглядывала конверт. Она поднесла его к лицу и даже понюхала, надеясь уловить что-то знакомое, но ничего такого не почувствовала. Изабель взяла с туалетного столика ножницы для ногтей и начала вскрывать конверт, но остановилась. Перед глазами вдруг возникло искаженное горьким плачем лицо Люси, и Изабель содрогнулась от осознания, что все это дело рук Тома. Она отложила ножницы и убрала конверт в ящик, медленно и беззвучно задвинув его обратно.

Наволочка вся промокла от слез. Ханна разглядывала в окно тусклый серп луны, света которой не хватало даже на то, чтобы осветить себе путь по небосводу. Как же много в мире вещей, которыми ей хотелось поделиться с дочерью, но у нее отобрали и дочь, и мир.

Ни с того ни с сего ей почему-то вспомнилось, как в детстве она обгорела на солнце: отец уехал по делам, и она слишком долго пробыла на солнцепеке, плескаясь в море. Английская гувернантка, которая понятия не имела ни о солнечных ожогах, ни о том, как их лечить, засунула девочку в ванну с горячей водой, чтобы «снять жар» с обгоревшей кожи.

– И нечего плакать! – сказала тогда гувернантка десятилетней девочке. – Боль говорит о том, что организм борется, и это хорошо!

Ханна продолжала истосно орать, пока на крики не прибежала кухарка выяснить, кого убивают, и не вытащила ее из горячей воды.

– Это же надо до такого додуматься! – не могла успокоиться кухарка. – И не нужно быть Флоренс Найтингейл [25], чтобы понимать – ожог не лечат ожогом!

Но Ханна помнила, что она не сердилась на гувернантку. Она искренне верила, что поступает правильно, и хотела сделать как лучше. Она причиняла боль исключительно ради того, чтобы ей помочь.

Неожиданно разозлившись на бледную луну, Ханна запустила подушкой в окно и в отчаянии заколотила кулаками по матрасу.

– Я хочу обратно свою Грейс! – сквозь слезы беззвучно шептала она. – Это не моя Грейс!

Выходит, что ее малютка Грейс все-таки умерла.

Том услышал бряцание ключей.

– Доброе утро! – поздоровался Джеральд Фицджеральд, появившийся в сопровождении Гарри Гарстоуна. – Прошу извинить за опоздание. Поезд задержался из-за стада овец, которые перекрыли железнодорожный путь.

– Я никуда не тороплюсь, – пожал плечами Том.

Адвокат разложил на столе бумаги.

– Предварительное слушание состоится через четыре дня.

Том кивнул.

– Так и не передумали?

– Нет.

Фицджеральд вздохнул:

– И чего вы ждете?

Перехватив непонимающий взгляд Тома, адвокат повторил:

– Чего, черт возьми, вы ждете? Никакая подмога не прискачет из-за холма на выручку, приятель. И никто вам не поможет, кроме меня. А я здесь только потому, что капитан Эддикотт оплатил мои услуги.

– Я просил его не выкидывать деньги на ветер.

– А они и не будут выкинуты, если дать мне возможность их отработать.

– Каким образом?

– Позволить мне рассказать правду, и у вас будет шанс выйти отсюда свободным человеком.

– А вы считаете, что, разрушив жизнь жены, я обрету свободу?

– Я хочу сказать только одно: на половину предъявленных обвинений нам будет что возразить по существу. Во всяком случае, представить дело в ином свете. Если вы заявите в суде о своей невиновности, обвинению придется доказывать буквально все! А этот чертов Спрэгг со своими смехотворными обвинениями... Как же мне хочется утереть ему нос! Это дело принципа!

– Вы сказали, что если я признаю себя виновным, то мою жену оставят в покое. Вы знаете закон. А я знаю, как хочу поступить.

– Ожидания часто расходятся с действительностью: одно дело – представлять, а другое – столкнуться с реальностью.

Тюрьма во Фримантле – ужасное место, где никому не пожелаешь провести двадцать лет.

Том посмотрел адвокату в глаза.

– Хотите знать, где действительно ужасно? Поезжайте в Позьер, Буллекур, Пашендаль! Съездите туда, а потом рассуждайте об ужасах места, где человеку дают койку, пищу и кров над головой.

Фицджеральд опустил голову и, покопавшись в бумагах, сделал какие-то пометки.

– Если ваше решение признать себя виновным неизменно, я вынужден подчиниться. И тогда вас осудят за все, в чем пока лишь подозревают. Лично я считаю, что у вас не все в порядке с головой... И молитесь Всевышнему, чтобы этот чертов Спрэгг не навесил новых обвинений на суде в Албани.

Глава 32

Гарри Гарстоун закрыл за собой дверь и теперь нерешительно переминался с ноги на ногу посреди кабинета сержанта.

– Ну что еще там?! – недовольно поинтересовался Вернон Наккей.

Откашлявшись, Гарстоун кивнул головой в сторону входа в участок.

– Ближе к делу, констебль!

– Тут посетитель.

– Ко мне?

– Нет, сэр, не к вам.

Наккей угрожающе на него посмотрел.

– К Шербурну, сэр.

– И что? Запиши имя и пропусти, неужели не ясно?

– Это Ханна Ронфельдт, сэр.

Сержант выпрямился.

– Вот как? – Он закрыл папку на столе и почесал подбородок. – Думаю, мне лучше с ней поговорить.

Наккей вышел в приемную.

– Миссис Ронфельдт, обычно члены семьи потерпевших не встречаются с обвиняемыми.

Ханна молча посмотрела Наккею прямо в глаза, и он, смутившись, продолжил:

– Боюсь, что подобные визиты никак не вписываются в обычные рамки. Со всем уважением...

– Но закон их не запрещает? Это не является нарушением правил?

– Послушайте, мэм. Вам и так придется нелегко, когда начнутся судебные слушания. Уж поверьте моему опыту: подобные суды – это настоящее испытание для нервов. И лучше себя побережить.

– Я хочу его видеть! Я хочу посмотреть в глаза человеку, который убил моего ребенка!

– Убил вашего ребенка? Да что вы такое говорите?

– Малышка, которую я потеряла, сержант, уже никогда не вернется. Грейс никогда не будет прежней.

– Послушайте, миссис Ронфельдт, боюсь, я вас не понимаю, но в любом случае...

– Я имею право хотя бы на это, вы так не считаете?

Наккей тяжело вздохнул. Эта несчастная женщина много лет бродила по городу как призрак. Может, эта встреча позволит наконец ее душе успокоиться и обрести покой...

– Подождите, пожалуйста, здесь...

Узнав новость, Том поднялся с койки, не зная, что и думать.
– Ханна Ронфельдт хочет со мной поговорить? Зачем?!
– Вы не обязаны с ней встречаться, конечно. Я отошлю ее.
– Нет... – остановил сержанта Том. – Я с ней встречусь. Спасибо.
– Как знаете.

Через несколько мгновений в коридоре появилась Ханна. Следовавший за ней констебль Гарстоун поставил маленький деревянный стул в нескольких футах от решетки камеры.

– Я оставляю дверь открытой, миссис Ронфельдт, и подожду снаружи. Или мне лучше остаться?
– Не нужно. Я ненадолго.

Скорчив, по обыкновению, недовольную гримасу, Гарстоун звякнул ключами.

– Ладно, как скажете, мэм, – отозвался он и направился по коридору к выходу.

Ханна молча разглядывала Тома, стараясь не упустить ни малейшей детали: чуть пониже левого уха – маленький изогнутый шрам от шрапнели; пальцы тонкие и длинные, хоть и натруженные.

Он позволил себя разглядывать, будто был добычей охотника, решившей показаться во всей красе прямо у него под носом. Перед мысленным взором Тома проносились яркие картины из прошлого: ялик, тело мужчины, погремушка. А вот он на кухне Грейсмарков пишет первое письмо, с трудом подбирая слова и чувствуя, как внутри все холодеет. Ему вспомнилась, какая у Люси гладкая кожа, как она смеется, как похожи ее развевающиеся на ветру волосы на покачивающиеся в водах Отмели Кораблекрушений водоросли. И как он был поражен, узнав, что знал ее мать с самого начала. По спине поползли капельки пота.

– Спасибо, что согласились со мной встретиться, мистер Шербурн...

Ее вежливость поразила Тома больше, чем если бы Ханна осыпала его проклятиями или запустила стулом в решетку.

– Я понимаю, что вы могли отказаться...

Он коротко кивнул в ответ.

– Странно, не правда ли? – продолжала она. – Всего несколько недель назад я если бы и подумала о вас, то только с благодарностью. Однако выходит, что в ту ночь бояться было нужно вас, а не того пьяного. Тогда вы сказали: «Война меняет человека. В голове все перепутывается, и человек перестает различать добро и зло». Теперь я поняла, что вы имели в виду.

Помолчав, она спросила твердым голосом:

– Я должна знать: это все действительно ваших рук дело?

Том медленно кивнул.

Она скривилась и вздрогнула, будто от пощечины.

– Вы жалеете о содеянном?

Вопрос заставил его сердце сжаться, и он опустил глаза.

– Больше, чем вы можете себе представить.

– Неужели вам не приходила в голову мысль, что у ребенка может быть мать? Что малышку любят и ищут? – Ее взгляд скользнул по стенам камеры и снова остановился на Томе. – Почему?! Если бы только я могла понять, почему вы так поступили...

Он крепко сжал челюсти.

– Я не знаю почему.

– Ну пожалуйста! Попробуйте объяснить!

Она заслуживала того, чтобы знать правду. Но он ничего не мог ей сказать, не подставив под удар Изабель. Он сделал то, что действительно имело значение: Люси возвратили матери, а он нес ответственность за последствия. Все остальное – просто слова.

– Мне действительно нечего вам сказать.

– Тот полицейский из Албани считает, что вы убили моего мужа. Это правда?

Он посмотрел ей прямо в глаза:

– Клянусь, я нашел его в ялике уже мертвым... Я знаю, что совершил ошибку, и мне очень жаль, что мои действия принесли столько горя. Но ваш муж был уже мертв.

Она глубоко вздохнула и собралась уходить.

– Поступайте со мной, как считаете нужным, я не прошу прощения, – сказал Том. – Но моя жена... у нее не было выбора. Она любит эту девочку. Она заботилась о ней так, будто никого на свете больше не существовало. Будьте к ней милосердны.

Горечь на лице Ханны сменилась печалью.

– Фрэнк был чудесным человеком, – сказала она и медленно направилась по коридору.

В тусклом свете Том прислушивался к пению цикад, отсчитывавших секунды. Он вдруг заметил, что непроизвольно разводит руками, будто пытается с их помощью оказаться там, куда не могут принести ноги. Он посмотрел на руки и задумался о том, что им приходилось делать. Соединение этих клеток, мышц и мыслей и являлось, в сущности, его жизнью, но все-таки не только это.

Очнувшись от размышлений, он вернулся в настоящее, в котором раскаленные дневной жарой стены камеры заполнял душный воздух. Он лишился последней ступеньки лестницы, которая могла вывести его из этого ада.

Помогая матери по дому, разглядывая картинки, которые нарисовала Люси во время своих коротких визитов на материк, не переставая ощущать острую боль от потери ребенка, Изабель удавалось часами не думать о Томе. Но потом мысли о нем неизменно возвращались, и перед глазами возникало письмо, доставленное Ральфом и отправленное в ящик. Гвен обещала привести Люси, но на протяжении нескольких дней так и не появлялась в парке, хотя Изабель и продолжала терпеливо проводить там в ожидании долгие часы. Однако ей не следовало раскисать, если есть хоть малейшая надежда снова увидеть дочь. Она должна ненавидеть Тома, хотя бы ради Люси! И все же!

Изабель достала из ящика конверт и посмотрела на угол, с которого начала было его вскрывать. Потом снова убрала письмо в ящик и поспешила в парк, чтобы снова ждать. А вдруг?!

– Пожалуйста, Том, скажи, что я могу сделать. Ты же знаешь, как я хочу тебе помочь. Скажи, что я могу сделать. – Блюи говорил сдавленным голосом, и в глазах у него предательски блестели слезы. – Ничего делать не надо, Блюи. – В камере

Том было жарко и после недавней уборки пахло карболкой.

– Будь она проклята, эта погремушка! И черт меня дернул о ней рассказать! – Он в отчаянии схватился за прутья решетки. – Этот сержант из Албани приходил ко мне и расспрашивал, много ли ты пьешь, даешь ли волю рукам. Он встречался и с Ральфом тоже. Люди в городе болтают... болтают об убийстве, Том! Представляешь?! А в баре даже поговаривают о виселице!

Том посмотрел ему в глаза:

– Ты им веришь?

– Конечно, нет! Но я вижу, как этих разговоров становится все больше! И что невиновного могут запросто осудить за то, чего он не делал! А потом, когда он уже мертв, кому нужны извинения? – Блюи с мольбой посмотрел на Тома.

– Есть вещи, которые трудно объяснить, – сказал Том. – И есть причины, почему я поступил так, а не иначе.

– Но что именно ты сделал?

– Мои поступки разрушили жизнь другим, и теперь пришло время держать за это ответ.

– Старый Поттс утверждает, что если жена отказывается подтверждать слова мужа, тот наверняка виновен!

– Спасибо, приятель. Это хорошая новость!

– Не сдавайся без борьбы, Том. Обещай, что не сдашься!

– Со мной все будет в порядке, Блюи.

Однако когда Блюи ушел, Том засомневался в своем оптимизме. Изабель не ответила на его письмо, и ему следовало подготовиться к худшему варианту развития событий. И все-таки он верил, что Изабель осталась той, которую он когда-то знал.

На окраине города были разбросаны старые деревянные дома лесорубов – от заброшенных и пришедших в упадок построек до вполне приличных. Они расположены на небольших участках земли возле насосной станции, снабжавшей город водой. Изабель знала, что в одном из них и живет Ханна и туда забрали ее ненаглядную Люси. Отчаявшись дожидаться Гвен, Изабель решила сама разыскать Люси. Просто узнать, где и как она жила. Был полдень, и на широкой улице, обсаженной палисандровыми деревьями, не было ни души.

Один из домиков выглядел лучше других: свежевыкрашен, трава подстрижена, а высокая живая изгородь охраняла жильцов от любопытных взглядов куда лучше забора. Изабель направилась к аллее позади домов и услышала ритмичное поскрипывание металла. Она нашла крошечное отверстие в густой листве живой изгороди, и при виде маленькой девочки на трехколесном велосипеде у Изабель перехватило дыхание. Люси была одна, и ее лицо не выражало ни радости, ни печали, а лишь сосредоточенность. Она совсем рядом: Изабель даже показалось, что она может запросто до нее дотянуться, прижать к себе и приласкать. И вдруг ее поразила сама абсурдность того, что она не может быть вместе с ребенком, – как будто весь город сошел с ума и только она одна сохранила разум.

Изабель размышляла. Поезд из Перта до Албани проходил через Партагез раз в день, и раз в день – из Албани до Перта. Можно ли подгадать так, чтобы сесть на поезд как раз перед отправлением и их никто не заметил? Как быстро хватятся ребенка? В Перте легко затеряться. Оттуда пароходом можно добраться до Сиднея. И даже до Англии. А там – новая жизнь. Тот факт, что у нее за душой нет ни шиллинга – нет даже счета в банке! – ее совершенно не смущал. Изабель смотрела на дочь и продумывала план действий.

Гарри Гарстоун с силой колотил в дверь дома Грейсмарков. Билл, посмотрев в окно, кто это может быть в такой неурочный час, открыл дверь.

– Мистер Грейсмарк, – произнес констебль, сухо кивая.

– Добрый вечер, Гарри. В чем дело?

– Я здесь по долгу службы.

– Понятно, – отозвался Билл, внутренне собираясь с силами для новых неприятностей.

– Мы ищем пропавшую Ронфельдт.

– Ханну?

– Нет, ее дочь. Грейс.

Сообразив, правда, не сразу, что речь идет о Люси, Билл удивленно посмотрел на полицейского.

– Она у вас? – поинтересовался Гарстоун.

– Разумеется, нет! А почему...

– У Ханны Ронфельдт ее тоже нет. Она пропала.

– Ханна ее потеряла?

– Или ее похитили. Ваша дочь дома?

– Да.

– Уверены? – переспросил констебль, чуть смутившись.

– Конечно, уверен.

– Она была дома весь день?

– Нет, не весь. К чему все эти вопросы? Где Люси?

В дверях позади Билла показалась Виолетта.

– Что происходит?

– Мне нужно увидеть вашу дочь, миссис Грейсмарк, – сказал Гарстоун. – Вы не могли бы ее позвать?

Виолетта неохотно отправилась в комнату Изабель, но там никого не было. Она поспешила на задний двор и увидела, что дочь сидит в кресле-качалке, устремив в пустоту невидящий взгляд.

– Изабель! Это Гарри Гарстоун!

– Что ему нужно?

– Мне кажется, тебе лучше выйти самой, – сказала Виолетта таким тоном, что Изабель послушно направилась за ней к входной двери.

– Добрый вечер, миссис Шербурн. Я здесь по поводу Грейс Ронфельдт, – начал Гарстоун.

– Что с ней? – спросила Изабель.

– Когда вы ее видели в последний раз?

– Она не видела ее с того дня, как вернулась! – ответила Виолетта и тут же поправилась: – Если не считать случайной встречи в галантерейном магазине Мушмора, но это все...

– Это правда, миссис Шербурн?

Изабель промолчала, и за нее ответил отец:

– Конечно, правда! Вы что же, думаете...

– Нет, папа. Я ее видела.

Родители смотрели на нее с немым изумлением.

– В парке. Три дня назад. Ее приводила ко мне на встречу Гвен Поттс. – Изабель задумалась, стоит ли говорить что-то еще. – Я не искала встреч с ней – Гвен приводила ее сама. Где Люси?

– Пропала. Исчезла.

– Когда?

– Я рассчитывал узнать ответ от вас. Мистер Грейсмарк, вы не будете возражать, если я осматрю дом? На всякий случай. Билл хотел сначала возразить, но признание Изабель его смутило.

– Нам нечего скрывать. Ищите где хотите.

Полицейский, до сих пор помня, как ему досталось линейкой от Билла Грейсмарка за шпаргалку на экзамене по математике, устроил целое представление с открыванием шкафов, заглядыванием под кровати, но при этом он явно нервничал, будто директор по-прежнему мог ему всыпать «шесть горячих» [26]. Наконец он вернулся в прихожую.

– Благодарю вас. Если вы ее увидите, пожалуйста, поставьте нас в известность.

– Поставить вас в известность?! – вскинулась Изабель. – Вы что, не начали поисков? Почему вы ее не ищете?

– Это вас не касается, миссис Шербурн.

Как только Гарстоун ушел, Изабель повернулась к отцу:

– Папа, мы должны ее найти! Где она может быть? Я пойду и...

– Успокойся, Изз. Давай я сначала поговорю с Верноном Наккеем. Я позвоню в участок и выясню, что происходит.

Глава 33

Для девочки с Януса экстремальные условия человеческого существования всегда представлялись нормой. Кто знает, какое подсознательное воздействие на ее восприятие внешнего мира оказало первое путешествие на остров и те события, которые ему предшествовали? Но даже если об этом в ее памяти и не сохранилось никаких воспоминаний, жизнь на острове, населенном всего тремя обитателями, не могла не оказать решающего воздействия на формирование ее мироощущения. Внутренняя связь малышки с людьми, которые ее вырастили, была удивительно прочна и не могла быть разорвана. Она не могла описать свое чувство утраты как горе. Она не знала слов «тоска» и «отчаяние».

Но ей было плохо без мамы и папы, она без них чахла и думала о них постоянно, хотя уже и находилась на материке столько недель. Наверное, она сделала что-то очень плохое, если мама все время плакала. А что касалось тети с темными волосами и темными глазами, которая утверждала, что она ее мама... говорить неправду плохо! Так почему эта грустная тетя говорила всем такую неправду? И почему взрослые ей это позволяли?

Она знала, что мама здесь, в Партагезе. Она знала, что плохие люди забрали папу, но не знала куда. Она часто слышала слово «полиция», но плохо представляла, что там за люди. Она слушала разговоры взрослых, и на улице люди шептались: «Какой скандал! Это просто ужасно!» Ханна говорила, что она больше никогда не увидит маму.

Янус огромен, но там ей был знаком каждый уголок: Отмель Кораблекрушений, Вероломная Бухта, Штормовой Утес. Папа всегда объяснял, что вернуться домой очень просто – надо только найти маяк. Она знала – ей говорили это много раз, – что Партагез – это очень маленький город.

Пока Ханна была на кухне, а Гвен куда-то ушла, девочка пошла в свою комнату и осмотрелась. Затем надела сандалии и положила в сумочку рисунок маяка с мамой, папой и Лулу. Потом добавила туда яблоко, которое тетя дала ей утром, и прищепки, с которыми играла вместо кукол.

Она вышла через заднюю дверь, осторожно ее закрыла и медленно пошла вдоль живой изгороди, пока не нашла узкую щель, в которую смогла протиснуться. Она видела маму в парке. Она найдет ее. И вместе они найдут папу и поедут домой.

Она отправилась на поиски, когда наступил вечер. Солнце висело над самым горизонтом, заставляя деревья отбрасывать немислимо длинные тени.

Протиснувшись через щель в живой изгороди, девочка волокла по земле свою сумку к низким кустарникам, растущим за участком. Воздух наполнял множеством звуков, так не похожих на Янус. Щебетали, звонко перекликаясь, птицы. Постепенно кустарник становился все гуще, а растительность – ярче. Ее не пугали черные и юркие ящерицы, которые во множестве сновали по траве. Она знала, что ящерицы не причинят ей вреда. Но она не знала, что не все черные и скользкие существа являются ящерицами. Ее никто не учил отличать ящериц, у которых есть ножки, от тех, у кого их нет. Она никогда в жизни не видела змей.

Когда она добралась до парка, солнце уже село и вокруг начало темнеть. Она побежала к скамейке, но мамы там не было. Она забралась на нее, пристроила рядом сумку и обвела взглядом безлюдный парк. Потом достала яблоко, помятое в путешествии, и откусила.

В это время на кухнях Партагеза кипела жизнь: проголодавшиеся после беготни по лесу и побережью дети мыли перепачканные руки, уставшие матери заканчивали готовить ужин, приглядывая за кастрюлями на плите и в духовке, отцы позволяли себе пропустить бутылку охлажденного пива. Семьи собирались в полном составе, чтобы вместе проводить прожитый день. Небо темнело на глазах, и тени больше не падали на землю, а, напротив, поднимались и заполняли собой все пространство. Люди расходились по домам, оставляя ночь ее обитателям: сверчкам, совам и змеям. Просыпался мир, не менявшийся сотни тысяч лет и для которого дневной свет, люди и все перемены являлись не больше чем миражом. По улицам никто не ходил.

Когда сержант Наккей прибыл в парк, на скамейке лежала только детская сумочка да огрызок яблока со следами маленьких зубов, по которому ползали муравьи. С наступлением ночи в домах зажигали свет. Их источником являлись газовые лампы, а в

новых домах – электрические. Город был усеян множеством огней, мерцавших в темноте.

На Главной улице Партагеза освещение электрическое, и фонарные столбы стояли по обе ее стороны. На темном небосводе светились мириады звезд и светлой полосой выделялся Млечный Путь.

Среди деревьев раскачивались яркие точки фонарей – это люди искали девочку. Не только полицейские, но еще и рабочие с лесопилки Поттса, и сотрудники порта и Маячной службы. Ханна не находила себе места от переживаний, но ждала дома, как было велено. Грейсмарки прочесывали кустарник и звали малышку по имени. В ночном воздухе слышались крики «Люси!» и «Грейс!», хотя искали одну и ту же девочку.

Сжимая в руке рисунок с мамой, папой и маяком, малышка вспоминала историю о волхвах, которым путь к младенцу Иисусу указала звезда. Она увидела свет Януса в море: это совсем не далеко – свет никогда не кажется далеким. Правда, он не такой, как обычно: между светлыми вспышками была еще и красная. Девочка шла на этот свет.

Она направлялась к воде, где волнение к ночи усилилось и обложило осадой берег. На маяке она найдет маму и папу. Она долго шагала по длинному узкому перешейку, тому самому, где много лет назад Изабель показывала Тому, как нужно лечь, чтобы не смыло волной. С каждым новым шагом девочка все ближе подходила к маяку и все больше удалялась от берега.

Но луч, к которому она направлялась, принадлежал вовсе не маяку на Янусе. У каждого маяка свой характер, и красная вспышка говорила морякам, что они приближались к мелководью устья бухты Партагеза, а это почти в ста милях от Януса.

Ветер усиливался. Вода бурлила. Ребенок шел к воде. Тьма опускалась.

В камеру Тома доносились крики с улицы: «Люси! Ау! Где ты?!» И тут же: «Грейс! Ау! Где ты?!» Том – единственный заключенный – принялся громко звать:

– Сержант Наккей! Сержант!

Послышалось бряцание ключей, и появился констебль Линч.

– В чем дело?

– Что происходит? Там зовут Люси!

Подумав, Боб Линч решил, что заключенный имел право знать. Все равно он ничего не мог сделать.

– Девочка пропала.

– Когда? Как?

– Несколько часов назад. Судя по всему, сбежала.

– Боже милостивый! Да как это случилось?

– Понятия не имею.

– И что сейчас происходит?

– Ее ищут.

– Позвольте мне помочь! Я же не могу просто так сидеть и ничего не делать! – Линч ничего не ответил, но по выражению его лица и так все было ясно. – Господи Боже! Да куда я сбегу?!

– Я сообщу, если будут новости. Это все, что я могу для тебя сделать, приятель, – ответил констебль и ушел, снова звякнув ключами.

В темноте мысли Тома вернулись к Люси, такой непоседливой и любознательной. Она никогда не боялась темноты. Наверное, ему следовало научить ее осторожности, а он не сумел подготовить ее к жизни за пределами Януса. Потом ему пришла в голову другая мысль. А где Изабель? На что она могла решиться в таком состоянии? Он стал молиться, чтобы она не совершила какой-нибудь глупости.

Слава Богу, сейчас не зима! Вернон Наккей чувствовал, как с приближением полуночи воздух свежел. Девочка одета в хлопковое платье и сандалии и в январе вполне может пережить ночь. Будь сейчас август, она бы уже точно посинела от холода. Продолжать поиски ночью не имело смысла. Солнце встанет чуть позже пяти. Пусть люди немного отдохнут: при дневном свете и со свежими силами толку от них будет больше.

Встретив Гарстоуна, он распорядился:

– Сообщи всем, что на ночь поиски прекращаются. А с первыми лучами солнца пусть все явятся к полицейскому участку и мы продолжим.

Хотя время уже было час ночи, Вернон решил, что ему все равно следует проветрить голову, и он направился по обычному маршруту своей вечерней прогулки, раскачивая фонарем в такт шагам.

В маленьком домике Ханна молилась: – Спаси и сохрани ее, Господи! Тебе уже приходилось спасать ее раньше... – Ханна вдруг испугалась, что Грейс уже использовала отведенную ей долю чудес. Но потом принялась себя успокаивать: чтобы пережить здесь одну-единственную ночь, ребенку никаких чудес не требуется. Лишь бы не произошло какого-нибудь несчастного случая, а это уже совсем другое дело! Но эти соображения уступили место новым, куда более жутким страхам. А что, если Господь не хочет, чтобы Грейс была с ней? И она сама во всем виновата?

Ханна ждала и молилась. И дала Господу торжественную клятву.

В дверь дома Ханны колотили ногой. Хотя свет везде был погашен, она не спала и тут же бросилась ее открыть. На пороге стоял сержант Наккей и держал на руках Грейс: ее ручки и ножки безвольно свисали вниз. – О Господи! – вскрикнула Ханна, не сводя глаз с девочки и не видя, что сержант улыбался.

– Чуть не споткнулся об нее на перешейке. Спала без задних ног, – сказал он. – Господь дал ей много жизней, ничего не скажешь! – И хотя на губах у него играла улыбка, в глазах блестели слезы: ему вспомнилось, как давным-давно он держал вот такое же маленькое тельце, только собственного сына, которого не сумел спасти.

Ханна плохо понимала, что он говорит, и, забрав спящую дочь, прижала к себе.

Той ночью Ханна уложила Грейс на своей кровати и до утра не сводила с нее глаз, с умилением прислушиваясь к дыханию и наблюдая за каждым движением головки, ножки или ручки дочери. Но облегчение, которое передавалось с теплом девочки, омрачено тенью данного обещания.

Звук первых капель дождя, забарабанивших по крытой железом крыше, напомнил Ханне день свадьбы, когда в их убогом жилище протекал потолок и приходилось подставлять ведра и тазы, а жизнь в нем была наполнена любовью и надеждой. Главное – надеждой! Фрэнк все невзгоды встречал с улыбкой и никогда не отчаивался. Ханне так хотелось, чтобы Грейс

унаследовала это качество! Ей так хотелось сделать дочку счастливой маленькой девочкой, и она молила Господа дать ей для этого достаточно сил и мужества.

Когда раскат грома разбудил малышку, она сонно повернулась и, прижавшись поближе к матери, снова заснула. А Ханна молча плакала, вспоминая данную Господу клятву.

Черный паук в углу камеры Тома снова принялся чинить порванную паутину, подчиняясь одному ему ведомым соображениям, почему нити должны быть протянуты так, а не иначе. Он занимался этим по ночам, восстанавливая затейливый рисунок паутины, собирающей пыль. Паук создал себе свой собственный мир, который старался всегда содержать в порядке и никогда не покидать. С Люси все нормально. Том чувствовал огромное облегчение. Но от Изабель по-прежнему не было ни слова. Никаких признаков того, что она его простила или когда-нибудь простит. Беспомощность, которую он ощутил, когда все искали Люси, еще больше укрепляла его решимость сделать все возможное для жены. Это единственное, что по-прежнему еще в его силах.

Если ему предстояло научиться жить без нее, то надо смириться, и пусть все идет своим чередом. Его мысли устремились в прошлое. Глухой хлопок, с которым от поднесенной спички ярко вспыхивали пары в горелке на маяке. Радужные переливы лучей, отбрасываемых призмами. Омывающие остров океаны лежали у его ног, будто принесенные ему в дар. Если Тому предстояло покинуть этот мир, он хочет запомнить его красоту, а не только страдание. Дыхание Люси, которая доверилась двум незнакомым людям и отдала им свое сердце, став с ними единым целым, как атомы в одной молекуле. И Изабель, прежняя Изабель, которая сумела вернуть его к жизни после стольких лет небытия.

Дождик принес в камеру запахи леса: земли, сырого дерева, резкий аромат банксий [27], чьи цветы похожи на огромные желуди, покрытые перьями. Ему вдруг пришло в голову, что прощаться предстоит с разными людьми, которые прожили его жизнь: покинутым матерью восьмилетним мальчиком; заброшенным в ад и потерявшим разум солдатом; зрителем маяка, который осмелился открыть свое сердце. Подобно матрешкам, все эти жизни вложены одна в другую и помещены в него.

Лес пел на разные голоса: капли дождя стучали по листве и стекали на землю, образуя лужи; кукабарры [28] заливались безумным смехом над какой-то шуткой, недоступной для понимания людей. Тому казалось, что он – часть какого-то целого, чего-то вечного, для которого не имеет значение ни день, ни десятилетие. Природа просто ждала своего часа, чтобы принять и использовать его атомы для создания новых форм.

Дождь усиливался, на небе сверкали молнии, и где-то вдалеке слышались запоздалые раскаты грома.

Глава 34

Дом Эддикоттов стоял на самом берегу, и от воды участок отделяла лишь узкая полоска земли, покрытая морской травой. Ральф следил, чтобы жилище всегда содержалось в порядке, а маленький сад на песчаной почве позади дома был епархией исключительно Хильды. Яркие циннии и георгины, похожие на нарядных танцующих девушек, высажены вдоль тропинки, которая вела к небольшому вольеру, где весело чирикали зяблики, повергая в немалое изумление представителей местной пернатой фауны.

На следующий день после пропажи Люси Ральф устало шагал по тропинке домой, чувствуя, как из распахнутых окон доносится запах мармелада. Едва он успел снять кепку в прихожей, как ему навстречу выбежала Хильда, размахивая деревянной ложкой, похожей на оранжевый леденец на палочке. Приложив палец к губам, она провела его на кухню.

– В гостиной! – сказала она, делая круглые глаза. – Изабель Шербурн! Она тебя ждет!

Ральф покачал головой:

– Мир сошел с ума!

– Что ей нужно?

– В этом-то и проблема! Она сама не знает, чего хочет!

Небольшая уютная гостиная в доме шкипера была украшена не копиями судов в бутылках и не моделями военных кораблей, а иконами. Архангелы Михаил и Рафаил, Мадонна с младенцем и множество святых с суровыми ликами взирали на посетителей с небесных высот вечности.

Стакан с водой возле Изабель был почти пуст. Она неотрывно смотрела на ангела, замахнувшегося мечом на змея. Низкие облака на небе закрывали солнце, наполняя комнату полумраком, в котором картины тускло отсвечивали золотом.

Она не заметила вошедшего Ральфа, и он какое-то время молча наблюдал за ней.

– Эта икона была первой. Лет сорок с лишним назад ее подарил мне в благодарность один русский моряк в Севастополе. Я вытащил его пьяного из воды и не дал утонуть. – Ральф говорил медленно, делая большие паузы. – Я тогда служил на торговом флоте, и подбирать людей в море приходилось нередко. – Он хмыкнул. – Я вовсе не святоша и ни черта не смыслю в живописи. Но они каким-то образом располагают к общению. Хильда говорит, что часто с ними беседует в мое отсутствие. – Сунув руки в карманы, он кивнул на икону, которую разглядывала Изабель: – Должен признаться, в свое время я сильно докучал этому парню болтовней. Архангел Михаил. В одной руке у него меч, но он еще поднял и щит, будто не решил, как поступить дальше.

В комнате воцарилась тишина, и ветер с силой ударил в оконные рамы, словно помогая Изабель очнуться. До самого горизонта пенились волны, и небо снова потемнело, предвещая дождь. Изабель невольно вспомнила об острове, бесконечной водной стихии вокруг, о Томе и вдруг разрыдалась. Она плакала горько и не стесняясь, и громкие всхлипывания походили на волны, которые несли ее к спасительным берегам.

Ральф молча сидел рядом и просто держал ее за руку. Прошло не меньше получаса, прежде чем она смогла, запинаясь, выдать из себя:

– Вчера вечером Люси убежала из-за меня, Ральф! Она искала меня! Она могла погибнуть! Ральф, как же все запуталось! Я не могу поговорить об этом даже с родителями...

Старик не спешил с ответом и продолжал держать ее руку, молча разглядывая обкусанные до основания ногти. Наконец он медленно и едва заметно кивнул:

– Она жива. И с ней все в порядке.

– Я всегда хотела для нее только одного – чтобы с ней было все хорошо! С той самой минуты как я ее увидела, я ни о чем

другом и не помышляла! Мы были нужны ей! И она была нужна нам! — Она помолчала. — Она была нужна мне! Она появилась буквально из ниоткуда — это же настоящее чудо, Ральф! Я не сомневалась, что ее послал нам Господь. Это же так очевидно! Маленькая девочка потеряла родителей, а мы потеряли своего ребенка... Я так ее люблю! — Она высморкалась. — Там... Ральф, ты один из немногих, кто знает, какова жизнь на Янусе. Кто может это хотя бы представить. Но ты никогда не провожал катер, не стоял на пристани, не слышал, как шум двигателя становится все тише и тише, а судно превращается в точку и исчезает на горизонте. Ты не знаешь, что такое сказать «до свидания» целому миру. Янус был реальностью. Люси была реальностью! А все остальное превращалось в игру воображения. Когда мы узнали о Ханне Ронфельдт... было уже слишком поздно, Ральф. Я не могла отказаться от Люси, просто не могла с ней так поступить!

Старик сидел, дыша медленно и глубоко, и время от времени кивал. Ему не раз хотелось задать ей вопрос или возразить, но он сдерживался. Молчание было лучшим способом помочь не только ей, но и всем остальным тоже.

— У нас была такая счастливая семья! А потом, когда на остров приехала полиция, когда я узнала, что сделал Том, во мне все умерло! Я никому больше не могла верить! Даже самой себе! Господи, как же мне было больно! И горько! И страшно! Когда полиция рассказала о погребушке, все потеряло смысл! — Она взглянула на шкипера: — Что я сделала?

Вопрос не был риторическим: она будто вглядывалась в зеркало, надеясь найти там нечто, ускользавшее от глаз наяву.

— Сейчас важнее не то, что ты сделала, а что собираешься делать.

— Я ничего не могу изменить. Все разрушено, и разрушено до основания. Все потеряло смысл.

— Но он тебя любит! А это должно чего-то стоить!

— А как же Люси? Она же моя дочь, Ральф! — Изабель запнулась, не зная, как лучше объяснить. — Ты можешь представить, чтобы Хильда отказалась от одного из своих детей?

— Но речь идет не об отказе, а о возвращении, Изабель.

— Но разве Люси не была отдана нам? Разве Господь не об этом просил нас?

— А может, он просил о ней позаботиться? И вы это сделали. А сейчас он просит вас позволить это сделать другим. — Он тяжело выдохнул. — Черт, я никакой не священник. Что я знаю о Боге? Но я знаю, что на свете есть человек, готовый ради тебя, ради твоей безопасности пожертвовать всем! Разве не так?

— Но ты же сам знаешь, что вчера произошло. Ты знаешь, как страдает Люси! Я нужна ей, Ральф! Как я могу ей все это объяснить? И как она может понять? Она же еще совсем маленькая!

— Жизнь нередко жестоко обходится с людьми, Изабель. И наносит раны, хуже которых, кажется, уже ничего не бывает. А потом выясняется, что несчастья не кончились и судьба приготовила новые испытания.

— Я думала, что уже испила свою чашу горестей до дна несколько лет назад.

— Если ты думаешь, что хуже, чем сейчас, уже быть не может, то ты сильно ошибаешься. Может, и обязательно будет, если ты не выступишь в защиту Тома. Дело серьезное, Изабель. Люси еще очень маленькая. О ней есть кому позаботиться. И есть люди, которые могут и хотят дать ей хорошую жизнь. А у Тома таких людей нет. И я никогда не встречал человека, который заслуживал бы меньше страданий, чем Том Шербурн. — Под пристальным взглядом святых и ангелов Ральф продолжал: — Бог знает, что между вами произошло там, на острове. Одна ложь нанизывалась на другую, причем из лучших побуждений. Но все зашло слишком далеко. То, что ты сделала ради Люси, причинило страдания другим. Господи, конечно, я понимаю, как тебе тяжело! Но этот Спрэг — тот еще негодяй и просто так не отвяжется! Том — твой муж. В горе и радости, болезни и здравии. Если ты не хочешь, чтобы он сгнил в тюрьме или, того хуже... — Ральф запнулся, не в силах закончить фразу. — Думаю, сейчас у тебя есть последний шанс.

— Куда ты идешь? — с тревогой спросила Виолетта час спустя, видя, что дочь куда-то собралась. — Ты же только вернулась!

— Мне надо выйти, мама. Я должна кое-что сделать.

— Но на улице льет как из ведра! Подожди, пока хоть немного стихнет. — Она кивнула на кучу вещей на полу: — Я тут решила разобрать вещи мальчиков. Старые рубашки, ботинки — их еще можно носить. Я решила отнести их в церковь. — Ее голос дрогнул. — Я надеялась, что ты мне поможешь разобрать.

— Мне надо в полицейский участок.

— Зачем?!

Изабель посмотрела на мать и едва не решилась ей все рассказать, но в последний момент сдержалась.

— Мне надо поговорить с мистером Наккеем, — объяснила она и добавила, направляясь по коридору к двери: — Я скоро вернусь.

Открыв дверь, она увидела на пороге женщину, как раз собиравшуюся позвонить в звонок. Это была промокшая насквозь Ханна Ронфельдт. У Изабель отнялся дар речи.

Продолжая стоять на пороге, Ханна быстро заговорила, устремив взгляд на вазу с розами на столике позади Изабель, будто боялась, что может передумать, если посмотрит на нее.

— Я пришла кое-что сказать. Просто сказать и тут же уйти. Пожалуйста, ни о чем меня не спрашивайте. — Она подумала о клятве, данной Господу всего несколько часов назад, — отступить было поздно. Набрав в легкие побольше воздуха, она продолжила: — Вчера ночью с Грейс могло случиться что угодно. Она отправилась искать вас. Слава Богу, все обошлось и ее нашли целой и невредимой! — Она подняла глаза. — Вы можете себе представить, каково это чувствовать? Видеть, как дочь, которую вы зачали и выносили, родили и выкормили, называет матерью другую женщину? — Она отвела взгляд. — Но я должна с этим смириться, как бы больно мне ни было. Я не могу поставить свое счастье превыше всего. Ребенка, который у меня был — Грейс, — уже не вернуть. Сейчас это мне очевидно. Она может прожить без меня, даже если я не смогу жить без нее. И в этом нет ее вины. Как не виноваты и вы за решения, принятые вашим мужем.

Изабель хотела возразить, но Ханна перебила ее. Снова устремив взгляд на розы, она сказала:

— Я знала о Фрэнке буквально все, включая его душу. О Грейс же мне довелось узнать очень немного. — Она посмотрела Изабель в глаза. — Грейс любит вас. Наверное, она должна быть с вами. — С неимоверным усилием она заставила себя продолжить: — Но я должна быть уверена, что правосудие свершится! Если вы поклянетесь, что все это дело рук вашего мужа — поклянетесь жизнью! — я позволю вам забрать Грейс.

Изабель, ни секунды не раздумывая, тут же произнесла:

– Я кланюсь!

Однако это было еще не все.

– Когда вы дадите показания против этого человека, когда его упрячут в тюрьму, Грейс может вернуться к вам. – Не выдержав, Ханна разрыдалась и со словами «Помоги мне, Господи!» бросилась прочь.

Изабель была потрясена. Снова и снова она перебирала в памяти услышанное, сомневаясь, не почудилось ли ей. Но на крыльце мокрые следы Ханны Ронфельдт и маленькие лужицы от капель, стекавших с ее зонтика. Приблизив лицо к сетчатой двери, Изабель смотрела на небо, и сверкнувшая молния казалась поделенной на крошечные квадратики. От раската грома звенела крыша.

– Разве ты не собиралась в полицейский участок? – Слова Виолетты возвратили Изабель к действительности. Она обернулась и увидела мать. – Я думала, ты уже ушла. Что случилось?

– Молния.

Изабель поймала себя на мысли, что Люси не испугается ослепительно яркой молнии, раскалывавшей небо. Она с самого начала учила малышку относиться к явлениям природы не со страхом, а с уважением: к молниям, которые могли ударить в башню маяка; к океанам, обрушивавшим на остров огромные волны. Она вспоминала, с каким почтением относилась Люси к световой камере, никогда не позволяя себе дотрагиваться до механизмов и стекол. Она вспоминала, как Том держал малышку на руках на галерее башни маяка, а она звонко смеялась и махала ручками Изабель, которая внизу развешивала белье на веревке.

«Жил-был маяк...» Сколько сказок Люси начиналось с этих слов? «И однажды разбушевался сильный шторм. Ветер дул все сильнее и сильнее, и смотритель зажег маяк, а Люси ему помогала. Кругом наступила мгла, но смотрителю не было страшно, потому что у него имелся волшебный луч».

Перед глазами Изабель возникло искаженное страданием лицо Люси. Она может вернуть свою дочь обратно, может сделать ее счастливой, и все беды останутся в прошлом. Она будет любить ее, ласкать и лелеять, видеть, как она растет... Через несколько лет фея молочных зубов принесет ей монетки [29], потом Люси начнет взрослеть, и они будут разговаривать о таком большом мире, о том...

Она сможет забрать дочь. При одном условии. Свернувшись на кровати в калачик, Изабель заплакала:

– Я так хочу вернуть свою дочь! О, Люси! Я этого не вынесу!

Ультиматум Ханны. Мольба Ральфа. Ее собственная ложь под присягой, предающая Тома точно так же, как он предал ее. Мысли кружились в немыслимой карусели, постоянно меняя направление и увлекая ее за собой то в одну, то в другую сторону. Она слышала слова, которые произносились вокруг. Но не было слышно только одного голоса – голоса Тома. Человека, который стоял между ней и Люси. Между Люси и ее матерью.

Не в силах больше выносить неизвестности, она подошла к ящику, достала письмо и медленно вскрыла конверт.

Иzzi, любовь моя! Надеюсь, с тобой все в порядке и ты держишься. Уверен, что родители о тебе хорошо заботятся. Сержант Наккей позволил написать это письмо при условии, что прочтет его первым. Жаль, мы не можем поговорить с глазу на глаз.

Не знаю, будет ли у меня другая возможность пообщаться с тобой. Обычно считаешь, что еще успеешь сказать все, что хочешь, но получается это не всегда.

Я не мог оставить все по-прежнему, не мог с этим жить дальше. И ты не представляешь, как мне больно от того, что я причинил тебе столько страданий!

Принимая решения, мы меняем течение своей жизни, и, если сделанный мной выбор поставит в ней последнюю точку, я все равно считаю себя счастливым. Я встретил тебя, когда думал, что жизнь моя уже кончена, и ты меня полюбила. И даже если бы я прожил еще сто лет, то все равно лучшей доли себе не мог бы и желать. Я любил тебя всем сердцем, Изз, любил так, как только способен, хотя это ни о чем не говорит. Ты чудесная девушка и заслуживала куда более достойной пары, чем я.

Ты злишься, тебе больно, и все кажется бессмысленным – я знаю, каково это. Если ты не захочешь иметь со мной больше ничего общего, я пойму.

Может, человека стоит судить не по самому плохому поступку, который он совершил. Я могу лишь просить у тебя и Бога прощения за те несчастья, которые принес. И поблагодарить за каждый день, прожитый нами вместе.

Какое бы решение ты ни приняла, я соглашусь с ним и полностью тебя поддержу.

С любовью,

Том.

Хотя перед ней лежала не фотография, а записка, Изабель водила пальцем по буквам, повторяя их наклон и красивые завитки, будто это помогало лучше понять смысл слов. Она представляла, как он держит карандаш своими тонкими пальцами и выводит ровные строчки. Снова и снова она проводила пальцем по слову «Том», которое почему-то казалось одновременно и чужим, и родным. Ее мысли уносились в прошлое: она писала пальцем слово на его обнаженной спине, а он должен был его угадать, а потом они менялись местами и угадать должна уже она. Но эти воспоминания вытеснялись другими: тем, как ее трогала Люси. Какая у нее нежная кожа! Она снова представила руку Тома, только на этот раз он писал записку Ханне. Ее мысли были похожи на маятник, раскачивавшийся взад-вперед: от любви – к ненависти, от мужа – к ребенку. Она убрала руку с письма и снова его перечитала, стараясь понять смысл написанных слов и слыша голос Тома, как если бы он их произносил. Чувствуя, будто ее разрывали надвое, она не могла сдержать рыданий и в конце концов приняла решение.

Глава 35

Когда в Портагезе шел дождь, с неба низвергались такие потоки воды, что город промокал до нитки. Благодаря этим потокам на плодородных почвах тысячелетиями росли густые леса. Небо темнело, температура падала. Грунтовые дороги размывало, и по ним становилось невозможно проехать на автомобиле. Реки, чувствуя близость океана, с которым они были так долго разлучены, ускоряли свой бег, стремясь скорее оказаться дома.

Город замирал. Капли стекали струйками с шор немногих оставшихся лошадей, обреченно стоявших со своими повозками, и отскакивали от капотов машин, активно вытеснявших гужевого транспорт. Люди собирались под навесами на широких верандах

магазинов и, скрестив руки, недовольно зягали на разверзшиеся небесные хляби. На заднем дворе школы пара проказников шлепала по лужам. Женщины обескураженно смотрели на сохнувшее белье, которое не успели снять, а кошки норовили шмыгнуть в ближайшую дверь, жалобно мяукая. Вода потоками неслась мимо военного мемориала, где выбитые золотом слова уже успели потускнеть, и стекала по желобу с крыши церкви прямо на свежую могилу Фрэнка Ронфельдта. Дождь не делал различий между живыми и мертвыми.

Тому тоже пришла в голову мысль, что Люси не испугается. Он вспомнил, как у него от умиления щемило сердце при виде маленькой девочки, смотревшей на молнию и смеявшейся. — А теперь пусть гроыхнет, папа! — кричала она и ждала раската грома.

— Будь оно проклято! — в сердцах воскликнул Вернон Наккей. — У нас опять протечка! Потоки воды с холма за полицейским участком вызвали на просто «протечку». Вода проникала в заднюю часть здания, расположенную ниже, чем с главного входа. Через несколько часов пол камеры Тома оказался покрыт водой, сочившейся с потолка и стен, на целых шесть дюймов. Паук покинул паутину и укрылся в более безопасном месте.

— Сегодня тебе явно повезло, Шербурн! — объявил Наккей, появившись со связкой ключей.

Том не понял.

— Обычная вещь, когда так льет. Потолок в этой части здания может рухнуть. В Перте давно обещают его починить, но дальше шпаклевки дело с места так и не сдвинулось. Однако если заключенный не доживет до суда, им это точно не понравится, так что какое-то время ты побудешь наверху. Пока здесь все не высохнет. — Сунув ключ в замок, он не стал его сразу поворачивать. — Только без глупостей, ладно?

Том посмотрел на него и промолчал.

— Ну и хорошо! Выходи!

Том прошел за Наккеем в приемную, где сержант пристегнул его наручниками к трубе.

— Вряд ли у нас тут ожидается наплыв посетителей, пока не перестанем плавать, — пояснил он Гарри Гарстоуну и довольно хмыкнул собственному каламбуру: — Мо Маккэки [30] может отдыхать!

Слышался только шум дождя, струи которого превращали все поверхности в ударные инструменты. Ветер стих, и на улице все замерло, если не считать потоков воды. Вооружившись шваброй и полотенцами, Гарстоун решил хоть немного навести порядок.

Том смотрел в окно на дорогу и представлял, как в эту погоду было бы на галерее маяка на Янусе: зритель наверняка бы чувствовал себя как в облаке. Он смотрел на неспешное движение куда-то не торопившихся стрелок по циферблату часов.

Его внимание привлекла хрупкая фигурка, направлявшаяся к участку. Ни плаща, ни зонта, руки сложены на груди, а тело подалось вперед, будто опиралось на струи дождя. Он сразу узнал ее. Через несколько мгновений Изабель открыла дверь. Она смотрела прямо перед собой и устремилась к стойке, где Гарстоун, раздевшись до пояса, вытирал шваброй лужу.

— Я... — начала Изабель.

Гарстоун обернулся посмотреть, кто это.

— Мне нужно видеть сержанта Наккея...

Изумленный констебль, так и не выпустивший тряпки из рук, покраснел и бросил взгляд на Тома. Проследив за его взглядом, Изабель охнула.

Том вскочил на ноги, но наручники не позволяли броситься ей навстречу, и он протянул руку, а Изабель в ужасе замерла, не спуская с него глаз.

— Иззи, Иззи! Любимая! — Он тянул руку изо всех сил и даже растопырил пальцы, будто это могло помочь ему дотянуться.

Она стояла, охваченная страхом, жалостью и стыдом, не в силах пошевелиться. Но тут страх пересилил все остальные чувства, и она повернулась, чтобы выскочить обратно на улицу.

Увидев жену, Том ощутил необыкновенный подъем, тут же сменившийся невыразимым ужасом при мысли, что она может снова исчезнуть. В отчаянии он с такой силой рванул за трубу, что вырвал ее из муфты, и в воздух ударила струя воды.

— Том, — произнесла сквозь слезы Изабель, когда он подскочил к ней и обнял ее. — О, Том! — Ее тело била дрожь, которой не могли унять даже крепкие объятия. — Я должна им сказать! Я должна...

— Не волнуйся, Изз, успокойся. Все хорошо, милая. Все хорошо.

В дверях кабинета показался Наккей.

— Гарстоун, какого чер... — При виде Изабель в объятиях Тома, не замечавших, как из разорванной трубы их поливает вода, он замер на полуслове.

— Мистер Наккей, это неправда! Все неправда! — закричала Изабель. — Фрэнк Ронфельдт был уже мертв, когда ялик прибило к берегу. Оставить Люси была моя идея! Я не дала ему сообщить о ялике! Это я во всем виновата!

Том крепко обнимал ее и целовал в макушку.

— Тсс, Иззи! Не надо ничего говорить. — Чуть отстранившись, он согнул колени и, держа ее за плечи, заглянул в глаза. — Все в порядке, любимая. Ничего больше не говори.

Наккей медленно покачал головой.

Гарстоун быстро натянул китель и пригладил волосы рукой.

— Мне арестовать ее, сэр?

— Констебль, хоть раз в жизни включи свои чертовы мозги! Займись-ка лучше делом и почини трубу, пока мы все здесь не утонули! — Сержант повернулся к паре, не сводившей друг с друга глаз. Их молчание было красноречивее слов. — А вас двоих я попрошу пройти ко мне в кабинет.

Стыд! Как ни странно, но Ханна почувствовала именно стыд, а вовсе не гнев, когда сержант Наккей пришел к ней с новостями о признании Изабель Шербурн. Она густо покраснела, вспомнив о вчерашнем визите к Изабель и предложенной сделке.

— Когда? Когда она все рассказала? — спросила она.

— Вчера.

— В котором часу?

Наккей удивился вопросу: какая, черт возьми, разница?

— Около пяти часов.

– Значит, после... – едва слышно произнесла она.

– После чего?

От унижения, что Изабель отвергла ее жертву, да к тому же солгала ей, Ханна стала совсем пунцовой.

– Не важно.

– Просто я подумал, что вы захотите знать.

– Конечно, конечно... – Она усилием воли переключила внимание с полицейского на окно. Его надо помыть. И вообще в доме давно пора убраться – за последние недели она совсем запустила его. Размышляя об обычных, повседневных заботах, ей удалось немного успокоиться, и она повернулась к полицейскому: – Где она сейчас?

– Дома у родителей. Отпущена под залог.

Ханна поковыряла заусеницу на большом пальце.

– И что с ней теперь будет?

– Ее будут судить вместе с мужем.

– Она все время лгала... Заставила меня поверить... – Ханна покачала головой, о чем-то задумавшись.

Наккей воспользовался паузой:

– Все это странная история. Изабель Грейсмарк была очень достойной особой, пока не отправилась на Янус. Пребывание там явно не пошло ей на пользу. Да вряд ли кому может пойти. В конце концов, Шербурн получил это место после того, как старый Тримбл Докерти решил свести счеты с жизнью.

Ханна не знала, как лучше сформулировать следующий вопрос.

– Сколько они получают?

Наккей посмотрел на нее:

– Пожизненно.

– Пожизненно?!

– Я имею в виду не тюремный срок. Эти два человека уже никогда не будут свободны. И никогда не оправятся от того, что случилось.

– Как и я, сержант.

Наккей смерил ее взглядом и решил рискнуть.

– Послушайте, «Военным крестом» не награждают трусов. Чтобы заслужить этот орден, надо спасти немало своих, рискуя собственной жизнью. Полагаю, что Том Шербурн – достойный человек. Я бы даже позволил себе назвать его хорошим, миссис Ронфельдт. И Изабель тоже хорошая девушка. Там, на острове, у нее было три выкидыша и никого, чтобы помочь в такой момент. То, что им пришлось пережить, не проходит бесследно.

Ханна смотрела на него, сложив руки и не понимая, к чему он клонит.

– Чертовски неприятно, что он оказался в таком положении. Не говоря уже о его жене.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего такого, о чем вы сами не задумаетесь через несколько лет. Но тогда уже будет слишком поздно.

Она чуть повернула голову, будто пытаясь его лучше понять.

– Я просто хочу знать – вы этого хотите? Суда? Тюрьмы? Вы получили назад свою дочь. Может, есть какой-то другой выход...

– Другой выход?

– Спрэгг потерял интерес к этому делу, как только его бредовая версия насчет убийства лопнула. И раз дело будет разбираться в Портагезе, у меня есть определенная свобода действий. Не исключено, что и капитан Хэзлак сможет замолвить за Шербурна слово в Маячной службе. Если, конечно, вы тоже не станете настаивать на суровом наказании и попросите о снисхождении...

Лицо Ханны вновь залила краска, и она резко вскочила. Слова, которые годами накапливались у нее в душе втайне от нее самой, вдруг выплеснулись наружу:

– Я сыта по горло! Я сыта по горло тем, что мной все командуют и вмешиваются в мою жизнь, разрушая ее по своей прихоти! Вы понятия не имеете, каково это быть на моем месте, сержант Наккей! Как вы смеете являться в мой дом с такими предложениями?! Как вы смеете?!

– Я вовсе не хотел...

– Дайте мне договорить! С меня довольно! Слышите?! – Ханна уже кричала. – Никто больше не посмеет указывать мне, как поступать! Сначала отец считал, что лучше меня знает, за кого мне выходить замуж, потом весь проклятый город набросился на бедного Фрэнка как толпа дикарей! Затем Гвен уговаривает отдать Грейс обратно Изабель Грейсмарк, и я соглашаюсь! Я практически соглашаюсь! И не смотрите с таким изумлением – вы не знаете всего, что здесь происходит! А теперь еще выясняется, что эта женщина лгала мне в лицо! Да как вы смеете?! Как вы смеете предлагать мне снова плясать под чужую дудку?! – Она выпрямилась. – Убирайтесь из моего дома! Немедленно! Пока я... – она схватила хрустальную вазу – первое, что попало под руку, – не запустила в вас этим!

Наккей замешкался, поднимаясь, и ваза угодила ему в плечо и, упав на пол, разлетелась на мелкие кусочки.

Ханна замерла, шокированная своей выходкой, и в ужасе смотрела на полицейского, будто спрашивая, не привиделось ли ей все это.

Наккей стоял не шевелясь. На ветру развеивалась занавеска. В оконную сетку, громко жужжа, билась толстая муха. Глухо звякнул осколок, отлетевший в сторону и только сейчас упавший на пол.

После долгой паузы Наккей поинтересовался:

– Вам стало легче?

Ханна смотрела на него, открыв рот. Она никогда в жизни не поднимала ни на кого руку. И очень редко кричала. А с полицейским такое вообще произошло впервые.

– В меня бросали предметы и похуже.

Ханна потупила взор:

– Прошу меня извинить.

Сержант наклонился, поднял несколько осколков покрупнее и положил на стол.

– Как бы малышка не порезала ногу.

– Она на реке с дедушкой, – пробормотала Ханна и, махнув рукой на осколки, пролепетала, так и не закончив фразы: – Вообще-то я не...

– Я знаю, сколько вам пришлось пережить. Хорошо хоть, что вы запустили вазой в меня, а не в сержанта Спрэгга. – Он чуть заметно улыбнулся.

– Я не имела права говорить в таком тоне.

– Такое случается. Причем с людьми, у которых для этого куда меньше причин, чем у вас. Мы не всегда способны контролировать свои действия. Иначе я бы точно был безработным. – Он забрал свою шляпу. – Я ухожу и надеюсь, что вы подумаете над моими словами. Времени осталось совсем мало. Когда приедет судья и отправит их в Албани, я уже ничем не смогу помочь.

Он вышел на улицу, где яркое солнце выжигало с неба последние тучки на востоке.

Ханна, действуя скорее машинально, взяла совок и веник и начала убирать осколки, стараясь не пропустить самых мелких. Потом отнесла совок на кухню, высыпала собранные осколки на газету, аккуратно завернула и вынесла в мусорный бак на улице. Ей вспомнилось сказание об Аврааме, когда Бог послал ему страшное испытание, велел принести в жертву самое дорогое – своего сына Исаака. И только когда отец уже занес над сыном нож, Бог позволил ему заколоть вместо сына агнца. У нее по-прежнему была дочь. Ханна уже собиралась вернуться в дом, и тут ее взгляд упал на кусты крыжовника, напомнившие тот ужасный день, когда возвращенная домой Грейс спряталась в них и не желала вылезать.

Ханна опустила на колени и горько заплакала. И ей вдруг припомнился один разговор с Фрэнком.

– Как? Как тебе удастся со всем этим справиться, милый? – спросила она мужа. – Жизнь так часто обходилась с тобой жестоко, а ты никогда не падаешь духом. В чем тут секрет?

– Все дело в выборе, – пояснил он. – Я могу остаться в прошлом и отравить себе существование ненавистью к людям за то, что они сделали, как поступил мой отец, или же простить их и больше о них не вспоминать.

– Но это так трудно!

Он улыбнулся своей удивительной улыбкой:

– Нет, моя радость, наоборот, это намного легче. Тебе надо простить всего один-единственный раз. А ненависть нужно подпитывать постоянно, изо дня в день. Нужно все время помнить все плохое, что было сделано. – Он засмеялся и сделал вид, что вытирает пот со лба. – Мне пришлось бы составить очень и очень длинный список, чтобы не забыть никого, кто заслуживает моей ненависти. Вот тогда это было бы ненавистью, достойной настоящего тевтона! Нет, милая, – он снова стал серьезным, – у нас всегда есть выбор. Всегда!

Ханна легла на траву животом вниз, чувствуя, как солнце вытягивает из нее последние силы. Вконец измученная и уже не замечая ни жужжащих пчел, ни запаха одуванчиков, ни колких кончиков отросшей травы, она забылась во сне.

Хотя камера и одежда уже высохли, а вчерашняя встреча с женой осталась только в памяти, Том по-прежнему ощущал на себе прикосновение мокрой кожи Изабель. Ему одновременно хотелось, чтобы случившееся оказалось и реальностью, и миражом. Если это реальность, то его Иззи вернулась к нему, о чем он и молился. А если мираж, то она по-прежнему в безопасности и ей не грозит тюрьма. Разрываясь между тревогой и утешением, он задался вопросом, суждено ли ему вновь ощутить ее прикосновение.

Виолетта Грейсмарк плакала в спальне. – Господи, Билл! Да что же это делается?! Неужели нашу девочку отправят в тюрьму? Да как же это?!

– Все образуется, дорогая. Вот увидишь.

Он не рассказывал ей о своем разговоре с Верноном Наккеем, чтобы не обнадеживать раньше времени, но у самого надежда теплилась.

Изабель в одиночестве сидела под палисандровым деревом. Ее тоска по Люси по-прежнему была глубока: непреходящая боль, у которой нет очага. Скинув бремя лжи, она лишила себя возможности черпать силы в грезах. Страдание на лице матери, боль в глазах отца, плачущая Люси, Том в наручниках – эти образы не давали ей покоя и не оставляли ни на минуту. Она старалась представить себе, каково это – оказаться в тюрьме. Силы окончательно ее покидали. В ней больше не было желания сопротивляться. Ее жизнь разбилась на мелкие осколки, которые уже никогда не удастся собрать воедино. От осознания чудовищности происходящего мысли лишались всякой опоры и беспорядочно устремлялись вниз, в глубокий черный колодец, где был только стыд, страх и чувство безвозвратной утраты.

Септимус с внучкой стояли на берегу реки и вместе разглядывали лодки. – Я скажу тебе, кто был настоящим моряком: моя Ханна! Когда была маленькой. Ей вообще удавалось все, за что бы она ни бралась. И такая непоседа! С ней все время надо было держать ухо востро. – Он взъерошил ей волосы. – Совсем как с тобой, моя маленькая Грейс.

– Нет, я Люси! – возразила она.

– Но при рождении тебе дали имя Грейс.

– А я хочу быть Люси!

Он внимательно посмотрел на нее.

– Вот что я придумал. Давай с тобой заключим сделку. Чтобы все было по-честному и никто не обиделся. Я буду звать тебя Люси-Грейс. По рукам?

Почувствовав, как на лицо упала тень, Ханна проснулась. Она лежала на траве и, открыв глаза, увидела рядом Грейс, которая пристально ее разглядывала. – Я же сказал, что она от этого проснется! – засмеялся Септимус, и Грейс тоже невольно улыбнулась.

Грейс начала подниматься, но Септимус ее остановил:

– Не вставай. А теперь, принцесса, может, присядешь на травку и расскажешь Ханне про лодки? Сколько ты видела?

Девочка задумалась.

– Ну же, сколько ты их насчитала по пальцам?

– Шесть, – ответила она и, подняв обе руки, показала пять пальцев на одной и три на другой, а потом загнула два лишних.

– Пойду поищу на кухне что-нибудь вкусненькое, а ты останься и Расскажи о жадной чайке, которую ты видела, с большой рыбой в клюве.

Грейс опустилась на траву в нескольких футах от Ханны. Ее светлые волосы развевались на ветру. Вообще-то Ханна собиралась рассказать отцу о визите сержанта Наккея и спросить совета. Но сейчас, впервые за все время, Грейс была готова что-то рассказать и поиграть, и Ханна просто не могла упустить такой момент. Она по привычке сравнила сидевшую перед ней девочку с той утраченной малюткой, воспоминания о которой хранила так бережно, надеясь найти в них сходство. И тут в ее голове прозвучали слова: «У нас всегда есть выбор».

– Давай сплетем венок из ромашек?
– А что такое совок из ромашек?
– Венок! – поправила с улыбкой Ханна. – Мы сделаем тебе настоящую корону! – И она начала срывать росшие вокруг ромашки. Она показала Грейс, как на стебелек ромашки положить накрест второй и обхватить им первый, и смотрела, как дочка орудует своими маленькими пальчиками. Они не были похожи на пальчики той малютки, которую она помнила. Перед ней сидела маленькая девочка, и ей предстояло узнать ее заново. Как и Грейс предстояло узнать ее саму. «У нас всегда есть выбор». И вдруг она ощутила необыкновенную легкость, как будто с души свалился огромный камень.

Глава 36

Когда солнце опустилось почти к самому горизонту, Том, ждавший на пристани Партагеза, увидел медленно приближавшуюся Ханну. За шесть месяцев, что он ее не видел, она изменилась – ее лицо чуть округлилось и стало спокойнее.

– Что вы хотели? – спросила она ровным голосом.
– Я хотел попросить прощения. И поблагодарить. За все, что вы сделали.
– Мне не нужна ваша благодарность, – ответила она.
– Если бы не вы, приговор для меня был бы совсем не три месяца тюрьмы в Банбери. – Конец фразы Том произнес с трудом, чувствуя стыд. – А условный приговор Изабель – целиком ваша заслуга. Так мне сказал адвокат.

Ханна перевела взгляд на горизонт.
– Если бы ее отправили в тюрьму, это ничего бы не исправило. Как и ваше там пребывание на протяжении многих лет. Что сделано, то сделано.

– И все равно, для вас это было не простым решением.
– Когда мы встретились впервые, вы пришли мне на помощь. Вы меня совершенно не знали и не обязаны были вступаться. Полагаю, что это кое-что значит. И я знаю, что если бы вы не нашли мою дочь, она бы погибла. Я старалась об этом не забывать. – Ханна помолчала. – Я не могу вас простить. Никого из вас. Вся эта ложь... Но я не хочу позволять прошлому отравлять настоящее. Ведь то, что произошло с Фрэнком, случилось как раз из-за этого. – Задумавшись, она рассеянно покрутила обручальное кольцо. – Самое удивительное, что Фрэнк наверняка бы первым простил вас. И первым выступил бы в вашу защиту. В защиту людей, которые совершают ошибки. Только этим я могла почтить его память: поступить так, как поступил бы он. – Она посмотрела Тому в глаза. – Я любила его.

Они молча стояли, глядя на воду. Наконец Том прервал молчание:
– Годы, которые вы провели без Люси, – мы никогда не сможем их вернуть. Она чудесная маленькая девочка. – Увидев, как изменилось лицо Ханны, он поспешил добавить: – Мы никогда не станем искать встреч с ней. Я обещаю. – Следующие слова дались ему с огромным трудом: – Я понимаю, что не имею никакого права просить. Но если когда-нибудь, может, когда она вырастет и станет взрослой, она вспомнит о нас и спросит, скажите ей, что мы ее любили. Хотя и не имели никакого права.

Ханна стояла, будто взвешивая, стоит ли сказать.
– Она родилась восемнадцатого февраля. Вы этого не знали, верно?
– Нет, – тихо ответил Том.
– И когда она родилась, ее шея была дважды опутана пуповиной. А Фрэнк... Фрэнк пел ей колыбельные. Видите? Есть вещи, которые я о ней знаю, а вы нет.

Том молча кивнул.
– Я осуждаю вас. И осуждаю вашу жену. Да и как иначе? – Она посмотрела ему в глаза. – Я так боялась, что моя дочь никогда меня не полюбит!

– Дети созданы для того, чтобы любить.
Ханна посмотрела на ялик, бившийся о пристань, и нахмурилась от новой мысли.
– Здесь все молчат и никто не вспоминает, почему Фрэнк и Грейс вообще оказались в той лодке. Никто даже не извинился. Ни единая душа! Даже отец не любит об этом говорить. Вы хотя бы попросили прощения. И заплатили за то, что с ним сделали.

Помолчав, она спросила:
– Где вы сейчас живете?
– В Албани. Ральф Эддикотт помог мне найти работу в порту, когда я вышел из тюрьмы три месяца назад. Так что я могу быть рядом с женой. Врачи говорят, что ей нужен полный покой. Пока ей лучше находиться в частной лечебнице, где есть соответствующий уход. – Том откашлялся. – Наверное, не стоит вас больше задерживать. Надеюсь, что жизнь сложится счастливо и для вас, и для Лу... для Грейс.

– Всего хорошего, – попрощалась Ханна и направилась по пристани обратно в город.
Когда Ханна приблизилась к особняку отца, чтобы забрать дочь, заходящее солнце уже окрасило листву эвкалиптов золотом.
– Сорока-сорока, где была? Далеко... – говорил Септимус на веранде, играя с внучкой, которая устроилась у него на коленях. – Посмотри-ка, Люси-Грейс, кто это там идет?

– Мама! А куда ты ходила?
Ханна не переставала удивляться, как похожа Грейс на Фрэнка: та же улыбка, те же глаза, такие же волосы.
– Может, когда-нибудь я тебе и расскажу, малышка, – ответила она и поцеловала ее. – Ну что, пойдем домой?
– А можно мы придем к дедушке завтра?

Септимус засмеялся:

– Ты можешь приходить к бабушке когда захочешь, принцесса. В любой день!

Доктор Самптон оказался прав: время оказалось лучшим лекарством и постепенно малышка начала привыкать к ее новому, а точнее, старому дому.

Ханна подняла дочку на руки. Старик улыбнулся:

– Вот и хорошо, малышка, вот и славно!

– Пойдем, милая, нам пора.

– Я хочу идти сама.

Ханна опустила ее на землю, и девочка, взяв ее за руку, зашагала рядом по дорожке. Ханна старалась идти медленнее, чтобы Люси-Грейс не отставала.

– Смотри, видишь кукабарру? Как будто она улыбается, правда?

Девочка не обратила на птицу никакого внимания, пока та вдруг не разразилась громким криком, будто захлебывалась от смеха. Остановившись в изумлении, малышка принялась разглядывать птицу, которую никогда не видела так близко. Снова раздался громкий хохот.

– Она смеется. Наверное, ты ей понравилась, – сказала Ханна. – А может, предвещает дождь. Кукабарры всегда хохочут перед дождем. А ты можешь повторить? Вот так? – И она очень похоже симитировала крик птицы, чему ее научила мать много лет назад. – Давай, попробуй!

У девочки ничего не вышло.

– Я буду чайкой! – заявила она и издала пронзительный крик, практически неотличимый от тех, что издают эти птицы, которых она знала лучше всего. – Теперь ты попробуй!

После нескольких неудачных попыток Ханна со смехом признала свое поражение.

– Ты должна обязательно научить меня, родная, – сказала она, и они продолжили путь.

На пристани Том вспоминал свой первый день в Партагезе. И последний. И как в период между ними Фицджеральду и Наккею удалось перекалфицировать предъявленные Спрэггом обвинения на менее тяжкие, а то и вовсе их снять. Адвокат убедительно доказал несостоятельность обвинения в похищении ребенка, что повлекло за собой снятие и других связанных с этим обвинений. Признание Томом своей вины в административных нарушениях могло повлечь за собой суровый приговор даже на суде в Партагезе, не говоря уже об Албани, не выступи в защиту обвиняемых Ханна, настаивавшая на снисхождении. Да и тюремный режим в Банбери был намного мягче, чем во Фримантле или Албани. Наблюдая, как опускавшееся солнце растворялось в водной глади, Том ощущал, как глубоко в его жизнь вошел Янус. Он ловил себя на мысли, что до сих пор с наступлением вечера невольно готовился подняться по сотням ступенек и зажечь маяк. А вместо этого сидел на причале и провожал взглядом чаек, паривших над морской зыбью.

Он думал о мире, который продолжал жить своей обычной жизнью, даже не заметив его отсутствия. Люси, наверное, уже уложили спать. Он представлял ее личико, такое беззащитное во сне. Интересно, как она теперь выглядела? Снились ли ей сны о Янусе? Скучала ли по маяку? Он думал и об Изабель, о том, как она лежала на узкой железной кровати и оплакивала свою дочь и прежнюю жизнь.

Время исцелит ее. Он обещал ей. Обещал себе. Она обязательно поправится.

Поезд до Албани отходил через час. Он дождется, когда стемнеет, и пройдет на станцию через город.

Через несколько недель Том с Изабель сидели на чугунной скамье в саду частной лечебницы. Розовые циннии уже отцвели, и теперь их цветы подернул коричневый налет, похожий на ржавчину. По листьям астр ползали улитки, а лепестки сорвал и унес куда-то вдаль южный ветер. – Я рада, что ты не такой худой, как был, Том. Когда я тебя тогда увидела, ты выглядел просто ужасно! Как ты? – В голосе Изабель звучало участие и какая-то обреченность.

– Не волнуйся за меня. Сейчас нам надо подумать о тебе. – Он увидел, как на скамейку сел сверчок и принялся стрекотать. – Врачи говорят, что тебя можно забрать, как только ты захочешь, Изз.

Она опустила голову и намотала на палец прядь волос за ухом.

– Нельзя вернуться в прошлое. Нельзя изменить то, что сделано, через что мы оба прошли, – сказала она.

Том не сводил с нее пристального взгляда, но она отвела глаза и прошептала:

– И к тому же разве что-то осталось?

– Осталось от чего?

– От всего. От... нашей жизни.

– В Маячную службу мы вернуться не можем, если ты об этом.

Изабель вздохнула:

– Я не об этом, Том. – Притянув к себе ветку жимолости со стены, она принялась ее разглядывать. Потом сорвала цветок и стала выдергивать лепестки, которые падали на юбку, превращая ее в разноцветное мозаичное панно. – Потерять Люси – это все равно что лишиться части тела. Как после ампутации. Даже не знаю, как выразить словами...

– Слова тут не важны. – Он хотел взять ее за руку, но она отстранилась.

– Скажи мне, что чувствуешь то же самое.

– Разве от этого тебе станет легче, Изз?

Она собрала лепестки в аккуратную кучку.

– Ты не понимаешь, о чем я говорю, так ведь?

Он нахмурился, подбирая слова, и она перевела взгляд на огромное кучевое облако, надвигавшееся на солнце.

– Знаешь, до тебя очень трудно достучаться. Живя с тобой, я иногда чувствовала себя такой одинокой.

Помолчав, он спросил:

– Что ты хочешь от меня услышать, Иззи?

– Я хотела, чтобы мы были счастливы. Мы все. Люси удалось преодолеть тот барьер, которым ты оградил свой внутренний мир. Ты начал оттаивать, и это было так замечательно! – После долгой паузы выражение лица ее вдруг изменилось от горьких воспоминаний. – Все это время я понятия не имела, что ты сделал! И каждый раз, когда ты ко мне прикасался, каждый раз,

когда... У меня и в мыслях не было, что ты что-то скрываешь!

– Я пытался поговорить об этом, Изз. Но ты не хотела ничего слушать.

Она вскочила на ноги, и лепестки посыпались на землю.

– Я хотела сделать тебе больно, Том. Больно так, как ты сделал мне! Ты это понимаешь? Я хотела отомстить! Неужели тебе нечего сказать на это?!

– Я знаю, милая, знаю. Но это все в прошлом.

– Так ты прощаешь меня? Вот так все просто? Как будто ничего и не было?

– А что мне остается делать? Ты же моя жена, Изабель.

– То есть крест, который придется нести...

– Я хочу сказать, что обещал провести с тобой всю жизнь. И я хочу провести свою жизнь с тобой, Изз. Я понял, что будущее есть только у тех, кто не пытается изменить прошлое.

Она отвернулась и сорвала несколько цветков жимолости.

– Что мы станем делать? Как будем жить? Я не могу каждый день общаться с тобой и продолжать ненавидеть за то, что ты сделал. И еще стыдиться себя!

– Нет, любимая, не можешь.

– Все разрушено. Ничего нельзя исправить.

Том взял ее руку в свою.

– Мы постараемся наладить свою жизнь. Другого нам не дано. Нужно научиться жить с тем, что есть.

Она задумчиво встала и пошла по дорожке, оставив Тома сидеть на скамейке. Обойдя сад, она вернулась.

– Я не могу ехать обратно в Партагез. Он теперь для меня чужой. – Покачивая головой, она взглянула на облако. – Я не знаю, где и кому я теперь не чужая.

Том поднялся и взял ее за локоть.

– Мы с тобой семья, Изз, и должны обязательно быть вместе. И не важно, где именно.

– Ты по-прежнему так считаешь, Том?

Она рассеянно перебирала листья на побеге жимолости. Том сорвал сочное соцветие.

– В детстве мы их ели. А вы?

– Ты не шутишь?

Он чуть придавил зубами основание цветка и высосал каплю нектара.

– Тут совсем мало, но попробовать точно стоит.

Сорвав новый цветок, Том поднес его к губам жены.

Глава 37

Хоуптаун, 28 августа 1950 года

Сейчас в Хоуптауне мало что интересного, если не считать длинной пристани, которая помнит славные времена, когда город служил главным портом золотых приисков. Сам порт был закрыт в 1936 году, через несколько лет после того, как туда переехали Том и Изабель. Брат Тома Сесил пережил отца всего на пару лет, и когда он умер, оставленных денег хватило на покупку фермы неподалеку от города. По местным меркам их владения были довольно скромными, но все равно захватывали несколько миль побережья. Дом стоял на небольшом возвышении, за которым начинался пологий спуск к пляжу. Они жили тихо, иногда выезжали в город, а управляться с фермой им помогали наемные рабочие. Хоуптаун расположен на берегу широкой бухты в четырехстах милях к востоку от Партагеза – достаточно далеко, чтобы не встретить знакомых оттуда, и в то же время достаточно близко, чтобы родители Изабель могли приезжать к ним на Рождество, что они и делали до самой своей смерти. Том и Ральф изредка переписывались, обмениваясь обычными короткими письмами, но все равно очень для обоих важными. После смерти Хильды дочь Ральфа переехала с семьей в его небольшой дом и заботливо ухаживала за отцом, здоровье которого в старости сильно пошатнулось. Когда Блюи женился на Китти Келли, Том с Изабель послали подарок, но на свадьбу не поехали. Партагез ни Том, ни Изабель больше не посещали ни разу.

Почти двадцать лет их жизнь текла мирно и размеренно, напоминая тихую реку, со временем лишь углублявшую свое русло.

Слышался бой часов. Пора отправляться в путь. Теперь до города с его скоростными шоссе можно добраться совсем быстро, не то что в прежние времена, когда они только приехали. Завязывая галстук, Том краем глаза заметил незнакомца с седыми волосами и понял, что видит в зеркале свое отражение. Костюм на нем сидел мешковато, а воротник рубашки был явно велик для торчащей из него шеи. В окно было видно, как беспокойно море и белые барашки волн сливались вдаль с висящей над водой белесой пеленой. Для океана время всегда казалось остановившимся. В воздухе слышен лишь рев августовских штормов.

Убрав конверт в сундучок из камфорного дерева, Том аккуратно закрыл крышку. Скоро его содержимое потеряет всякий смысл, совсем как фронтовые окопы, взятые в плен мирной жизнью. Все чувства и смыслы, которыми мы наделяем окружающий нас мир, время методично стирает, превращая прошлое в безучастную и лишенную красок субстанцию.

Рак убивал ее несколько месяцев, и им оставалось только ждать неизбежного конца. Он неделями сидел у ее кровати и держал за руку. «А помнишь тот патефон?» – спрашивал он. Или: «Как думаешь, а что стало с миссис Мьюитт?»

Эти вопросы неизменно вызывали у нее слабую улыбку. Иногда она набиралась сил и наказывала ему не забыть подрезать деревья или просила рассказать историю со счастливым концом. А он нежно гладил ее по щеке и шепотом начинал: «Жила-была одна девочка, по имени Изабель. И такая отчаянная, что никто не мог с ней сравниться...»

Продолжая говорить, он разглядывал веснушки на ее руке, замечая, как опухли суставы на пальцах, а обручальное кольцо стало велико и свободно скользило по коже.

Когда она уже не могла пить, он вкладывал ей в рот кусочек влажной фланели, чтобы она могла сосать, и смазывал губы ланолином, чтобы они не трескались. Он гладил ее волосы, тронутые сединой и заплетенные в тяжелую косу. Он видел, каким неуверенным стало ее дыхание и с каким трудом ей давался каждый вздох. Совсем как у Люси, когда они нашли ее в ялике.

– Ты не жалеешь, что встретил меня, Том?

– Я родился для того, чтобы встретить тебя, Изз. Мне кажется, это и было моим предназначением в жизни, – ответил он и поцеловал в щеку.

Его губы помнили тот первый поцелуй на пляже много десятилетий назад, когда дул сильный ветер и садилось солнце. Отважная и отчаянная девчонка, слушавшая только свое сердце. Он помнил, как она любила Люси. Любила так беззаветно и пылко, что невозможно выразить словами, и, сложись все иначе, наверняка была бы за это вознаграждена.

На протяжении тридцати лет он каждый день старался показать Изабель, как сильно ее любит. Но теперь таких дней больше не будет. И скоро он уже ничего не сможет для нее сделать. Ощущение неминуемой и безвозвратной утраты заставило его решиться.

– Изз, – произнес он запинаясь. – Может, ты хочешь о чем-то спросить? Или что-то узнать? Ты только скажи. Я не очень-то разговорчив, но обещаю ответить и ничего не скрывать.

Изабель попыталась улыбнуться.

– Это означает, что мой конец уже близко, Том. – Она едва заметно кивнула и накрыла его руку своей. Он не отвел глаз и выдержал ее взгляд. – А может, я и сама наконец готова поговорить...

Ее голос был еле слышен.

– Все в порядке. Теперь мне больше ничего не нужно.

Том гладил ее волосы, не отводя взгляда от глаз Изабель. Потом прижался к ней лбом, и они, замерев, долго молчали, пока ее дыхание не изменилось и не стало учащенным.

– Я не хочу покидать тебя, – сказала она, сжимая руку. – Мне так страшно, любимый. А что, если Бог не простит меня?

– Бог простил тебя много лет назад. И ты тоже должна простить.

– Письмо? – с тревогой спросила она. – Ты не потеряешь письмо?

– Конечно, нет, Изз. С ним будет все в порядке.

Ветер с силой ударил в окна, невольно напомнив о тех днях на Янусе, когда вокруг бушевал шторм.

– Я не стану прощаться, если Бог меня слышит и считает, что мне пора. – Она снова сжала его руку и после этого уже не могла говорить. Время от времени она открывала глаза, и в них мелькала искра, озарявшая все лицо, как будто с ней поделились каким-то секретом и теперь наконец она все поняла. Дыхание стало поверхностным и прерывистым.

В тот же вечер, когда из-за туч выглянула убывающая луна, ее душа тихо отлетела.

Хотя в дом было проведено электричество, он не стал включать свет, а зажег керосиновую лампу и всю ночь просидел, разглядывая лицо жены, озаренное мягким светом пляшущего огонька на фитиле. На рассвете он позвонил доктору.

Том шел по дорожке и сорвал желтый бутон с куста роз, который Изабель посадила, когда они только сюда приехали. Сильный аромат пробудил в нем воспоминания почти двадцатилетней давности: Изабель на коленях утрамбовывала руками землю вокруг только что посаженного молодого куста роз. – Наконец-то у нас появился свой сад, Том, – говорила она.

В тот день она впервые за все время после отъезда из Партагеза улыбнулась, и эта картина четко, как на фотографии, навсегда запечатлелась у него в памяти.

После похорон в церкви собрались немногочисленные соседи. Том провел с ними столько времени, сколько требовали приличия. Ему было жаль, что они не знали Изабель, по которой скорбили, такой озорной, отважной и полной жизни, какой она была на причале в первый день их встречи. Его Иззи. Его вторая половинка.

Через два дня после похорон Том сидел один в пустом доме, наполненном тишиной. Вдалеке показались клубы пыли, поднятые колесами приближавшейся машины. Наверное, кто-то из работников возвращался на ферму. Когда машина подъехала ближе, он снова на нее посмотрел. Дорогой и новый автомобиль с номерами Перта притормозил у дома, и Том вышел на веранду. Из машины вылезла молодая женщина и пригладила светлые волосы, прихваченные сзади резинкой. Оглядевшись, она медленно направилась к веранде, где стоял Том.

– Здравствуйте, – сказал он. – Заблудились?

– Надеюсь, что нет, – ответила женщина.

– Могу я вам помочь?

– Я ишу дом Шербурнов.

– Вы его нашли. Я Том Шербурн. – Он выжидающе на нее посмотрел.

– Тогда мне точно сюда. – Она нерешительно улыбнулась.

– Простите, – сказал Том, – неделя была трудной. Я что-то забыл? Мы договаривались о встрече?

– Нет, ни о какой встрече мы не договаривались, но я приехала повидаться с вами. И... – она помедлила, – с миссис Шербурн. Я слышала, что она очень больна. – Видя на лице Тома недоумение, она пояснила: – Меня зовут Люси-Грейс Рутфорд. Урожденная Ронфельдт... – Она снова улыбнулась: – Я Люси!

Том замер, не веря своим глазам.

– Лулу? Маленькая Лулу, – произнес он едва слышно, боясь пошевелиться.

Женщина покраснела.

– Я не знаю, как мне вас лучше называть. И... миссис Шербурн тоже. – Неожиданно на ее лице отразилось сомнение, и она спросила: – Надеюсь, она не будет против? Может, я не вовремя?

– Она всегда надеялась, что ты приедешь.

– Подождите! Я привезла вам кое-что показать! – Она вернулась к машине и достала из нее плетеную колыбельку. На ее лице появилось выражение нежности и гордости.

– Это Кристофер, мой маленький сын. Ему три месяца.

Увидев личико младенца, выглядывающего из одеяла, Том настолько поразили его сходству с Люси, когда они нашли ее в ялике, что по спине у него пробежали мурашки.

– Иззи была бы счастлива увидеть малыша. Ваш приезд для нее был бы настоящим праздником!

– О, простите... А когда?.. – Она не стала заканчивать фразу.

– Неделю назад. В понедельник были похороны.

– Я не знала. Если вы думаете, что мне лучше уехать, я...

Он нагнулся к колыбели и долго смотрел на ребенка, а когда поднял голову, на его губах была грустная улыбка.

– Пойдемте в дом, – пригласил он.

Том принес поднос с чайником и чашками, а Люси-Грейс смотрела в окно на океан, пристроив корзину с младенцем возле себя.

– С чего начнем? – спросила она.

– Давайте сначала немного посидим молча, – попросил Том. – Я никак не могу прийти в себя. – Он вздохнул: – Маленькая Люси! После стольких лет!

Они молча сидели с чашками в руках и слушали шум ветра над океаном. Иногда облака расступались, выпуская на волю лучи солнца, которые устремлялись в окна и падали на ковер гостиной яркими пятнами. Люси вдыхала запахи дома: старого дерева, лака, очага и дыма. Она не решалась посмотреть прямо на Тома и разглядывала комнату. Икона святого Михаила, ваза с желтыми розами. Свадебная фотография Тома и Изабель, на которой они такие молодые и полные надежд. На полках книги по мореплаванию, маякам и музыке. Некоторые, например «Атлас звездного неба», такие большие, что лежат плашмя. В углу пианино со сложенными в стопку нотами.

– А как вы узнали? – наконец нарушил молчание Том. – Про Изабель?

– От мамы. Когда вы написали Ральфу Эддикотту о ее болезни, он рассказал моей матери.

– В Партагезе?

– Сейчас она живет там. Когда мне исполнилось пять лет, мама забрала меня в Перт, чтобы начать все сначала. В 1944 году я вступила в Женскую вспомогательную службу BBC, и мама вернулась в Партагез. Они с тетей Гвен живут в Бермондси – старом особняке дедушки. А я после войны осталась в Перте.

– А ваш муж?

– Генри? – просияла она. – Мы познакомились на войне... Он просто чудо! А в прошлом году мы поженились. Я такая счастливая! – Она взглянула на океан, гладь которого блестела вдаль. – Я часто вспоминала вас обоих. Но только... – она помолчала, – но только после рождения Кристофера по-настоящему поняла, почему вы так поступили. И почему мама не могла вас за это простить. Я бы убила за своего ребенка! Это точно!

Она разгладила ладонями юбку.

– Я кое-что помню. По крайней мере мне так кажется. Как будто обрывки сна: маяк, конечно, и что-то вроде балкона вокруг башни наверху. Как это называется?

– Галерея.

– Я помню, как сидела у вас на плечах. Как играла на пианино с Изабель. Что-то про птичек на деревьях? А потом в голове все как-то путается и ничего конкретного не вспоминается. Новая жизнь в Перте, школа. Но лучше всего я помню ветер, волны и океан: они навечно поселились в моей душе. Мама не любит воды. И никогда не плавает. – Она опустила глаза на ребенка. – Я не могла приехать раньше. Я хотела, чтобы мама... наверное, чтобы она благословила меня.

Наблюдая за ней, Том улавливал отдельные знакомые черты, но сравнивать лица взрослой женщины и маленькой девочки было трудно. Ничуть не легче, чем копаться в самом себе, пытаясь отыскать того самого зрителя, который так сильно любил ее. И все же тот зритель никуда не делся, и в какой-то момент в ушах Тома отчетливо прозвенел требовательный детский голосок: «Папа! Возьми меня на ручки!»

– Изабель кое-что оставила для вас, – сказал он и принес сундучок из камфорного дерева. Достав письмо, Том передал его Люси-Грейс.

Она, помедлив, развернула листок и начала читать.

Моя дорогая Люси! Как же долго мы с тобой не виделись! Но я обещала, что не стану искать с тобой встречи, и свое слово сдержала, хотя видит Бог, каких сил мне это стоило.

Раз ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет на свете. Но все равно сердце мое наполняется радостью, ведь ты нас разыскала и приехала встретиться! Я никогда не теряла надежды, что это обязательно случится.

В сундучке с этим письмом ты найдешь свои вещи из далекого прошлого: платице, в котором тебя крестили, свое желтое одеялко и несколько первых рисунков. И еще там есть вещи, которые я шила для тебя – белье и всякая мелочь. Я сохранила их тебе в память о первых годах твоей жизни. На случай, если ты вдруг захочешь узнать о них побольше.

Сейчас ты уже взрослая женщина. Я очень надеюсь, что жизнь твоя сложится счастливо и что ты сможешь меня простить за то, что я сначала оставила тебя у нас, а потом позволила отобрать.

Знай, что я ни на мгновение не переставала любить тебя всем сердцем!

Аккуратно вышитые носовые платочки, вязаные пинетки, атласный чепчик – все это аккуратно сложено и убрано на самый низ сундучка под детские вещи самой Изабель. Том понятия не имел, что она их сохранила. Обломки времени. Осколки жизни.

Люси развернула свиток, перевязанный шелковой ленточкой. Карта Януса, разрисованная Изабель бог знает как давно. Отмель Кораблекрушений, Вероломная Скала. Чернила не выцвели, и казалось, что надписи сделаны совсем недавно. При воспоминании о том дне, когда она вручила ему эту карту, и охватившем его ужасе, что испорчена государственная собственность, у Тома защемило сердце. И его наполнила любовь к Изабель и горечь ее потери.

Люси-Грейс разглядывала карту, и по ее щеке скатилась слеза. Том протянул ей аккуратно сложенный носовой платок. Она промокнула глаза и, помолчав, произнесла:

– У меня не было возможности сказать спасибо. И вам... и маме. За то, что спасли меня и что так обо мне заботились. Я была слишком маленькой, а потом... уже было поздно.

– Нас не за что благодарить.

– Я жива только благодаря вам двоим.

Ребенок захныкал, и Люси взяла его на руки.

– Тихо, маленький, тихо! Не надо плакать! Все хорошо, зайчонок! – Она покачала его на руках, и ребенок затих. Люси повернулась к Тому: – Хотите его подержать?

Он смутился:

– Наверное, не стоит, я уже и забыл, как это делается.

– Ну же! – не сдавалась она и бережно вложила ему в руки маленький сверток.

– Ну-ка, давай поглядим на тебя, – сказал Том улыбаясь. – Совсем как твоя мама, когда была маленькой, правда? Такой же носик, такие же голубые глазки. – Ребенок серьезно смотрел на Тома, и на того вдруг нахлынули давно забытые чувства. – Как бы порадовалась Иззи, глядя на тебя! – Младенец надул пузырек слюны, и тот заиграл цветами радуги. – Иззи бы сразу в тебя влюбилась! – повторил он, стараясь взять себя в руки.

Люси-Грейс взглянула на часы:
– Мне, наверное, пора. Я остановилась на ночь в Равенсторпе. Не хотелось бы ехать в сумерки – на дорогу наверняка будут выскакивать кенгуру.

– Конечно. – Том кивнул на сундучок: – Помочь отнести его в машину? Если, конечно, вы захотите его забрать. Я пойму, если оставите.

– Я не хочу его брать, – сказала она и, увидев, как по его лицу пробежала тень, улыбнулась, – потому что тогда у нас будет предлог обязательно за ним вернуться. Надеюсь, что скоро.

Когда от солнца, опускавшегося в воду, осталась видна лишь узкая полоска, Том сел в шезлонг на веранде. На кресле Изабель лежали подушки, которые она сделала сама и украсила вышивкой со звездами и месяцем. Ветер утих, и облака на горизонте окрасились в яркий оранжевый цвет. В сумеречном воздухе вспыхивал луч маяка Хоуптауна. Теперь он включался автоматически – с тех пор как закрыли порт, смотрители на нем стали не нужны. Том вспоминал маяк на Янусе, о котором так долго заботился. Он по-прежнему светил где-то на самом краю земли, давая людям луч надежды посреди мглы. Его руки хранили память о легком тельце младенца, которого дала поддержать ему Люси, вызывая воспоминания о ней самой, когда она была такой же крошечной, и о сыне, которого ему довелось держать так недолго. Если бы он выжил, судьбы стольких людей сложились бы иначе! Том долго об этом размышлял и со вздохом прогонял эти мысли. Ничего изменить нельзя. Он прожил жизнь так, как прожил. Он любил ту женщину, которую любил. И никто и никогда в этом мире не проживет точно так же, как он. И это правильно. Ему так не хватает Изабель – ее улыбки, ее прикосновений. Слезы, которым он не давал воли в присутствии Люси, теперь текут по его щекам.

Он оглядывался назад, где полная луна поднималась по небу, будто заступив на смену умершему солнцу. Любой конец – это всего лишь начало чего-то другого. Маленький Кристофер будет жить в таком мире, представить который просто невозможно. Кто знает, может, в этом мире не будет войн? Люси-Грейс тоже будет жить в мире будущего, о котором можно только строить догадки. Если ее любовь к сыну будет хотя бы вполтину той, что испытывала к ней Изабель, с мальчиком все будет в порядке.

Его собственный жизненный путь еще не завершен. И он знал, что ни один прожитый день и ни одна встреча с новыми людьми не проходят для человека бесследно. Шрамы – это всего лишь другие формы памяти. Изабель, где бы она сейчас ни была, всегда будет такой же неотъемлемой частью его жизни, как маяк, океан или война. Все люди смертны и со временем обязательно уйдут в небытие, и только надгробия поросших травой и заброшенных могил будут единственным свидетельством того, что и они когда-то проделали свой неповторимый жизненный путь.

Том смотрел, как океан погружался в ночь, и знал, что завтра обязательно наступит новый день.

От Автора

Появиться этому роману на свет помогли очень многие. Чтобы перечислить всех поименно, потребовалась бы отдельная книга. Хотя я и старалась выразить им свою благодарность при личных встречах, хочу еще раз подчеркнуть свою искреннюю признательность за их неоценимый вклад. Все они – каждый по-своему – сумели внести что-то свое: особенное и уникальное.

Огромное спасибо всем вам, что помогли рассказать эту историю. Я благодарна судьбе за то, что она одарила меня вашей добротой.

Примечания

1
Условное название вод Тихого, Атлантического и Индийского океанов, окружающих Антарктиду. В действующем определении океанов от 1953 года Южного океана нет. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2
Строки из известного стихотворения Мэри Ховитт (1799—1888) «Паук и муха».

3
Книга пророка Исайи, 9:6.

4
Имя отца апостолов Иакова и Иоанна (Евангелие от Матфея, 4:21).

5
Разработана английским адмиралом Френсисом Бофортом в 1806 году для определения силы ветра по характеру ее проявления на море. С 1874 года принята для повсеместного (на суше и на море) использования в международной синоптической практике.

6
Псалом 126 (127).

7
Красный краситель, получаемый из карминовой кислоты, производимой самками кошенили.

8
Быстроплавающая съедобная рыба.

9
Из обращения президента Вудро Вильсона к конгрессу в 1917 году.

10
Традиционный английский десерт на основе яиц, сахара и масла с добавлением лимонного сока и цедры.

11
26 декабря, официальный нерабочий день в Британском Содружестве и многих других европейских странах.

12

Вид соревнований по бегу для детей: соревнующиеся бегут парами, причем правая нога одного участника привязана к левой ноге другого.

13

Блаженны плачущие (*нем.*).

14

День памяти солдат Австралийского и Новозеландского армейского экспедиционного корпуса (отмечается 25 апреля в Австралии и Новой Зеландии).

15

Иуду (одного из двенадцати апостолов) чтут в Великобритании как заступника несчастных. В газетах иногда помещают объявления с благодарностью этому святому за оказанную помощь. День Иуды отмечается 28 октября.

16

Яд восточной коричневой змеи в двенадцать раз сильнее яда индийской кобры.

17

«Часослов» – поэтический сборник Рильке, выпущенный в 1905 году.

18

Спи, моя радость, глазки закрой. Папа на пасеке, мама с тобой. Листья и травка едва шелестят, лишь бы ничем не тревожить пчелат (*нем.*).

19

Известная солдатская песня-марш. Написана в 1912 году, особую популярность приобрела во время Первой мировой войны.

20

Федерация получила права доминиона Британской империи, а бывшие колонии стали штатами нового доминиона 1 января 1901 года.

21

Эдвард (Нед) Келли (1854—1880) – австралийский бушрейнджер (разбойник), известный дерзкими ограблениями банков и убийствами полицейских. Казнен через повешение.

22

Семейство австралийских птиц отряда воробьиных.

23

Листопадное ветвистое дерево высотой 10—15 м с раскидистой кроной в форме широкого зонтика.

24

Группа видов сумчатых млекопитающих из семейства кенгуровых, как правило, меньших по размеру, чем кенгуру.

25

Флоренс Найтингейл (1820—1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

26

Шесть ударов палкой – существующий и в настоящее время вид наказания в некоторых частных школах.

27

Вечнозеленый кустарник или небольшое дерево до 15 м высотой; цветет конусообразными желтыми цветами.

28

Большой австралийский зимородок.

29

Ребенку говорят, что, если положить выпавший молочный зуб перед сном под подушку, ночью придет фея молочных зубов и заберет зуб, оставив в подарок монету.

30

Сценический псевдоним знаменитого австралийского конферансье и комика Роя Рене (1892—1954).

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)